

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

КЕМЕЛЬ ТОКАЕВ

КЕМЕЛЬ ТОКАЕВ

Особое поручение

П
О
В
Е
С
Т
Ь

Переиздание

НУР-СУЛТАН, 2020

УДК 821.512.122-32
ББК 84(Каз)
Т 51

Токаев К.
Особое поручение : повесть/ К. Токаев. – Нур-Султан, 2020. –
160 с. – Переиздание с 1968 г.

ISBN 978-601-7812-58-4

Много лет прошло со дня окончания войны, а мы узнаем все новые и новые страницы о героической борьбе наших воинов, о мужестве и отваге советских людей в глубоком тылу, о партизанском движении на оккупированной территории.

Повесть Кемеля Токаева «Особое поручение» рассказывает о том, как сражались отважные советские люди с фашистами.

УДК 821.512.122-32
ББК 84(Каз)

ISBN 978-601-7812-58-4

© Национальная академическая
библиотека РК, 2020

ПУТИ-ДОРОГИ

Идет война. 1943 год... Наши войска стремительно продвигаются на Запад. Часть, где я служил, движется вслед наступающим. В начале ноября наш состав с танками останавливается на какой-то станции.

— Эй, друзья, куда мы попали? Что это за место такое, — перекликаются танкисты друг с другом. Но в ответ им звучит только эхо. Что это за станция? Вокруг зловещая, мертвая тишина. В вечерней мгле кое-где угадываются развалины домов.

Здание вокзала зияет огромными черными провалами. Нигде не видно ни одной живой души. Только там, в головной части эшелона, суетится поездная бригада. Вскоре мы видим мелькающий вдоль нагруженных тяжелыми танками платформ бледный огонек фонаря. Огонек приближается, и перед нами вырастает фигура человека. Это железнодорожник. В руках у него молоток с неестественно длинной ручкой. Человек нагибается и дробно стучит молотком по колесам вагона. За долгую дорогу к фронту мы привыкли к этому и потому не обращаем на железнодорожника никакого внимания. Пусть он, как говорится, спокойно делает свое дело.

А по платформам бежит к нам капитан Кропычев, помощник начальника штаба нашего танкового полка. Мы узнаем его по энергичной походке, по громкому, чуть хриловатому голосу. Он уверенно перепрыгивает с платформы на платформу.

— Товарищи! — радостно и взволнованно говорит капитан. — Мы приехали! Приехали наконец-то. — Потом он останавливается, и голос его вдруг срывается:

— Что же вы стоите как вкопанные? Готовьте машины к разгрузке. Снимайте брезенты, отцепляйте тросы...

Мы не обижаемся на резкость капитана Кропычева. Все его хорошо знают в полку и искренне уважают. Мы вместе воевали с ним еще под Сталинградом. Тогда он был командиром танка и носил звание лейтенанта. Воевал Кропычев дерзко, изобретательно. Как-то так случалось, что он почти всегда первым оказывался перед вражескими позициями, впереди всех преследовал отступающих фашистов. Молодого офицера заметило командование и перед штурмом Киева его назначили помощником начальника штаба полка. Однако, несмотря на высокую должность, боевые друзья называли его по имени и отчеству, а часто и просто по имени. Да и сам Кропычев, казалось, не обращал внимания на такую фамильярность.

— Николай, куда это мы приехали? — спросил у Кропычева командир машины Кравченко, когда тот оказался у его танка.

— Вот так раз! — удивился капитан. — Чего это ты, Сергей, свои родные места не узнал? Ведь это же Дарница. В Дарницу мы прибыли, разгрузаться здесь будем.

— Это правда? Брат ты мой! — лейтенант Кравченко бросился обнимать капитана.

Кравченко действительно не узнал Дарницу, хотя и бывал здесь до войны. Он напряженно всматривался вдаль, озирался вокруг, но не мог отыскать никаких примет знакомого города. Неподалеку, за железнодорожным полотном, он знал, до войны стояли аккуратные, точно игрушечные домики под красными черепичными крышами. Теперь на их месте лежало темное пространство, утыканное высокими столбами, с которых свисали зловещие кружева колючей проволоки. Столбы уходят далеко в темноту, и конца им не видно.

— Что загляделся, сынок? — услышал Кравченко тихий, грустный голос. Он обернулся на оклик и увидел рядом с платформой железнодорожника. Тот стоял, опираясь на длинную ручку своего молотка, и слабый свет красного фонарика вырвал из сгущающегося сумрака его неуклюжую фигуру. Кравченко разглядел, что перед ним немолодой уже человек. Белый полушубок, подпоясанный бечевкой, горбился на его спине, и оттого железнодорожник походил на древнего деревенского старика с клюкой, каких доводилось встречать лейтенанту в детстве. Полы полушубка оттопырены, на ногах старика — большие черные валенки. Казалось, эти валенки намертво припаялись к земле и не дают человеку сдвинуться с места.

— Откуда родом, сынок? — Опять заговорил железнодорожник, и Кравченко, очнувшись от невеселых дум, с готовностью ответил:

— Из Переяслава, папаша, из Переяслава. Совсем недалеко отсюда...

— Так и я ж из Переяслава, — обрадовался железнодорожник. — Выходит — мы земляки с тобой.

— Земляки, — согласился Кравченко и, кажется, впервые за этот вечер тепло улыбнулся.

— А давно ли ты на фронте, земляк? — железнодорожник привстал на своих тяжелых валенках и приподнял фонарь, пытаясь получше рассмотреть лицо собеседника. С самого начала, отец, — ответил Кравченко и тяжело вздохнул. — С тех пор вот и о родных никаких вестей не имею. Живы, нет ли? Ах, сынок, война все перепутала. Не только дома порушила, но и людей по земле раскидала. Многие сгинули совсем. — Старик на секунду прикрыл глаза замасленным рукавом полушубка, затем срывающимся голосом сказал: — Да вот тут, к примеру, в Дарнице, немало людей свои головы сложили. Послушай, папаша, — перебил собеседника танкист, — вы здешний человек, до войны тут жили. Не знаете случайно такую девушку, Ирину Кравченко? Ирину, говоришь? — переспросил старик и почему-то еще пристальней стал приглядываться к танкисту. — Знаю Ирину. Да и то сказать, кто же не знает эту девушку? Добрым она была человеком. Ты, должно быть, помнишь, сынок, как перед войной в Дарницу со всех краев молодежь съезжалась. Комсомольский городок здесь тогда строился. Палатки по всей степи стояли. И радостно, и весело было. Словом, что там вспоминать. О хороших временах хорошая и память.

Старик умолк, приподнял полы своей громоздкой шубы и стал копать в карманах. Он вынул небольшой мешочек с табаком и стал сосредоточенно набивать самосадом коротенькую трубку с кривым мундштуком. Все это он проделывал не спеша, обстоятельно, словно подчеркивая всю важность для него этой процедуры. Затем он зажег спичку, сладко затянулся едким дымом, откашлялся и снова начал рассказывать.

— Вон там, впереди, темная полоса виднеется. Это лес.

А за ним — поляна просторная, такая, что тысячи людей вместить может. Помнится, выходной день тогда был. Ну точно, воскресенье. Вдруг видим, молодежь гурьбой к поляне повалила. И парубки, и девчата, и ребятишки. Впереди — колонна с флагами и знаменами. Гармошки играют, песни звенят, девчата то и дело в пляс пускаются. Всполошились старики: 'праздник, что ли, какой? И как же это мы его просмотрели? Оказывается, молодежь воскресник устроила. На поляне трибуну соорудили, ораторы выступают, речи говорят. А потом торжество началось. До того весело было, просто настоящий праздник получился. Всего и не вспомнить теперь. А радость, что тогда испытать довелось, до сих пор сердце тревожит... Ты вот сейчас про Ирину меня спросил. Тогда-то в первый раз ее я и увидел. Звонкоголосая такая, веселая, среди всех она как-то выделялась, привлекала к себе. Да и я в ту пору не был еще таким стариком, от молодых не отставал, наравне с ними на стройке лопатой орудовал. Это война проклятая изломала и согнула меня. Старик раскурил потухшую было трубку и опять задымил едким самосадом. Помолчал немного, повздыхал о чем-то, словно вспоминая пережитое, заговорил снова:

— На стройке мы, взрослые, вроде наставников были, молодых учили. Ирину частенько видеть приходилось. Она бригадиром стала, и бригада ее всегда первой была. В то лето сын моего двоюродного брата в гости к отцу заявился. В летной школе он тогда учился, на побывку его отпустили. Парень из себя видный, красивый. Познакомились они с Ириной, полюбили друг друга и тогда же поженились. Но не долго мы радовались их счастью. Пришла война, и все враз изменила. Сын моего брата на фронт ушел, война к нам подступать стала. Посоветовались мы с братом и порешили Ирину к родителям в Переяслав отправить. Там, мол, ей у своих спокойнее будет.

Но не тут-то было.

— Никуда я отсюда не уйду, — твердо заявила Ирина. — Теперь повсюду фронт, и от войны бегать не годится.

...Как-то незаметно вокруг рассказчика собрались друзья Кравченко. К беседующим один за другим подходили танкисты и автоматчики, останавливались на минутку, а потом, увлеченные воспоминаниями старого железнодорожника, оставались около него. А старик, видя, с каким интересом его слушают, все продолжал и продолжал рассказывать:

— Так и осталась Ирина в Дарнице. А потом мы узнали, почему она не захотела уходить из своего городка. Видите, впереди колючую проволоку? Тут был лагерь наших военнопленных. Это — ад крошечный, страшно и вспоминать о нем. Случалось, подойдешь близко к лагерю, душа каменеет. Раненые и больные пленные вповалку лежали на сырой земле, зарывались в норы. Многие из них не имели никакой одежды. В лагере — зловоние, грязь. Умерших не убирали неделями. Увидят пленные прохожих, зовут к себе, молят о помощи. А чем поможешь? Бывало, проберешься к проволоке, передашь кусок хлеба, картошки, вот и все. Да и за это часовые расстреливали жителей. Муки пленных были ужасны.

Однажды до нас дошли слухи, будто немцы отделили раненых военнопленных командиров и комиссаров и собираются их вскорости расстрелять. Кто говорит, что двадцать командиров, кто — тридцать, а кто и пятьдесят. В общем, точно не известно. Знаем одно, что ждет наших людей злая смерть. Весь город тогда заволновался, все только об этом и говорили.

Мы с братом заметили, что Ирина как-то сразу изменилась, повзрослела. Вечерами она часто задерживалась и на расспросы отвечала невпопад. Когда в городе разнеслись слухи о готовящемся расстреле пленных, Ирина объявила, что соскучилась по своим родителям и ей надо обязательно уехать в Переяслав.

Без пропуска туда не попадешь, кругом шныряют оккупанты, и мы подивились этому ее желанию. Я в тот вечер был у своего брата. Он был сапожником и этим ремеслом зарабатывал хлеб в то трудное время. Сидим мы так, мирно беседуем, брат чинит мои сапоги, а его жена Агафья хлопочет по хозяйству. Вдруг открывается дверь и в хату входит Ирина, а за ней — немецкий офицер. Мы просто опешили. А Ирина не обращает на нас никакого внимания, словно нас и нет в доме. Проходите, — говорит, — господин офицер, присаживайтесь к столу. Ирина провела улыбающегося немца в передний угол, усадила на стул. Сама так это плутовато смеется, на офицера смотрит ласково, а на нас вроде бы даже косится. Немец кое-как объяснялся по-русски. Он с ходу заговорил с нами. Ирина, кажется, даже подзадоривала его. Нравится вам наш новый порядок? — спросил офицер и, не дожидаясь ответа, с восторгом отозвался об Ирине: — ваша дочь очень карош. О, она все принимает...

— Отец, — сказала Ирина, — завтра я еду в Переяслав, господин офицер помог мне достать пропуск.

Офицер заулыбался и похлопал Ирину по плечу. Это неожиданно взъярило Агафью. Она бросила тарелки с закуской на стол и презрительным взглядом обожгла незваного гостя. Досталось также и Ирине. Агафья вот-вот готова была броситься на сноху с кулаками. И только строгий взгляд мужа Миколы удерживал ее от этого опасного шага. Все-таки Агафья не выдержала и зло зашипела на Ирину: Я вот задам тебе Переяслав. О чем там болтает эта старуха? — нахмурился офицер и даже привстал со стула.

— Не сердитесь на нее, господин офицер. Моя мама очень добрая, я ведь говорила вам... — Ирина подошла к Агафье, обняла ее и наклонилась к уху, видимо, желая что-то объяснить свекрови. Но Агафья грубо оттолкнула Ирину от себя.

— Что это ты ерепенишься, старая?! — гаркнул молчав-

ший до этого Микола и, обратившись к офицеру, извиняющимся тоном добавил:

— Не слушайте ее. Она, конечно, мать и ей неприятно, что за дочьрью ухаживает человек другой нации и веры. Кушайте лучше, что бог послал.

Офицер немного успокоился и сел за стол. Они о чем-то говорили вполголоса, но беседа явно не клеилась. Немец то и дело холодно поглядывал на Агафью, та хмурилась и от-ворачивалась от него. Ирина заметно волновалась. Наконец они встали и ушли. Как только за «гостем» закрылась дверь, Агафья набросилась на Миколу.

— Не тебе ли говорила я, старый ты дурень, — кричала Агафья, — что сноху давно надо бы отправить к своим. Теперь вот полюбуйся, что она вытворяет. Уже и немцев в дом начала водить. И до чего же бесстыжая, сатана. Она, верно, и не подумала, что у нее есть муж. Что она скажет, когда вернется с фронта Андрей? Он ее не помилует. Да и я ей, вертихвостке, не спущу: пусть убирается из дому, куда глаза глядят. Наш дом не для фашистов и не для таких, как она. Придет час, задушу ее своими руками. Эй, баба, угомонись! — рассердился Микола. — Перестань болтать попусту. Разве людям сейчас до веселья. У снохи, видно, другое на уме, и ты не мешай ей. Известно, что на уме у бабы, которая шляется по ночам, — все больше волновалась Агафья. — У дурного человека и на уме, и на душе дурное.

— Хватит! — прикрикнул Микола. — Постыдилась бы о такой срамоте говорить. Разбирай постель да ложись спать...

Я жил далеко от брата, и он уговорил меня остаться ночевать у него. Шло время, но мы никак не могли заснуть. Агафья плакала. Да и самим нам было впору разреветься. О чем ни заведем разговор, все к войне, к бедам и несчастьям нашим возвращаемся. Горе кругом, печаль и слезы, и нет этому конца.

В полночь за окнами говор слышался, а потом и стук в дверь — Ирина приглашала кого-то зайти в дом. «Заходите, слышим мы из сеней, дома у нас никого нет». У меня даже сердце екнуло, неужели, думаю, она опять в дом немца своего зовет. Открывается дверь, кто-то входит, Микола прибавляет в лампе фитиль. Я вижу у порога мужчину в старой рабочей одежде с помятой кепкой в руках. Говорили — никого, а тут полна комната народу, — проговорил незнакомец и приветливо улыбнулся нам: — Что же вы, хозяйева, не спите до сих пор? Разве до сна человеку в горе? — Агафья тяжело вздохнула и внимательно оглядела незнакомца. — Во сне одна беда только и грезится. Горю нельзя поддаваться. Сильный человек беды не боится, а вы, я вижу, люди не слабые, — пришедший опять улыбнулся и сказал, обращаясь к Миколе: — У нас есть небольшое дельце, и нам надо спокойно поговорить с Ириной. Микола согласно кивнул головой и указал на дверь в комнату Ирины. Гость прошел туда с Ириной, и мы тут же услышали их торопливый разговор. Говорил больше мужчина, а Ирина только изредка вступала в беседу. Мы поняли, что речь идет о военнопленных, и невольно затаили дыхание. Неужели есть возможность спасти командиров и комиссаров от гибели? И неужели это наша Ирина участвует в таком серьезном деле? По разговору выходило, что так оно и есть.

— Жди людей у Борисполя, — слышался приглушенный голос из-за двери. — Будете идти только ночами. Учти, что среди них много совсем слабых. Если кто не сможет двигаться дальше, устрой их по этому адресу. Хорошо? «Хорошо!», «Ладно!», «Есть», — это, мы слышим, отвечает Ирина. Потом разговор на некоторое время стихает. Мы сидим, боясь проронить хоть слово. Что затеяли эти люди? Удастся ли им выполнить задуманное? Наконец оба они появляются в нашей комнате, и мужчина говорит Ирине: Счастливого пути, дочка. Желаю тебе

удачи.— Потом мужчина достал из кармана пистолет и передал его Ирине:— Возьми, в дороге пригодился. Только смотри, береги себя.

Ирина спрятала пистолет, с минуту постояла посреди комнаты и вдруг с плачем бросилась Агафье на шею. Обе женщины разрыдались. Микола не выдержал и тоже смахнул скупую мужскую слезу.

— На кого же ты нас покидаешь, дочка?—причитала Агафья.— И как же мы теперь будем без тебя, старые? За какие грехи на нас такая кара?Хватит, мать, не реви! — тихо проговорил Микола.— Судьба позвала ее, пусть идет, пусть поможет людям.Вот и добре, вот и простились,—заговорил незнакомец и повел Ирину к двери:— не будем ее задерживать, ей уже пора... А я, дорогой хозяин, если разрешите, останусь здесь до утра. Сейчас мне нельзя выходить.Ирина ушла в ночь, а на рассвете как-то незаметно исчез из дома и незнакомец. Я проснулся от сильного шума и гама на дворе. На улице суматоха: трещат мотоциклы, гудят машины, лают собаки. Немцы торопятся как на пожар. Мы было подумали, что к городу подошла Красная Армия и нагнала страху на фашистов. Потом припомнили ночного незнакомца, и кое-что для нас прояснилось. Вскоре мы узнали, что ночью все приговоренные к смерти военнопленные сбежали из лагеря.

— Как могли эти слабые люди выбраться из каменных са-раев? — удивлялись горожане.Двери целые,— передает кто-то новые подробности,— кто-то специально открыл замки.А как же охрана? Неужели не заметили? Часовые, конечно, всех бы перестреляли, но их самих нашли убитыми. Кто-то переоделся в немецкую форму и обманул фашистов.

Новость шла из конца в конец города, обрастая разными деталями. Люди радуются, однако все тревожнее вглядываются в ту сторону, куда скрылся фашистский карательный отряд. Со

стороны леса послышались выстрелы, и улицы начали пустеть. Я понял, что оставаться на виду у немцев опасно. Обозленные неудачей, они, пожалуй, начнут хватать и расстреливать мирных жителей. Я тащу домой своего брата, но он упирается, хлопает по своей левой ноге и подмигивает мне. «Не бойся, мол, за меня, немцы мне ничего не сделают».

Только тут я догадываюсь, почему так расхрабрился мой брат. Еще до войны он потерял ногу, был инвалидом, и ему, конечно, нечего было опасаться оккупантов. Он бродил по улицам весь тот памятный день, высматривал, прислушивался к тому, что говорят в городе о побеге пленных. А когда вернулся домой, то небрежно сказал Агафье: Все это, мать, одна бабская болтовня, немцы просто зря панику поднимают. Агафья в этот раз ему не перечила. Она знала, что муж гордится своей снойхой и потому так небрежно говорит о случившемся. Да и о чем много разговаривать: глядишь, болтовней этой и спугнешь радость. Я тоже не стал расспрашивать Миколу о подробностях события и ушел от него домой радостный и взволнованный. А когда через две-три недели я опять заглянул к Миколе, то застал стариков опечаленными. На кровати лежала бледная, без кровинки, Ирина. Была она измученная и худая. Я присел у постели Ирины.

— Чем больна?—спросил я у Агафьи.— Давно ли, слегла? Я простудилась,— слабым голосом ответила Ирина.— Легко одета была, легкие, видно, застудила... Ничего, пройдет скоро. Но Ирина встала с постели не скоро. Да и поправилась она на свою беду. В начале сорок второго года разнесся слух что молодежь угоняют в Германию. Пленных отправляли уже давно, а тут дошла очередь и до мирных жителей. Я поспешил к Ирине, чтобы разузнать у нее подробнее об этих страшных новостях. Захожу в дом и застаю там давнего ночного гостя. Он сильно изменился, похудел и полысел, но я его узнал и вежливо с ним поздоро-

вался. Он едва кивнул мне головой. Видно, что оба были чем-то расстроены.

— Надо уходить, поторапливайся. Будет погоня — поста-раемся задержать,— они попрощались, и мужчина ушел. Я и теперь жалею, что не расспросил тогда о нем у Ирины. Ведь я даже имени его не знаю. А это был замечательный человек. Может быть, потому, что Ирина поспешно стала собираться в дорогу, я не посмел задерживать ее разными расспросами. Так или иначе, но я ничего не узнал. А через несколько дней довелось увидеть мне страшную картину. Немцы привели на казнь большую группу людей, и среди них я узнал того самого ночью незнакомца. Он был весь избит, изранен и едва стоял на ногах. Его поддерживали под руки товарищи. Я был близко, и он, увидев меня, слегка кивнул головой. А когда палачи набросили ему петлю на шею, он громко выкрикнул: Смерть немецким оккупантам!

Тяжкие, тяжкие дни мы пережили. Обо всем и не расскажешь, — старик вздохнул и начал неторопливо выбивать золу из своей давно погасшей трубки. — Через некоторое время арестовали и нашу Ирину. Люди говорят, что, пораженные стойкостью патриотки, фашисты отправили ее в Германию и будто бы ее не расстреляли. Может быть, эти слухи распространяли те, кто не хотел верить в смерть Ирины, я не знаю. Да и доведется ли узнать что-нибудь о ней еще? Вот теперь вы вернулись и нам стало легче. Теперь жизнь наша наладится и все будет хорошо. Послушай, сынок, — вдруг спохватился старик. — Я забыл даже спросить тебя, зачем это ты заставил меня рассказывать об Ирине? Уж не брат ли ты ей? Помнится, она говорила, что брат ее в Оренбурге учился. А? Скажи, милый, не ты ли это? Кравченко ничего не успел ответить старику. К платформе, запыхавшись, подбежал Кропычев. За ним спешил еще кто-то.

— Почему задержались? — закричал Кропычев. — Передняя колонна уже у Днепра, а вы здесь прохладаетесь.

Парторг полка майор Кузнецов поручил мне разобраться в случившемся.

— Товарищ Токаев, — сказал майор, узнай, что тут произошло. Тебе, как комсorghу, будет легче разобраться. Ви-дишь, твои комсомольцы чем-то опечалены и расстроены. Мне не составило труда разобраться в «происшествии». Танкисты — мои ровесники-комсомольцы — тут же рассказали мне обо всем. Я, как мог, утешил своего товарища лейтенанта Кравченко и пошел доложить майору о причинах задержки танкового экипажа с десантом автоматчиков. Кравченко узнал, что фашисты арестовали его сестру, — доложил я майору. — Ведь он из здешних мест, и ему рассказали об этом. Кто ему рассказал? — спросил майор. — Может быть, это неправда? Вон тот человек. — Я указал майору на удалявшегося старика с фонарем в руке и вкратце пересказал все, что успел узнать о беседе старика с танкистами. Тяжелое известие, — проговорил майор. — Попрошу сделать так, чтобы поменьше напоминать Кравченко о его горе. Совсем парень расстроится, боевой дух потеряет.

...Ночью наш танковый полк прошел через Киев, а уже утром мы были у Радомишля, где получили приказ закрепиться и стойко оборонять западную окраину города. Радомишль — небольшой городок, раскинувшийся на склонах гор. Через весь город протекает река, рассекая его пополам. Стоял ноябрь, уже выпал снег, но зелень еще сохранилась. День выдался солнечный и ясный, однако холодный, порывистый ветер быстро заледенил танковую броню. В танках холодно. Обычно в таких случаях танкисты согреваются у костров, но на этот раз о кострах не могло быть и речи. Почти с марша полк вынужден был отбивать атаки немецких танков.

Немцы атаквали яростно, густыми колоннами. Одна

колонна за другой накатывались на наши позиции, все сокрушая своим огнем. Прошел день, второй, третий. Целых восемь дней атаковали фашисты, танковые костры горели, не утихая все это время. Иногда казалось, что горит вся степь перед городом. Фашисты любой ценой хотели вернуть потерянный Киев, и потому все усиливали и усиливали свои атаки. Люди забыли, что такое сон, еда, отдых. Одежда танкистов превратилась в клочья, изможденные, закопченные лица обросли бородами. Мы несли большие потери. Почти каждый час кто-нибудь выбывал из строя, некоторые экипажи менялись по два-три раза. Случалось, что у танкистов не хватало сил для того, чтобы залезть в машину либо выбраться из нее. Вой снарядов не затихал ни на минуту все эти долгие жестокие восемь дней. Я участвовал во многих сражениях, — сказал тогда парторг майор Кузнецов, — но таких танковых боев еще не видел. Кажется, на Курской дуге и то было легче.

Майор Кузнецов вернулся из атаки в подбитом танке и тут же ему пришлось заменять раненого командира роты. Все дрались тогда исключительно упорно, зная, что за нами Киев, многострадальный город, только что освобожденный от фашистской оккупации. Мне почему-то часто вспоминалась тогда Ирина, старик, который о ней рассказывал. Я не верил, не хотел согласиться с тем, что она погибла. Думалось, что встретится нам Ирина на тяжелом фронтовом пути. Немцы наконец прекратили атаки. Или они убедились, что на нашем участке им не прорваться к Киеву, или истощили свои силы, но на девятый день мы не услышали привычного лязга гусениц и грохота танковых пушек. День прошел относительно спокойно, не увидели мы фашистских танков и на следующее утро. Это нас начало тревожить. И не напрасно: вскоре мы услышали о прорыве нашей обороны на участке соседней стрелковой дивизии. Мы и сами видели, что обстановка резко изменилась. Еще

вчера по дороге непрерывно шли машины с боеприпасами, а сегодня их поток к фронту прекратился. Фашистские танки перерезали дорогу.

Полк получил приказ контратаковать врага. Нам предстояло переправиться через реку и выйти на восточную окраину города. Это оказалось самым трудным делом. Единственный мост через реку в черте города залило водой, а попытка найти брод кончилась потерей тяжелого танка. Время шло, а приказ оставался невыполненным. Совет командиров проходил бурно, но не пришел ни к какому решению. И тут к нам нагрянула большая группа партизан. Среди них была девушка, которая сразу обратила на себя внимание. Красивая, маленькая и юркая, в боевых доспехах, девушка смело направилась к нам. И тут мне опять вспомнилась Ирина. Я хотел представить ее в образе этой милой мужественной девушки. Именно такой я видел Ирину. Девушка подошла к танку и смело спросила:

— Кто у вас здесь главный из командиров? Поди ж ты, — удивились танкисты. — Главного ей подавай. А с рядовыми танкистами ты и разговаривать не хочешь? А чего с тобой разговаривать, — девушка указала рукой на меня и засмеялась: — У тебя не только никаких знаков отличия нет, но и на губе ни одного волоска еще не выросло. Танкисты безудержно расхохотались. В полку у нас совсем не было женщин, и эта девушка показалась всем каким-то необыкновенным, ярко распустившимся цветком. Огрубевшие солдатские сердца враз растаяли и загорелись жарким пламенем. Каждый старался перекинуться с ней хотя бы одним словечком, каждый хотел, чтобы девушка наградила его своей доброй улыбкой.

— Поговори со мной, сестренка, я усатый. Да разве у него усы? Это просто недоразумение. Лучше уж со мной покалякайте, у меня и усы, и борода есть, — кричит издали огромного роста старшина-танкист и машет девушке рукой.

— А я сегодня, как на грех, побрился. — Это капитан Кропычев поддался настроению солдат и тоже начал шутить и смеяться.

— Ну пошутили и хватит, — нахмурилась девушка. — Что это вы здесь столпились? Налетят немецкие самолеты, и от вас одни щепки останутся. Лучше помогли бы нам пробраться к своим. Наши на том берегу с немцами дерутся, помощь нужна.

— А вам известен брод через реку? — спросил Кропычев. — Вплавь мы пройти не можем. — Конечно, известен! — горячо заговорила девушка. Следуйте за нами. Через некоторое время, когда мы спустились вниз по реке, партизаны указали брод. Мы переправили танки прямо перед носом у немцев и с ходу вступили в бой. Приказ командования был успешно выполнен. А потом наш полк пошел на Запад, и танкисты долго еще вспоминали эту чудесную девушку.... С тех пор прошло много лет. И когда мне вспоминался Киев, то перед глазами неизменно вставали давние и трудные годы войны. Я всегда мечтал побывать в Киеве, походить по улицам этого великого города! И еще думалось мне, что удастся встретить кого-нибудь, кто видел и знал Ирину Кравченко. Однажды мы с партизаном Кали Утегеновым совсем было уже собрались в Киев, но поездка в тот раз сорвалась. Моя мечта осуществилась только через двадцать лет.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Воздушный красавец «ИЛ-18» стремительно набирает высоту. Через некоторое время на горизонте встают остроконечные вершины гор и многослойные облака надолго скрывают от глаз пассажиров землю. Короткая остановка в Ростове-на-Дону, и мы летим курсом на Киев. Киев! Этот город грезился мне в солдатских снах двадцать долгих лет. Каков ты сейчас,

древний и вечно молодой город, какие люди ходят по твоим широким проспектам?

В дороге быстро знакомятся. Не так уж много времени требуется для полета от Алма-Аты до Киева. Но его с избытком хватило нам, пассажирам, для дружеских разговоров и сердечных бесед. Миловидная стюардесса мягко прохаживается между кресел, радушно предлагая нам дары «Аэрофлота». На ее блестящем никелированном подносе — горка всевозможных конфет. Никто не отказывается от угощения, хотя среди пассажиров не особенно много любителей сладкого. У всех возбужденное, приподнятое настроение. Оно повышается с каждой минутой, приближающей нас к цели полета.

— Вот и Киев скоро. Что значит современная техника! — восхищается пожилой пассажир. — А в старое время на такую дорогу ушло бы целых шесть месяцев. Да, хорошо, — довольно поддерживает своего попутчика собеседник, полный мужчина. — Сердце у меня не очень крепкое, думал, плохо будет в полете. Однако все обошлось. Просто чудо какое-то. И удобно в самолете, и красиво. А какой самолет? Громадина! Под его крылом «кукурузник» поместится. Один — это маловато. — Молоденький паренек смотрит в иллюминатор и говорит: — Под это крыло четыре «кукурузника» подвесить можно. По своей журналистской привычке мы больше слушаем, чем говорим. А нас в самолете одиннадцать казахстанских газетчиков, направляющихся в Киев по приглашению Союза журналистов Украины. Мы прислушиваемся к спору о размерах нашего самолета, и меня несколько удивляет, что такая, в общем-то незначительная тема способна увлечь стольких людей. Всегда веселый Кали Утегенов с улыбкой замечает:

— Послушай, парень, ври, да знай меру. Что вы, Калеке, — парень приподнимается с кресла и начинает убеждать Кали: — Вы же видели «кукурузники». По сравнению с нашим гигантом

они выглядят маленькими. Все равно, — говорит Кали, — четыре «кукурузника» под одно крыло — многовато. Может быть, сбавишь до трех?

— Четыре — и то мало, — упрямылся парень.

Все смеются. Однако каждый поглядывает в свое окошко и прикидывает про себя: «сколько же все-таки «кукурузников» поместится под крылом гигантского лайнера?» Между тем солнце уже скатывается к горизонту, и на землю наплывают громадные пятна теней. Но еще хорошо просматриваются леса, удивительно четкие квадраты и прямоугольники полей, извилистые контуры рек. Постепенно краски меняются, и все на земле покрывается одним зеленовато-синим цветом. Приречные села кажутся мне раскинутыми прямо на сизых болотах. Наверное, у меня устали глаза. Я обращаюсь к соседу, чтобы проверить свои впечатления. Он заглядывает в окно и восхищенно вскрикивает: Какое чудо! Раньше, признаться, я не замечал ничего подобного. Самолет идет прямо на запад. Нас порою окутывают густые облака, а иногда вдруг открывается впереди огромная синяя яма, и нам кажется, что самолет, лишенный опоры, проваливается в нее. Но это впечатление обманчиво: стрелка высотомера стоит на одном месте. Вдруг впереди возникает огромный белоснежный перевал. Создается впечатление, что мы летим над высокими горами и надо немедленно сворачивать в сторону, либо набирать высоту, не то самолет врежется в гору. Самолет, действительно, поворачивает и летит вдоль гребня причудливых туч, так похожих на горы.

Впереди снова огромное облако. Наш лайнер с ходу таранит его, и за окнами наступает злоецающая мгла. Самолет подрагивает, гул моторов становится слышнее. Наконец самолет пронзил облако, и перед нами открылась земля. Она все ближе, все явственнее проступает в сумерках. Внизу виднеются редкие огоньки. Панорама явно непохожа на киевскую. Пассажиры

заволновались. Где же Киев? Разве мы не увидим его с воздуха? Самолет пошел на посадку, и уже через несколько минут мы узнали, что приземлились в Борисполе. Отсюда до Киева — тридцать два километра. Мы вышли из самолета и увидели перед собой небольшое здание аэровокзала. Мы надеялись, что нас, журналистов, встретят наши коллеги. Но это ведь не Киев, а они, должно быть, ждут нас там. И тут я услышал оживленный смех своих товарищей.

— Друзья! — кричал кто-то. — Встреча с Киевом уже началась. Видите, наш Кали уже обнимается с кем-то. Я увидел двух немолодых женщин, которые вели под руки сияющего Кали Утегенова. Оказывается, это были сестры Воронежские, бывшие партизанки из отряда Кали. Одна из них, Надежда Воронежская, была в отряде связной. Женщины о чем-то взволнованно разговаривали с Кали, то и дело слышалось: «Вася! Вася!» Так называли Кали в партизанском отряде. Товарищи! — сказал Кали, обращаясь к нам, — вы прибыли на мою родную землю, на мою вторую родину — Украину! С сегодняшнего дня я буду вашим проводником. Вася правильно говорит, — поддерживали его Воронежские, — он — наш родной человек, а вы будете нашими дорогими гостями. Утощение готово, в городе вас ждет лучший дом. Добро пожаловать!

Мы быстро собрались и поехали в город. Широкое асфальтовое шоссе окаймлено густыми деревьями, их ветви протянулись почти к середине дороги. Едем по городу, я люблю яркие электрические огни, смотрю на красивые дома. В ту далекую осень 1943 года я навсегда запомнил этот город. Эти дома, эта пышная зелень чем-то неуловимо сильным притягивают меня к себе. Въезжаем на огромный мост через Днепр, и я пытаюсь восстановить в памяти давние события. Вот здесь стоял наш эшелон, кажется, здесь мы переправлялись через Днепр. Не было тогда красивейшего моста, не было столько

яркого света. Наш маленький паром беспомощно метался по вспененным волнам седого Днепра. Теперь по мосту идут трамваи и автобусы, бесконечной рекой текут пешеходы. Это настоящие ворота огромного современного города.

Нас приютили в гостинице «Украина». Это здание построено еще до войны и в ту пору было одним из красивейших на бульваре Тараса Шевченко. Сестры Воронежские решили показать нам ночной город, и поэтому мы долго разъезжали на машине по ярко освещенным улицам. А когда прибыли в гостиницу, наши приветливые проводники пригласили нас к себе домой отведать украинского борща. Мы сослались на позднее время, на усталость и поблагодарили женщин за приглашение. Но они и не думали отпускать нас. Пришлось обратиться к Кали за поддержкой. И он выручил нас.

— Вы знаете, что солдатам после похода нужен отдых, — начал Кали, хитровато поглядывая на нас. — А сегодняшний наш полет от Алма-Аты до Киева ничем не отличается от похода. Спасибо вам от всех моих товарищей. Мы еще успеем встретиться с вами. Хорошо, — согласились сестры. — Но завтра мы вас ждем обязательно.

— Видели, как они слушаются своего командира, — с улыбкой сказал Кали, когда Воронежские простились с нами. — Партизанская закалка... Мы разошлись по отведенным нам комнатам, но я еще долго не мог уснуть. За окном шумел большой незнакомый город. Хотелось еще и еще раз взглянуть на него, полюбоваться безбрежным морем огней. Ночной Киев неповторим. Здесь широкие проспекты, как и в нашей Алма-Ате, много зелени и асфальта. Однако Киев — город особенный, его я не могу сравнить ни одним из городов, в которых мне пришлось побывать. Дома, образующие широкие улицы, тянутся по бесконечной степи! Смотришь сверху, и кажется, что по крышам можно дойти из конца в конец города. Узкие

полосы зелени, обрываясь на каждом квартале, тем не менее образуют одну прямую, четкую линию. Это очень красиво.

Бульвар Тараса Шевченко, где расположена наша гостиница, начиная от Крещатика, тянется далеко к западу. На пересечении двух улиц, на красном гранитном постаменте, возвышается величественный памятник В. И. Ленину. В 1943 году наш седьмой танковый полк, направляясь в Радомышль, проходил именно здесь, по этой улице. В ту ночь было темно, вокруг лежали развалины. Только шум танковых моторов нарушал тишину казавшегося вымершим города. По улицам украинской столицы шли русские и казахи, белорусы и грузины, татары, киргизы, узбеки... Шли те, что под Москвой и Сталинградом, Курском и Харьковом громили фашистов. В то время тут не было памятника. Но мне чудится сейчас, что Ленин стоял здесь и тогда, приветствуя и вдохновляя воинов Советской страны. Уже далеко за полночь к нам в комнату зашел Кали. Ему тоже не спалось. Он широко распахнул окна, облокотился на подоконник и долго молча смотрел на расцветенный огнями город. Потом обернулся к нам и сказал:

— Не могу я жить без этих замечательных мест. Люблю Киев и тоскую о нем, как о самом дорогом человеке. Если бы я был богатырем, я бы прижал к груди всю эту каменную громаду, расцеловал бы всех людей. Без Украины, ребята, моя жизнь была бы намного беднее. Какие замечательные люди живут здесь! Вы завтра встретите их и сами убедитесь в этом....Очень долгой показалась нам эта первая ночь в Киеве. Мы с нетерпением ждали встречи с великим городом, с его людьми.

СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД

Первым человеком, с которым наша делегация журналистов встретилась на другой день, был Сидор Артемович Ковпак—

легендарный партизанский полководец, дважды Герой Советского Союза. Прежде чем навестить его, мы с Кали решили позвонить в Верховный Совет Украины, где тогда работал Ковпак.

— Откуда вы говорите? Из Киева? — спросил Сидор Артемович. — Добро пожаловать! Жаль, что не предупредили раньше, я как раз собирался уезжать по делам. Впрочем, по-ездка отменяется. Прошу вас ко мне. Жду.

Всей группой мы немедленно поспешили к Дому правительства. Здание Верховного Совета Украины расположено между двумя зелеными парками — Первого мая и Советского. Оно довольно масштабно и красиво. Левое его крыло напоминает большую дугу. Во время войны фашистские оккупанты разрушили здание и разграбили имущество, но после войны по проекту архитектора В. Г. Заболотского оно было вновь восстановлено. Главный вход в здание украшен гербом Украины. Мы задержались в пути, рассматривая великолепную внутреннюю отделку здания, архитектурное оформление. Когда мы вошли в приемную, навстречу нам, оторвавшись от телефона, поднялась молодая белокурая женщина. Наконец-то, — улыбнулась она. — Уж не заблудились ли вы? Я только что разыскивала вас по телефону. Сидор Артемович ждет вас, заходите.

Сидор Артемович Ковпак встретил нас прямо у порога своего просторного кабинета. Был он человеком среднего роста, полный, седобородый. Борода несколько удлиняла лицо. Однако это не нарушало своеобразной мужественной красоты старого партизана. Наоборот, мне он показался привлекательным, настоящим богатырем. Сидор Артемович и Кали Утегенов крепко обнялись, а с нами Ковпак поздоровался за руки и всех пригласил сесть: Проходите, пожалуйста, рассаживайтесь...

Перед отъездом на Украину я побывал у заместителя Председателя Верховного Совета Казахской ССР Капитолины Николаевны Крюковой и у секретаря Президиума — Бижамал

Рамазановой. Разговорились о предстоящей поездке, и Капитолина Николаевна с сожалением сказала: Верите или нет, а я ни разу не побывала в Киеве. Знаю, что это очень хороший город, все, кто в нем побывал, обычно с восхищением рассказывают о нем. Но мне вот не повезло: собиралась поехать, да все как-то дела не отпускают. — А вы подготовились к дороге? — вдруг спросила меня Капитолина Николаевна. — Захватили подарки своим будущим друзьям? Или не подумали об этом?

— Нет, — смутился я, — не успел. Вчера только вернулся из отпуска, а завтра уже надо вылетать. Ах да, — проговорила Капитолина Николаевна, — времени у вас действительно не было. Ну, ничего. Мы сейчас что-нибудь придумаем. Быстро подобрали красочные альбомы с видами Алма-Аты, значки, выпущенные в честь сорокалетия Казахской ССР, блокноты. Капитолина Николаевна и от себя приготовила подарок... И вот мы сидим в кабинете у Сидора Артемовича Ковпака. Кали долго и подробно расспрашивает его о здоровье и самочувствии, потом поочередно представляет нас ему. Когда очередь дошла до меня, я передал Сидору Артемовичу подарки.

Просто и непринужденно началась наша дружеская беседа с прославленным партизаном и выдающимся государственным деятелем Украины. Ковпак рассказал нам о положении дел в республике, о больших задачах, которые решает украинский народ. Он говорил с нами так, как будто мы ежедневно встречались с ним и занимались одним делом. Ковпак располагал к себе приветливостью, доверяем к людям. Его легко было слушать, приятно с ним беседовать. Этот человек, — рассказывал мне Кали, хорошо знавший Ковпака, — очень мягкий, скромный, добрый и вежливый. Но вместе с тем, он и безмерно смелый, принципиальный и упрямо решительный.

Когда я особенно пристально разглядывал Ковпака, то мне казалось, что я нахожу в нем эти черты. Но стоило чуть

отвлечься, и перед тобой — обыкновенный старый человек. Правда, человек много переживший, умудренный большим житейским опытом. Таким он у меня навсегда и останется в памяти. Вы уже посмотрели наш город? — спросил Сидор Артемович. Нет, почти ничего не видели, — ответил я.

— Как не видели? — возразил кто-то из товарищей. — По Крещатику ходили, стадион смотрели... Город наш большой, всю жизнь смотри на него — не насмотришься, — сказал Сидор Артемович. — Надо вам во всех примечательных местах побывать, своими глазами все посмотреть. У Ковпака мы пробыли довольно долго. На прощанье сфотографировались с ним, поблагодарили за беседу. Сидор Артемович проводил нас и пожелал хорошенько познакомиться с городом. У подъезда нас ожидал уже легкий автобус. Нам попался такой разговорчивый экскурсовод, что мы только диву давались. Он сразу же завладел всем нашим вниманием и не отпускал нас из своего поля зрения во все время продолжительной поездки по городу. У вас очень мало времени, — сказал экскурсовод. — За один день вам не запомнить всех достопримечательностей. Наш Киев — город особенный. Поэтому я буду рассказывать вам о нем по дороге. Собирайтесь кучкой и слушайте.

Экскурсовод привел нас на площадь и показал на гранит из черной глыбы. Этот черный квадрат установлен в память киевских рабочих, погибших в октябрьские дни 1917 года. Мы возложили к подножию памятника живые цветы и несколько минут постояли в полном молчании. Как мы узнали позже, именно с этого священного места начинаются маршруты всех экскурсий. Город поразил нас. Киев стоит на крутом, изрезанном оврагами правом берегу Днепра. Древний город богат историческими памятниками. Самый примечательный из них — Софийский собор, построенный руками зодчих древней Руси еще в 1037 году. Этот собор постоянно обновляется и реставрируется. До

наших дней сохранилось множество старинных росписей и орнаментов, интересных древних рисунков. Софийский собор сейчас является как бы архитектурным заповедником. Он сохраняется украинским народом, как свидетель многих важнейших исторических событий. После Переяславской рады 1654 года, где было принято решение о воссоединении Украины с Россией, киевляне поклялись в Софийском соборе хранить вечную дружбу с русским народом. А в 1709 году Петр I дал здесь царский обед в честь победы над шведами под Полтавой.

Знаменита и Киево-Печерская лавра. Сооружения лавры занимают огромную площадь в юго-восточной части города. Основан монастырь, по преданию, в 1051 году. Первые монахи проживали тогда в естественных пещерах, что и дало впоследствии имя Киево-Печерской лавре. Вокруг лавры простираются дремучие леса. Около нее захоронены 34 героя. На каждой могиле лежит тяжелая мраморная плита. Среди этих героев мы узнаем знакомые имена. Это М. Кривонос, погибший при обороне Киева в 1941 году, капитан Н. Шолуденко, первым ворвавшийся на своем танке в Киев в ноябре 1943 года. Здесь же, на видном месте, могила неизвестного солдата с памятником Славы и вечным огнем. Увековечен в памятнике и образ прославленного полководца минувшей войны генерала Н. Ф. Ватутина.

Когда ходишь по Киеву, то почти на каждой улице встречаешь памятные места, отображающие историю древнего города. На площади перед Софийским собором стоит памятник Богдану Хмельницкому, у здания университета — Тарасу Шевченко, на улице Коминтерна — герою гражданской войны, первому коменданту города Николаю Александровичу Щорсу. Видели мы и домик, где останавливался А. С. Пушкин, и многое другое. Но особенно приятно нам было побывать в доме-музее Тараса Шевченко. Когда мы были у памятника великому поэту, Кали Утегенов подошел к экскурсоводу и сказал:

— Мы уже достаточно насмотрелись всего, теперь вели нас в дом нашего поэта. Мы хотим посмотреть, как жил в Киеве Тарас Шевченко.

— Как это понять — «наш поэт»? — ревниво спросил экс-курсовод.

— Тарас Григорьевич, — заговорили мы наперебой, — много своих знаменитых произведений написал у нас, в Казахстане. Неужели вы не знаете об этом?

— А разве не Тарас Григорьевич вырастил городской парк в Киеве из черенков того самого дерева, которое он посадил когда-то на Мангышлаке?

— Да, да, конечно, — поняв, в чем дело, заулыбался экс-курсовод, — Тарас Григорьевич Шевченко для всех нас родной и близкий поэт.

Дом-музей поэта стоит на улице Шевченко. Это небольшое одноэтажное строение под железной крышей. Когда знакомишься с музеем, то в памяти невольно возникают слова нашего великого земляка, писателя Мухтара Ауэзова. «Такие великие таланты, как Шевченко, — писал он, — одни могут заполнить бесплодную пустоту, образовавшуюся за многие века». В этом домике Шевченко жил весну и лето 1846 года. Здесь он создал «Русалку» и другие произведения, написал картину «Вид Киева». В музее хранятся произведения поэта, одежда, которую он носил в ссылке, кисти, краски, мольберт. Здесь находится и рубашка из белого холста с вышивкой, сделанной родной сестрой Тараса.

Картина Тараса Шевченко, изображающая Киев, очень интересна. Человек, впервые попавший в город, должен, по моему мнению, прежде всего познакомиться с этой картиной. Правда, она показывает панораму старого Киева, но именно это помогает лучше увидеть сегодняшний город. На картине Шевченко прямо в центре города изображены холмы, разделенные

оврагами и ямами, а Крещатик представляет долину между этих гор. С какого конца города ни пойдешь — все дороги ведут к Крещатику.

Какой же сегодня Крещатик? Это сравнительно небольшая, но очень широкая и просторная улица. Здесь находятся лучшие магазины и кафе города. Своеобразно расположена на Крещатике гостиница «Москва». Огромное здание в двенадцать этажей, будто не желая заслонять красоту Крещатика, стоит несколько поодаль, на холме. В то же время гостиница «Москва» своей обособленностью дополняет красивейший ансамбль Крещатика. Множество лестниц и расположенных в разных местах маленьких площадей словно бы рассеивают скопление людей. Многолюдность этих мест не бросается в глаза. Ниже гостиницы «Москва» — здание консерватории. Дальше можно увидеть и магазины, прилепившиеся по склонам многочисленных ущелий. Разнообразные по стилю, построенные в разные эпохи дома гармонично сливаются в один общий характерный ансамбль.

Таков сегодня Крещатик. Его неподражаемая красота особенно проявляется в вечерние часы, когда улица расцвечивается огнями реклам. На улице шумно, бесконечным потоком идут троллейбусы, автобусы, легковые автомобили. И, конечно же, множество людей. Но они не спешат, как это наблюдается, например, в Москве. Люди идут степенно, не торопясь.

Мы вернулись с прогулки по городу довольно поздно усталые, но довольные. Хотелось сейчас же лечь в постель, чтобы, встав поутру, снова отправиться в удивительное путешествие. Но нам с Кали отдохнуть не пришлось. В коридоре Кали остановила дежурная и сообщила, что его давно уже разыскивают.

— Вас ожидает ваш друг — партизан, — сказала она и взяла Кали под руку. Он уже несколько раз приходил за вами и поручил мне привести вас к нему, как вы только появитесь. Идемте.

Кали ушел вместе с дежурной, а спустя некоторое время вернулся за мной.

— Нас приглашает к себе мой товарищ, — проговорил он, — отказываться просто неудобно. Сейчас же едем к нему.

Спустились вниз и у подъезда, рядом с машиной, увидели худощавого, светловолосого, чуть сутулившегося человека. Острый нос, глубоко посаженные глаза и овальные, в морщинах, щеки показались мне знакомыми. Я обратил внимание на его одежду. Он был в стареньком, полинявшем пиджаке, в стоптанных, ободранных желтых ботинках. Костюм явно не подходил для торжественного свидания с товарищем.

— Крячек, — сказал он, крепко пожимая мне руку, — Алексей Васильевич. — Потом, перехватив мой внимательный взгляд, добавил смеясь: — Удивляетесь моему наряду? Ведь я — автомобилист. Как надену добрый костюм, обязательно под машиной приходится ползать. Вот и стараешься приспособиться к обстановке. Но на этот раз не сомневайтесь — доставлю вас с ветерком. Садитесь в машину.

Жил Алексей Васильевич на западной окраине города, довольно далеко от центра и по дороге успел рассказать нам о многом. Старые партизаны делились новостями, вспоминали друзей, знакомых. Крячек на своей машине частенько объезжает их и хорошо знает, как живут бывшие партизаны.

— Ходит еще твоя старушка, — сказал Кали о машине, — не развалилась. Я, признаться, думал, что ты уже пешком гуляешь. Стара ведь машина. Стара, но служит, — улыбнулся Алексей Васильевич, — мы с ней в разных переплетах бывали. Однажды рано утром возвращаюсь я от приятеля, тороплюсь как можно раньше добраться домой. Свернул в переулок, дал газку, она меня и понесла. Тормоза слабенькие, не остановишь. А тут и милиционер как на грех. Видит, что-то неладно у меня, свистит. Что делать? Останавливаться надо. Открываю дверцу,

спускаю ногу на асфальт и таким образом торможу... Кое- как остановился. Догоняет меня милиционер, спрашивает сердито:

— Почему, — говорит, — машину гонишь, почему сразу и остановился?

— Не видишь разве, какие у меня тормоза? — говорю милиционеру и показываю ему свой ботинок. А у ботинка и каб-лук отлетел, и подошва стерлась.

— Вы всегда, товарищ, так тормозите? — спрашивает он, а сам посмеивается. Нет, — говорю, — только по воскресеньям. На первый раз можно простить, — сказал сержант. — А в будущем такой тормоз не применяйте. Добрые у вас милиционеры, — смеялись мы, — даже поощряют «рационализаторов».

— Не все и не всегда. — Лучше с ними пореже встречаться. — Крячек весело расхохотался.

Весело было и дома. Гостеприимный хозяин жил в просторной двухкомнатной квартире, теща хозяина уехала с внучатами погостить у родителей в деревне, и нас принимала в доме его старшая дочь Мария. Украинское гостеприимство ничем не уступает казахстанскому. Нам с Кали пришлось в этот вечер довольно трудно. Мария просто не давала нам передохнуть, беспрестанно угощая.

— Ешьте, ешьте, — подбадривала нас Мария, предлагая блюдо за блюдом. — От еды человек крепче делается и веселее. Мы отшучивались, но старались не обижать хозяйку и отдавали должное ее кулинарному искусству. Потом мы усаживаемся в кружок, и Кали с Алексеем Васильевичем начинают свой долгий партизанский разговор. Они перебивают друг друга, горячатся. Прошли годы, но старые друзья, вспоминая прошлое, говорят обо всем так обстоятельно и подробно, словно все это было вчера.

— А ты помнишь, как мы к тебе с Поповым ночью заходили? — спрашивает Кали. С Николаем-то? Как же не помнить?

— улыбается Алексей Васильевич. — Мы еще упрасивали вас остаться, подождать, когда Днепр замерзнет получше. А вы не послушались и ушли.

— Когда полицаи арестовали нас, мы подумали: конец пришел, отпартизанились, — вспоминает Кали. — Но нет, нам повезло, удрали. Смерть по пятам гналась за нами. Удивляюсь, как только живы остались. Видно, правильно говорят, что смелого пуля минует. А я помню, как вы тогда рассказывали об этом и тоже удивлялись, — вступает в разговор Мария.

— Э, где тебе помнить? — Кали улыбается, словно поддразнивая Марию. — Ты тогда в пеленках была. Да нет, что вы... — обиделась Мария. — Я лежала на печке и все слышала. А сколько раз я вам на руки поливала, когда вы умывались? Вы еще говорили тогда: «Неси полное ведро, а то грязь не отмою».

— Разве так было, Муся? — переспрашивает Кали и весело смеется, но вдруг лицо его грустнеет. — Тогда ты и вправду была совсем маленькой. А теперь уже мать троих детей. Тяжелое мы время пережили. Друзья вспоминали минувшее, а перед моими глазами вновь вставала Ирина. Она тоже была подпольщицей, возможно, знала и Крячека. Несколько раз я порывался спросить об этом у Алексея Васильевича, но что-то сдерживало меня. Скорее всего, я боялся получить отрицательный ответ. Скажет, что не знает никакой Ирины, и тем огорчит меня. Но Алексей Васильевич заметил мое волнение и сам начал разговор.

— Вы о чем-то хотите спросить меня? — сказал он. — Я знаю, что вы участвовали в боях за Киев. Возможно, у вас есть здесь знакомые? Так мы поищем и, глядишь, найдем. Нам это частенько приходится делать. Какие в военное время знакомства? Бои, походы, сегодня увидел человека, а назавтра потерял его навсегда, — так ответил я тогда Алексею Васильевичу,

а сам подумал: «А что я теряю, надо расспросить его». И я торопливо и сбивчиво рассказал о том, что услышал про Ирину Кравченко. Крячек слушал меня внимательно, опустив голову. Потом он спросил:

— Подождите, о какой Ирине вы говорите?

— О Кравченко, — ответил я, и сердце мое учащенно забилось: «Неужели знает?» Кравченко, Кравченко... Имя это мне будто знакомо, — задумчиво проговорил Алексей Васильевич. — Возможно, что это и она. Было это в начале 1942 года, да, да, именно 1942 года,

— Вы действительно знаете ее? — обрадовался я. По вашему рассказу выходит, что она, — сказал Крячек, — но это очень длинная история. Когда вы уезжаете? Нам потребуется много времени... Теперь я никуда не поеду. Останусь с вами, пока все не узнаю. Хорошо, — просто сказал Алексей Васильевич. — Машина у меня своя, куда потребуется, туда и поедем. Через два дня казахстанские журналисты выехали в Кишинев и Одессу, а мы — Кали, Алексей Васильевич и я — отправились в Переяслав.

ТАИНСТВЕННАЯ ДЕВУШКА

Вот уже несколько часов мы в пути. Коричневая «победа» мчит нас по дороге на Харьков. Справа и слева от шоссе тянутся леса. Они то подступают к дороге редкими опушками, то уходят вдаль сплошными темными массивами. Степь здесь переменчивая, холмистая, не такая, как у нас в Казахстане — ровная и безбрежная. Часто попадаются речушки, топкие, болотистые лужайки. Каждый клочок земли распахан и ухожен, мы нигде не видим сорной травы. Изредка среди полей стоят одинокие деревья, похожие на большие зеленые грибы. На полях и на огородах мелькают белые платки женщин. Слышатся

ровные, мелодичные украинские напевы. Кажется, что это поет сама природа: степи, поля, леса. Песня то затухает, то вспыхивает вновь, но она слышна повсюду и сопровождает нас на всем нашем пути. Мы останавливаемся на опушке леса, выходим из машины. — Вот это и есть украинская земля, — взволнованно говорит Алексей Васильевич. Он жадно вдыхает запахи степи и леса, щурится, подставляя морщинистое лицо под ласковые лучи солнца: — Я не крестьянин, я — врач. Но до чего же люблю вид вспаханного поля, запахи скошенного сена и свежей соломы. А лес просто завораживает, околдовывает меня. Может быть, кому-нибудь и покажется странным, но я, старый горожанин, ни одного дня не прожил бы без этих мест. Вы думаете, я купил эту машину потому, что у меня были лишние деньги? Совсем не поэтому.

Во время войны мы, подпольщики, подвергались постоянной опасности. И когда наше положение становилось особенно безвыходным, мы уходили в леса, и они давали нам приют, оберегали нас. А сколько беженцев перевидали эти леса! В трудные для человека дни, я заметил: его почему-то неодолимо притягивает к себе родная земля. Я часто задумывался над этим и часто спрашивал себя: «И что же за сила у этой земли? Много на свете прекрасных мест, но нет нигде дороже родных полей и лесов, родного неба и солнца, даже ветра, дождя и бури. Человек всегда стремится на свою родину. Даже умирая, он хочет, чтобы его укрыла своя земля». Я думал тогда: останусь жив, разберусь во всем, открою этот секрет земли. Моя машина пробежала уже сто тысяч километров, а мне все хочется ездить, ездить. Удивительно преображается наша земля. Проеду, допустим, сегодня по этой дороге, а возвращаюсь завтра и вижу здесь что-то новое. И все сильнее люблю я свой край и никак не могу налюбоваться им.

Когда мы отъехали от Киева на порядочное расстояние, за

руль сел Кали. Мы с Алексеем Васильевичем устроились на заднем сидении, усевшись поудобнее, он повернулся ко мне, улыбнулся своей доброй улыбкой и проговорил:

— Пусть вас не удивляет такое начало нашей беседы. Может показаться, что все мои рассуждения ровным счетом не имеют никакого отношения ни к Ирине, ни к тому, о чем я хочу вам рассказать. Но это не так. Человек, который не умеет любить свою землю, не сумеет в трудную пору и защитить ее. Война преподала мне на этот счет немало суровых уроков. Такие люди при случае легко становятся изменниками, предателями. Наша Ирина тоже стала жертвой подобных людишек. Слушайте, я расскажу вам, как все это было.

...Конец сентября в ту пору был дождливым. Облака с утра затягивали небо, а к вечеру обычно хлестал холодный ливень. Как-то уже за полночь мы сидели с Дмитрием в хате и слушали надоедливый шум дождя. На душе было тоскливо. Дмитрий уронил голову на подоконник, сгорбился, сник. На него жалко было смотреть. Вдруг он поднялся и хриплым, клокочущим голосом спросил:— Алексей, что будем делать? Дмитрий уже не раз задавал мне этот вопрос. Он был на несколько лет моложе меня, горячий, неуравновешенный. Перед войной Дмитрий учился в Киевском государственном университете и, когда немецкие войска подошли к городу, вместе со своими товарищами остался оборонять его. Киев пал, начались массовые казни, и он укрылся в деревне. Я тоже пришел в село Козино. Тут мы с ним и встретились. Эта встреча не принесла радости ни мне, ни ему. Оба молчали в тот вечер и думали об одном и том же: что делать нам, как быть дальше? Поэтому вопрос Дмитрия не был для меня неожиданным. А сам ты как думаешь? — сказал я.

— Что нам раздумывать? — вспыхнул Дмитрий, зло ударил кулаком по столу и болезненно скривился. — Ты поступай,

как знаешь, а я завтра же убью какого-нибудь полицая, заберу оружие и уйду в лес.

— А потом? Буду воевать. Один, что ли? Да, один, — Дмитрий раскраснелся, глаза его заблестели. — Чем так сидеть и прятаться, лучше уж умереть!

— Смерть от нас не убежит. В этом деле спешить не следует. Если мы и вздумали бы бегать от нее, она все равно нас в свое время нагонит. Давай лучше подумаем, как вместе, группой или отрядом, собраться. Вот это было бы дело. Что, если в Киев пробраться? В Киев? — спросил Дмитрий. — Зачем?

— Чему ты удивляешься? Студенты, пожалуй, не все ушли из города. Может быть, кто и на подпольной работе оставлен. Надо разыскать нужных нам людей. А они нам поверят? — Дмитрий испытующе посмотрел на меня. — Откроют свою тайну?

— Если не поверят, — твердо сказал я, — значит, ты был плохим комсомольцем, ненадежным товарищем. Тогда лучше сиди в деревне и никуда носа не высовывай. Нет уж, дудки, — Дмитрий сорвался с лавки и стал прохаживаться по избе. — Я сумею доказать, какой я есть в действительности. Посоветуй, что делать, и мы можем двинуться в Киев хоть сейчас.

Сказать вам правду, у меня не было никакой надежды на то, что Дмитрий сможет связаться с кем-нибудь в Киеве. Но к тому времени я уже знал, что мой хороший знакомый Алек-сандр Дубров находится в Дарнице, в лагере военнопленных. Человек он военный, член партии. Если его освободить, то он поможет организовать отряд, командовать им. В то время нам казалось, что воевать умеют только военные, и каждый солдат представлялся нам полководцем. Словом, прежде чем ехать в Киев, мне надо было побывать в Дарнице и подробнее разузнать об Александре Дуброве. Дмитрий стоял и ждал моего ответа.

— Если не возражаешь, можем выехать завтра, — сказал я Дмитрию. Вот и хорошо, — обрадовался он и тут же начал укладывать вещи. Но поехать в Киев нам не удалось ни завтра, ни послезавтра. За окнами послышались выстрелы, на улице поднялась суматоха. Мы выскочили во двор, кругом густая темень, проливной дождь. Выстрелы неожиданно стихли, и село снова замерло. Кто это мог быть? — думал я про себя.

Мы вошли в дом, молча расселись по углам. Дмитрий убавил свет в лампе, стало совсем темно. И тут за дверью послышался какой-то шум. Мы замерли в ожидании. Кто-то робко поцарапал по двери, мне почудился шепот и стон. Дмитрий вскочил и подошел к порогу.

— Кто там? — тихо спросил Дмитрий, но ответа не последовало. Открывай, — приказал я ему, — скорее открывай!

Открыли дверь и у порога в дождевой луже увидели человека, скрючившегося в жалкий комочек. Мы подняли его, перенесли на мою кровать. Прибавили огня в лампе и тут разглядели, что перед нами девушка, совсем молоденькая, лет восемнадцати. Я быстро снял с нее промокшую насквозь одежду, разбитые грязные сапоги, пощупал пульс. Дмитрий заметил на белой кофточке бурое пятно крови. Ранена. Пуля задела бок, повредила ребро. Я быстро обработал рану, наложил повязку. Девушка оставалась без сознания. По ее изможденному, усталому лицу можно было заключить, что она прошла большую и трудную дорогу, прежде чем оказаться у нас. Только часа через два она стала постепенно приходить в себя. Открыла глаза, застонала и снова опустила веки. Потом осторожно, из под ресниц оглядела нас, резко приподняла голову и спросила.

— Где я нахожусь? — руки девушки скользнули за спину. Мы поняли, что она приняла нас за врагов и ищет свое оружие.

Но пистолет Дмитрий взял у нее еще тогда, когда мы внесли ее в хату. Он тогда же почистил оружие и оставил при себе. Не ищите, — сказал Дмитрий, вынул из кармана пистолет и передал ей. — Можете проверить: патроны все целы. Кто вы такие? — строго спросила девушка, когда пистолет оказался у нее в руках.

— Люди, обыкновенные люди, — Дмитрий пожал плечами и зачем-то протянул к ней руки ладонями кверху. Не сомневаюсь в этом. — Девушка проворно спрятала оружие под одеяло, уронила голову на подушку и закрыла глаза. Дышала она тяжело и прерывисто. Потом она прошептала: Спасибо вам...

Шли дни за днями, а мы никак не могли собраться в Киев. Дмитрий волновался, хотя и старался скрыть это. Но я видел, что его тяготит бездействие и неопределенность нашего положения. Но что нам оставалось делать? Не бросать же раненого человека без присмотра и помощи? Кругом немцы, полицаи, да и шпиков приходилось опасаться. Потом я нужен был и как врач. Дмитрий видел, как складывались дела, и, казалось, примирился с создавшейся обстановкой. Ладно, — говорил он мне, — как ты решишь, так и будем действовать. Мне, пожалуй, теперь все равно.

— Чем так сокрушаться, поговорил бы с девушкой, — по-советовал я. — Вы с ней почти одногодки, легче будет найти общий язык. Расспроси, откуда она пришла, что делала в селе. Может быть, она-то нам и поможет. Неужели ты думаешь, я до сих пор ее не расспрашивал, не говорил с ней? Вместо ответа она сама мне допросы учиняет. «Сколько студентов обороняло Киев? Есть ли среди них коммунисты? Почему ты, то есть я, здесь, а не в городе? Она почему-то думает, что во всем теперешнем ужасе виноват я один. Мало этого, она прямо в глаза мне так и сказала: «Как же немцам не занять Киева, если

человек, который должен был защищать город, удрал за сто километров в деревню?» Вот и поговори с ней после всего этого. Эти слова девушки поразили меня в самое сердце. Действительно, почему отступает наша армия? Почему я и многие тысячи других оказались в тылу врага и вынуждены скрываться? Ведь фашисты, по существу, ни одного дня не должны быть в Киеве, на нашей советской земле. Как же так случилось? Что делать? Ждать, когда придет Красная Армия и прогонит немцев? Но это, видимо, будет не скоро. Фашисты устраиваются здесь по-хозяйски: строят казармы, заводят свою полицию. А может быть, и я виноват во всем этом?

— Дмитрий, — попросил я брата. — Выйди-ка на минутку на улицу, постереги, а я сам с ней поговорю. Хорошо, — Дмитрий хмуро посмотрел на меня и вышел, зло хлопнув дверью. А я открыл дверь в комнату, где лежала раненая, и спросил разрешения войти.

— Входите, пожалуйста, Алексей Васильевич, — пригласила девушка и приподнялась с кровати. Лежите, — приказал я. — Вам вставать еще рано, температурите. Ничего. Температура как раз и поднимается потому, что лежу без движения. — Она встала и, закутав ноги одеялом, присела на край кровати. Щеки ее немного порозовели, и девушка на первый взгляд казалась здоровой.

— Вы, оказывается, врач, а я и не знала. Это мне ваш брат рассказал. Хорошая профессия. Я тоже мечтала стать врачом. Думала, что учеба не убежит от меня никуда. А тут война... — Девушка умолкла на минуту и вдруг спросила: — Вы давно здесь? Я здесь родился и вырос. Работал в Каневе. После института меня направили туда из Киева. А потом? Потом война началась...

— Ага. Попали в окружение, хотели пробиться к своим, но не сумели перейти линию фронта? К тому же армия

отступила далеко на восток...— Вы это хотите мне сказать, славный воин? — Девушка скептически улыбнулась. — Все говорят одно и то же. Неужели нельзя придумать ничего умнее? Мне все понятно.

— Что это, допрос? — обиделся я. Ирина (именно так про-сила она называть себя, когда мы с ней познакомились) низко опустила голову и долго сидела в глубоком раздумье. Своими маленькими, слабыми пальцами она теребила ворс одеяла, скручивала ворсинки и вновь распушивала их. Подняв голову, глубоко и тяжело вздохнула: Простите, что нагрубила вам. Не мне допрашивать и осуждать. Придет время, народ сам разберется, кто прав, кто виноват. Я просто от обиды говорю так. Больно смотреть на все, что происходит вокруг.

Я считал себя серьезным человеком и никак не думал, что такая вот неоперившаяся девчонка скажет мне столько значительных и правдивых слов. Я оказался в затруднении, мне нечего было сказать в свое оправдание. Мне многое было неясно. Очевидно, я не знал того, что знала Ирина. Она уловила мое замешательство и заговорила вдруг спокойно и ласково. Алексей Васильевич, почему вы сейчас не в Каневе? В трудное время человеку надо быть поближе к своим. Ведь в городе ваши сослуживцы, друзья, товарищи. Вас почему-то потянуло в глухую деревню, в свои родные места. Как это понять? Я спрашиваю это потому, что и сама поступила так же. Когда враги гнались за мной, я не кинулась бежать куда попало, а постаралась найти пристанище в родных местах. И, как видите, не ошиблась. И если бы меня кто-нибудь спро-сил, почему я так поступила, я бы также не смогла ответить.

— Вы разве здешняя? — удивился и обрадовался я. Мне казалось, что-теперь-то уж она скажет, откуда и зачем пришла сюда, поможет нам. — Я рад, что у меня есть такая землячка.

— Мама жила в Переяславе, — словно бы и не заметив моих волнений, спокойно продолжала Ирина. — Я давно не была там и хотела с ней повидаться. Но разыскать не смогла. Никто ие знает, куда она уехала. Искала маму и напоролась на немцев. Они были пьяные, еле отбилась от них. Вы сами видели, в каком состоянии я добралась до вас.— Вот оно как! — я не стал понуждать Ирину к откровенному разговору, хотя хорошо понял, что она не хочет сказать мне правду. Придет время, все расскажет сама. Назойливость может только повредить делу. К тому же стоявший на часах Дмитрий подал тревожный сигнал, и было не до разговоров. Кто-то едет со стороны села Вьюнищи, — доложил Дмитрий, — кажется, полицей. Заворачивает прямо к нашему дому.

Ирина заволновалась, но я тут же успокоил ее. Послушайте, здесь вас никто не знает? — спросил я. — Нет? Хорошо. В таком случае на вопросы будешь отвечать так: ваш отец, Игнат Скорых, работает в Каневе заведующим районным отделом здравоохранения. Выглядит он таким образом: худой, рыжий, на глаза тяжело нависают лохматые брови. Говори, что немцы по какому-то делу послали его в Переяслав. В дороге разразился ливень, и отец вас оставил здесь. Ну, и еще что-то в этом роде. Понятно? В эту минуту мне казалось, что полицей идет именно для того, чтобы арестовать Ирину и расправиться с ней. Я был так взволнован, что не мог владеть собой. Сердце подкатило к горлу, я просто задыхался. Хорошо, — сердито сказала Ирина, — идите в другую комнату и постарайтесь держать себя спокойно. Я вышел в прихожую, взял в руки подвернувшийся нож и стал строгать какую-то палочку. Строгаю и смотрю в окно. Все тело дрожит, словно в лихорадке. Огромного роста полицей остановил свою повозку прямо у крыльца, бросил сыромятные вожжи и неуклюжей походкой направился в дом. Это был полицей Говкалло. Все в селе знали, что он подхалимничал перед

немцами, всячески помогал им. Он готов был обвинить и предать врагам любого, и люди старались обходить его. Зачем он забрел сюда? Или кто донес, что здесь Ирина? Пока я собирался с мыслями, полицейай уже стоял на пороге. Пристукнув каблуками сапог и вытянув свою длинную лапу вперед, он хрипло прокричал: Хайль Гитлер!

Прихожая наполнилась густым запахом самогонного перегара. Полицейай был зверски пьян, его качало из стороны в сторону. Глупый пес, разве ты не знаешь новых порядков? — Полицейай ткнул меня кулаком в грудь. — Почему не отвечаешь? Или тебе жить надоело? Смотри, откручу твою куриную шею и голову оторву к чертям. — Мы ведь не встречаемся с немцами, как вы, может, чего и не знаем, — ответил я робко. Сказать этому бандиту что-либо резкое боюсь, чтобы не навредить Ирине. Если не знаешь, поучись у знающих, — наставительно сказал полицейай. Он прошел к столу, тяжело опустился на стул и важно откинул голову. У полицейая был такой вид, будто он держал в своих руках всю власть и вершил какие-то непосильные другим дела. — Выехал я давненько, но после дождя земля расплзается будто каша. — Он с презрением говорил о земле, где он родился и вырос. — Черти бы побрали эту землю. Кобылу выпросил у людей. Едва плетется, собачья скотина, по хозяину, видно, скучает. Устал шибко. Нет ли чего подкрепиться? Неси, чего стоишь?

— Что вы, господин полицейай, нет у нас ничего, не прежние времена...Шо ты мелешь, собака? — полицейай ударил кулаком по столу. — Не прикидывайся сиротой, я вижу тебя насквозь. Ставь по-хорошему, не то все вверх дном переверну. Уразумел? Неси попроворнее.

В это время из другой комнаты послышался голос Ирины

— Алексей Васильевич, к нам кто-то пришел? С кем ты там разговариваешь?

— Эге! Кто там у тебя? Откуда? — Говкалло стрельнул в меня глазами, поднялся со стула и кинулся в другую комнату. Я попробовал преградить ему путь, но он отшвырнул меня, сунул руку в карман за револьвером и ногой распахнул дверь. — Да тут сидит сама красавица. Посмотрим, что за птичка.

Ирина не растерялась. Она сидела у большого зеркала и заплетала косы. Господин полицай, — строго сказала Ирина, — вы же видите, что здесь находится женщина. Почему не постучались и не попросили разрешения? Или вас не обучали правилам хорошего тона?

— Видать, тебя хорошо обучили, — рассмеялся полицай, — ишь, какие капризы выставляешь. Погодите же, — пригрозила Ирина. — Я вот скажу своему оберлейтенанту про твои проделки, он живо расправится с тобой. Я посмотрел на Ирину и ужаснулся. Она подняла руку к голове, как раз ту, где было ранение. Чтобы не закричать от боли, Ирина крепко сжимала в зубах приколку. А Говкалло, привыкший к тому, что ему все подчиняются и лебезят перед ним, пустился в непристойные, оскорбительные для женщины рассуждения. Сощуриив свои блудливые, заплывшие от самогона глаза, полицай хихикал и кривлялся. А, скажите, если не секрет, как фамилия вашего офицера?

— Вы его не знаете, он не из здешних, мы живем в Каневе. Он вчера вместе с моим отцом уехал в Переяслав. — Ирина вошла в роль. Она вдруг повернулась к полицаяу, погрозила ему кулаком, затопала ногами и закричала: — Да как ты смеешь, нахал, меня допрашивать? Вон отсюда, паршивая собака!

Говкалло остолбенел, растерялся и начал отступать от де-вухки. Вообще-то он не отличался большой храбростью, из-мывался только над слабыми. Но сейчас на него жалко

было смотреть. Полицай пугливо озирался, заискивающе поглядывал на меня, ища защиты. Он вдруг сразу преобразился. Фрейлейн! — завопил полицай. — Что вы? Как я смею вас допрашивать? Я вам покорный слуга и преданный раб. Меня зовут Говкалло, Михаил. Да, да, Говкалло. Меня лично знает сам помощник начальника гестапо. Знаете, в сильный дождь, что был недавно, кто-то убил немецкого часового. Труп его нашли недалеко отсюда. А другого солдата тяжело ранили, в больнице лежит. Думали, что по пьянке друг в друга выстрелили, а когда раненый пришел в себя, то сказал, что на них напал партизан.

— Кто же посмел стрелять в солдат фюрера? — спросила Ирина. Вот мы и шукаем этих бандитов. Из Переяслава десять человек направили. Все разъехали по селам, а я сюда подался. Не беспокойтесь, фрейлейн, убийцу поймает. Мы тут всех подозрительных знаем наперечет. Стоит посадить одного-двух, и мы все выведем. Господин помощник начальника гестапо не только живого, но и мертвого заставит говорить.

— Ну, хорошо, господин Говкалло, — сказала сурово Ирина. — Вы достаточно тут себя показали. Мы с вами еще встретимся и тогда, надеюсь, будем разговаривать иначе. О, конечно, фрейлейн, будьте здоровы. — Говкалло угодливо склонился и попятился к двери, осторожно прикрыл ее и вышел. Я пошел за ним. Садясь в телегу, полицай обиженно сказал мне:

— Я думал, что ты робкий малый и ничего не знаешь, кроме своего коновальского ремесла. Оказывается, ты хитер. Знаешь, как подкатиться под бок, да еще и без щекотки. В наше время — это тоже не вредно. Продолжай в таком же духе.

Полицай со зла стегнул кнутом вислобрюхую кобылу и поехал по раскисшей от дождей улице к центру села. Когда он скрылся, у меня точно гора с плеч упала. Немного успокоившись, я вошел в дом и сразу же направился к Ирине.

Она лежала на кровати с закрытыми глазами. Пережитое, видно, далось ей нелегко. Лицо у нее побледнело, ресницы вздрагивали. Я залюбовался ею, так величественно проста и красива была она в эту минуту. Не открывая глаз, Ирина чуть слышно сказала: Садитесь, Алексей Васильевич. Вы разве знаете этого негодяя?

— Он из соседнего села. Перед войной куда-то исчез: нето в тюрьме сидел, не то за длинным рублем гонялся. А вот теперь объявился, у немцев в холуях ходит. Нет ничего хуже, как иметь врага среди своих. Предатель разит из-за угла. Надо быть осторожным, — Ирина помолчала немного, потом снова обратилась ко мне: — Есть у вас здесь близкие люди? Надо предупредить их. Подумайте и о своем положении.

— А как же вы? — спросил я и смутился от мысли, что она может посчитать меня назойливым. Я; наверное, сегодня же вечером уеду. Вы же сказали, что опасность мне больше не угрожает.

— Лучше бы полежать вам еще несколько дней, — посоветовал я. Ирина отвернулась к стене и умолкла. Я понял, что она хочет остаться одна, и тихо вышел из комнаты. Погода улучшилась, выглянуло солнце, начала подсыхать земля. Вечер тоже выдался погожий. В этот вечер мы провожали Ирину в далекий путь. По дороге говорили о положении на фронте. Я пробовал было расспросить Ирину о киевских подпольщиках, об обстановке в городе. Но она от прямого ответа уклонялась.

— Не следует ждать каких-то указаний из центра, надо действовать самостоятельно. Подумайте и решите сами, что вам надо сейчас делать.

Мы долго шли молча. Я жалел о том, что Ирина не доверяет нам, скрывает от нас что-то. Однако чувствовал, что она приходила сюда неспроста и, может быть, очень скоро

последствия ее визита будут нам известны. Прощаясь с нами, Ирина сказала:

— Большое спасибо вам за все. Будете в Киеве, загляните в Дарницю. Прошу заходить ко мне. Спросите Кравченко, вам всякий покажет, где найти меня.

* * *

— Вот при каких обстоятельствах мы повстречались с Ириной, — сказал мне Алексей Васильевич и надолго замолчал. Увлеченный его рассказом, я хотел сейчас же услышать продолжение истории об Ирине, о ее делах. «Вы же знаете, расскажите мне», — как бы говорил мой взгляд, обращенный к Алексею Васильевичу. Я долго крепился, но наконец не выдержал и снова обратился к своему собеседнику: После этого вы, конечно, опять встречались с Ириной? Да, — ответил Алексей Васильевич, — встречались. — В смутное время, в тяжелые дни, когда война бросала людей из края в край по военным дорогам, можно было случайно встретить друг друга. Так мы и встретились: совершенно неожиданно. Однако я не смог как следует поговорить с этой прекрасной таинственной девушкой. На другой день после нашей случайной встречи мы условились увидеться с ней, но ее схватили фашисты. Но это тоже очень длинная история, и я расскажу вам ее, когда немного соберусь с мыслями.

Алексей Васильевич, словно желая уйти от тяжелых воспоминаний, перевел разговор в другое русло. Опять в машине слышались шутки и раскатистый смех.

ЛЮДИ В ПОЛОСАТОЙ ОДЕЖДЕ

После того как Ирина ушла от нас, мы с Дмитрием стали поспешно готовиться к переходу в Киев. Но нас постигла

неудача. По дороге в Киев, в селе Ерковцы, мы повстречали жандармов, и на этом «поход» был закончен. Нас арестовали, три дня держали без еды и питья, били, пытали. Допрос следовал за допросом. Жандармы очень хотели знать, зачем мы шли в Киев, кто послал, с каким заданием? Особенно их интересовали адреса людей, с которыми, по их убеждению, мы должны были встретиться в городе. Сидели мы с Дмитрием в разных камерах и не виделись друг с другом. Но мы еще в дороге договорились, как вести себя на допросах в случае ареста, и теперь твердили жандармам одно и то же:

— У нас есть сестра, вдова с малыми детьми, мы хотели забрать их к себе и за этим отправились в Киев. Вины за нами никакой нет. Жандармы так ничего и не добились от нас, но на волю не выпустили, а отправили в лагерь военнопленных, располагавшийся неподалеку от этого села. В лагере было очень много народу. Большинство пленных — раненые и больные, некоторые из них еле передвигались. Смертность ужасающая. К тому же охрана подолгу не разрешала убирать трупы, и в лагере то и дело вспыхивали эпидемии. Видя все это, я не выдержал и заявил охране, что я врач и хотел бы ухаживать за больными. Через некоторое время мне разрешили лечить раненых. Мое положение сразу же улучшилось, но я думал прежде всего не о себе, а о том, как облегчить страдания людей, как помочь им.

Пользуясь тем, что мне разрешалось свободно ходить по лагерю, я стал завязывать знакомства с военнопленными. Конечно, удалось сделать. Я со своими помощниками разыскал нескольких командиров и комиссаров. Под предлогом, что они «опасно больны» или «неизлечимы», нам удалось освободить из лагеря немало людей. А это было очень важно. Как только фашисты устанавливали личность военнопленного командира или комиссара, следовал немедленный расстрел. Такой же участи подвергались евреи. В лагере были предатели, и мы

опасались их больше, чем самих немцев. Они бродили в таких же полосатых одеждах, как и все мы, но думали только о своей собственной шкуре. Выдавая охране офицеров и комиссаров, они надеялись купить этим свободу. Ради спасения собственной жизни предатели шли на все.

Один подлец, которого я даже лечил и поддерживал, донес на меня, что я выдаю подложные справки и выпускаю на волю «жидов и комиссаров». Я, оказывается, не врач, а большевистский агент. Меня немедленно подвергли строгому допросу. Я знал, что меня ожидает в случае разоблачения, и приготовился к самому худшему. Однако на этот раз мне удалось выпутаться, и меня оставили в покое. Но это, как выяснилось позже, было не так. Я заметил, что за мной усиленно следят. Каждый мой шаг был на виду у охраны, каждое выданное мною свидетельство тщательно проверялось. Иногда даже назначалось новое обследование моих больных. Работать дальше в таком положении стало просто невозможно. Меня и мою маленькую группу ждал неминуемый провал. А конец известен — петли или расстрел. Мы стали готовиться к побегу. Подобрали всех, кто мог передвигаться, и однажды глубокой ночью бежали из лагеря. Мы надеялись встретиться с партизанами и с этой целью много дней бродили по лесам. Но никого не встретили. Надо было искать какой-то выход. Больные совсем ослабели, раны у пленных начали гноиться. К тому же мы все были разуты и раздеты. Решили разойтись по селам и укрыться там до времени. Пошли в свое село Козино и мы с Дмитрием. Он во время побега вывихнул ключицу, и его мучали сильные боли.

— Прошли те времена, когда мы могли идти и ехать куда угодно, — ругаясь и корчась от боли, говорил Дмитрий, — Теперь, куда ни сунешься — всюду немцы, тюрьмы и полицаи. Неужели мы навсегда потеряли свободу? Неужели больше не видеть нам Киева?

В селе мы прожили довольно долго, и я понял, что в одиночку можно скрываться, можно сохранить свою жизнь. Но разве только для этого мы бежали из лагеря? И разве только для спасения собственной шкуры живем мы на свете? Красная Армия сражается с немцами, партизаны борются в тылу врага, а мы отсиживаемся в темном уголке. Нет, надо искать людей, организовываться. Один ничего не сделаешь, а вместе можно нанести немало вреда оккупантам. Но как подступиться к делу? Люди стали очень подозрительными, сторонятся друг друга, избегают лишних разговоров. Все запуганы казнями, расстрелами, грабежами. Только попытаешься заговорить с кем-нибудь о партизанах, собеседник молча откланивается и уходит. И сам начинаешь бояться, как бы он не донес на тебя, не накликал беды на твою голову.

Однажды я решил побывать в Переяславе. День, думаю, сегодня базарный, город совсем близко, почему бы и не прогуляться. Совсем было уже собрался ехать, но тут открывается дверь и в хату вваливается какой-то человек. Его лицо показалось мне знакомым, но я никак не могу припомнить, где и когда видел этого человека. А он, между тем, стоял у порога, усталый, в замызганном, испачканном глиной пиджаке, в рваных ботинках. Стоял и смотрел на меня каким-то униженным, просящим взглядом. — Алексей Васильевич, неужели не узнаете? — незнакомец шагает ко мне и бросается в объятия. — Я же Кирилл...

— Боже мой, что ты говоришь? Неужели это ты? — удивился я и бросился обнимать гостя. Но никаких сомнений быть не могло: передо мной действительно стоял Кирилл Розовик, сын известного в этих местах старого революционера, участника гражданской войны Ивана Розовика. Видно, кто-то донес фашистам на них, семью Розовиков стали преследовать. Старший сын Ивана Розовика, Ефим Иванович Розовик, работал

прокурором в Переяславе. Как только оккупанты вошли в город, Ефим был расстрелян. Я слышал, что гестаповцы искали и Кирилла, даже как будто арестовали его. И вот он стоит рядом.

— Прости, браток, — я обнял Кирилла и усадил его на стул, — нет теперь памяти у людей, война отшибла. Не узнал я тебя сразу-то. Рассказывай, где ты обитаешь, как живешь?

— Брожу по свету, — тихо начал Кирилл, — Иногда днем, а больше ночами по селам хожу. Сегодня в Переяславе базарный день, немцы меня обязательно будут искать в городе, вот я и надумал сюда податься. Обошел уже всех знакомых, больше идти некуда. Подумал про вас, Алексей Васильевич, вот и пришел искать пристанища.

— «Хорошо, что пришел», — сказал я. — Расскажи, как поживают твои знакомые, у которых ты успел побывать? О чем говорят они, о чем думают? Что же тут рассказывать? — вздохнул Кирилл. — Вы же знаете, что я командир, летчик, член партии. Боятся меня принимать знакомые. Ведь это грозит им смертью, оккупанты в таких случаях расстреливают целыми семьями. Когда приходишь, конечно, не гонят, а когда прощаешься с хозяевами, то больше уже не приглашают. В общем, встречают невесело и провожают так же. Но, я не обижаюсь на них — они из-за меня рискуют жизнью. Вот так и живу, от людей прячусь, а люди от меня боятся.

— Ты, что же, и ко мне пришел, чтобы напугать меня? — засмеялся я. Да нет, я просто рассказываю вам, как все со мной происходит. Ты, Кирилл, не думай ничего плохого. Я не из пугливых, смерти не боюсь. Нельзя жить и бояться смерти. Живи у меня, сколько тебе потребуется.

— Спасибо, — горячо поблагодарил Кирилл. — Я всегда думал, что вы не оставите человека в беде. Так Кирилл поселился у меня в доме. Через него я познакомился с Григорием Спижевым. Он был специально оставлен Яготинской рай-

онной партийной организацией для работы в подполье. Мне очень понравился этот молодой рябоватый паренек. Он оказался медлительным, флегматичным человеком, не ведавшим, что такое робость и страх. Скорее, наивный, чем хитрый, Спижевой обладал чуткой и открытой душой, ничего не жалел для своих друзей и товарищей. Од-нажды он поделился с нами своими заботами и тревогами.

— Такое дело, товарищи, — открыл он нам свой секрет, — когда меня оставляли в тылу, то мне было дано одно конкрет-ное задание: дожидаться прихода специального человека и хо-рошо устроить в безопасном месте. Любые другие самостоя-тельные действия мне запрещены. Но вот прошли уже целые месяцы, а человека нет. Как вы думаете, Алексей Васильевич, что мне делать? Неужели я должен все время сидеть сложа руки? А может быть, этот человек попал в лапы к немцам? — предположил Розовик. Нет, этого не может быть, — уверенно сказал Спижевой и тут же добавил: — Но, как бы там ни было, нам надо действовать. Давайте организуем боевую группу. Я — человек малоопытный, необстрелянный и в руководители не гожусь. У меня есть предложение назначить командиром груп-пы Алексея Васильевича.

— Дельное предложение, — согласился Розовик. — По-скольку мы все в сборе, предлагаю это наше решение офор-мить протоколом. Будем считать, что наша группа уже сущест-вует.

Решение товарищей застало меня врасплох. Какой из меня руководитель? Я врач и в своем деле кое-что смыслю, а вот ру-ководить подпольщиками никогда не приходилось. Но делать нечего, начинать с чего-то нужно. Трудновато будет, конечно. Одно дело, когда в твоём распоряжении только твоя жизнь, и совсем другое, когда тебе придется отвечать за жизнь товари-щей, за все их действия. Хватит ли у меня для этого умения,

силы воли? У врача, правда, твердая рука, а сердце мягкое, гуманное. Такова уж у него профессия — делать людям добро. Несколько дней я раздумывал над своим новым положением и, признаться, колебался. Мне вспомнилась в ту пору Ирина, и я пожалел, что ее нет среди нас. Вот где пригодилась бы решительность этой девушки, ее опыт.

Она бы наверняка посоветовала нам, как начать нашу трудную работу. Мое смятение заметил Розовик, и когда мы собрались вместе, он прямо сказал мне:

— Послушай, Алеша, что ты терзаешься? Ведь ты не один. Мы будем работать вместе, рядом друг с другом. Все пойдет хорошо, вот увидишь. Чем быть вожаком каравана, — сказал я Кириллу, — лучше быть рядовым погонщиком. — Это верно, — согласился Спижевой, — но без вожака нам нельзя. Тогда ладно, — решительно сказал я своим друзьям. — Будем советовать в трудных случаях, будем работать.

На первое время мы поставили перед собой такие задачи: освободить военнопленных и арестованных граждан, укрывать их, отбирать надежных людей для партизанского отряда, выпускать листовки, разоблачающие ложь фашистской пропаганды. Гриша Спижевой выбрал для себя работу среди военнопленных, Розовик должен был собирать материалы для листовок. Так начала свою работу подпольная организация в селе Козино. Как только у нас собралось достаточно материалов, мы сели за составление листовок. Готовые листовки надо было размножить. И это была самая трудная работа. Втроем мы просиживали целые ночи, переписывая от руки тексты. Первые листовки пошли в села Зарубенцы, Вовчиково, Луковец, а потом они появились и в Переяславе. Но наши листовки на первых порах не достигали цели. Мы просто ругали немцев — и только. А зверства фашистов люди видели своими глазами.

Не располагая сведениями с Большой земли, мы не могли вести настоящую боевую агитацию.

Надо было что-то предпринимать для оживления и деятельности листовок. Вскоре выход был найден. Кирилл познакомился в Переяславе с девушкой Валею. Она работала в немецкой комендатуре, и через нее мы решили добывать раз личную информацию. Валя согласилась доставать для нас немецкие бюллетени, предназначенные для самих немцев. Вскоре мы получили эти бюллетени. Немцы расхваливали в них свои новые порядки, сообщали об успехах на фронте. Там было много вранья и противоречий. Мы научились умело пользоваться этим. Приведем выдержку из бюллетеня, а ниже даем свой комментарий. Люди видят, где правда, а где ложь. Гриша Спижевой оказался неплохим художником. На листовках, которые мы расклеивали на видных местах, стали появляться смешные, остроумные карикатуры. Это сильно задевало оккупантов и хорошо действовало на население. Как-то в разбитом помещении правления колхоза отыскалась старая пишущая машинка. Нашлась и машинистка, маленькая, робкая девочка Зоя. Дело пошло веселее. Хоть и косо, и с ошибками, но листовки печатались на машинке, имели внушительный вид. Зоя была очень исполнительная, все делала быстро и добросовестно. Она не вникала в содержание листовок, многого не понимала, но работой своей была довольна. И, знаете, ей первой пришлось пострадать за наше дело.

— Послушайте, как это случилось, — проговорил Алексей Васильевич, обращаясь ко мне, — До сих пор мне жаль бедную девочку, как вспомню о том, что я сам вынужден был причинить ей боль. Все произошло неожиданно. Листовки печатались днем, с тем, чтобы ночью не привлекать к себе внимания патрулей. Но все же из-за предосторожности в это время Дмитрий находился во дворе и гремел чем только возможно. То он точит

ржавую лопату, то выковывает нож из старой косы, в общем трудится не жалея сил.

Надо сказать, что к этому времени немцы начали уже принимать меры для нейтрализации нашей пропаганды. Они писали в газете о разных «смутьянах, разлагающих народ», всяческими мерами возбуждали к нам ненависть. Шпики так и шныряли по деревням. Бывало, привяжется какой-нибудь шпики и ходит за тобой по пятам. Они под видом нищих и бгоремык бродили по селам, высматривали, вынюхивали и сообщали жандармам обо всем подозрительном. Вот почему мы всегда выставляли караул. На этот раз во дворе снова был Дмитрий. Стук в окно предупреждал об опасности, мы прятали машинку, бумагу и расходились. И вот вдруг вбегает, забыв об условленных сигналах, Дмитрий, бледный, взволнованный.

— За соседним домом прячется подлый пес, — прохрипел Дмитрий. Кто? О ком ты говоришь? — спрашиваю я Дмитрия.

— Говкалло, — шепчет Дмитрий и хватается за машинку, быстренько открываем тайник, прячем пишущую машинку под печкой. Сверху набрасываем разное тряпье, дрова. Дима, — команду я, — спрячь бумагу, а ты, Зоя, иди в другую комнату, изобрази больную. Сейчас я буду тебя лечить. Покажешь мне свои зубы, поняла.

Говкалло вбежал в дом с криком и бранью. Эй, доктор! — ревел полицейский. — Куда ты провалился? На этот раз меня не проведешь, шельма. Попался ко мне на удочку! Открой рот, — говорю я Зое. Она послушно раскрыла рот, и я увидел полные челюсти прекрасных жемчужных зубов. — Терпи, родная. — Я схватил щипцы и мгновенно вырвал здоровый, белый зуб. Кровь хлынула изо рта, Зоя закричала не своим голосом.

— Опять фокусничаешь? — заорал полицейский, врываясь в дверь. — Ты ведь хирург. На кой черт лезешь к ней в рот? Что делать, пан полицейский? Теперь война, мне не приходится

разбираться, рот это или живот. Приходит человек с жалобой, просит помочь. Разве откажешь? Да и мне пить есть надо. Вот и зарабатываю на хлеб. Говкалло заглянул зачем-то под кровать, отвернул одеяло, разбросал подушки. Подошел к Зое, увидел кровь и гадливо засмеялся.

— Не реви, привыкай, еще не то будет.

Тут я заметил в прихожей человека в полосатой лагерной одежде. Он уже успел распороть перину и теперь рылся в наших чемоданах. Рядом с ним стоял бледный и злой Дмитрий. Что нужно здесь этому человеку, очевидно, бежавшему из плена? Я подумал даже, что он просто свихнулся и не знает, где находится. А полосатый лагерник бросил чемодан, подошел к яме у печки и стал разбрасывать поленья. Я похолодел, а Зоя забыла про зубную боль и во все глаза смотрела на человека в полосатом одеянии. Дмитрий стоит за спиной Говкалло с большим ножом в руках и подает мне знак, приказывая напасть на полосатого.

— Что ты там возишься? — вдруг зарычал Говкалло. — Иди переверни все в сарае, может быть, там найдешь. Человек в полосатой одежде встрепенулся, быстро вскочил с колен и зашагал во двор. За все время он не проронил ни одного слова. Я успокоился, подошел к полицая и спросил его:

— Кто этот человек? Он, случайно, не сумасшедший? — Зоя опять разревелась и побежала в другую комнату. Полицай проводил ее жадным, похотливым взглядом. Плачь, плачь — со смехом сказал Говкалло, не удостоивая меня ответом. Потом покосился в мою сторону и спросил: — Чья это девчонка? Спелая, зрелая, в самый раз...

Я сделал вид, что не слышал его вопроса. Это возмутило полицая, и он опять начал разоряться: — Не видишь, подлый человек, какой к тебе гость пришел? Почему не угощаешь?

Полицай, как всегда, был сильно пьян. Эти подлые люди

всегда заливали себе глаза самогонкой, чтобы не стыдно было куражиться над своими односельчанами. Все они, предатели, были одинаковыми, но Говкалло — это скот из скотов. Мне хотелось измочалить его мерзкую опухшую физиономию и выкинуть предателя за двери. Но я сдержался и ответил:

— Вы не гостем вошли в дом, потому и не угощаю.

Тут откуда-то появился Дмитриий с большой бутылью само-гона. Он водрузил ее на стол и стал быстро резать огурцы. Говкалло обрадовался. Не дожидаясь, пока приготовят закуску, он схватил бутылку, налил себе полный стакан и, не отрываясь, опорожнил его. Полицайзакрыв глаза, морда у него запунцовела от натуги, он еле-еле перевел дыхание. Потом засопел, крякнул.

— Вот это самогон! Спирту добавляли, наверное? Крепок, черт. Уф-ф. Только сейчас отдышался, — полицай набил рот огурцами, со смачным хрустом прожевал их и спросил: — А где же та мадам? Да, да. Я про ту спрашиваю, что тогда, в дождь, у тебя была. Где? Я догадался, что полицай интересуется Ириной. Зачем она ему? Уж не попалась ли она им в лапы? Однако нет. Если бы ее арестовали, то и нам бы несдобровать. Просто любо-пытство одолело пьянчугу.

— Тогда, прямо следом за вами, сюда зашел немецкий офицер, и они уехали. Говорили они по-немецки, и я ничего не понял. Но было видно, что она чем-то недовольна, жало-валась ему и кричала на него. Бедный офицер просто не знал, как ей и угодить. Потом они, кажется, помирились. Как ее звать? — поинтересовался полицай.

— Даже и не знаю. Она тут так на всех кричала, что и не подступишься к ней. Да разве такая скажет правду? Зверь, а не баба. Хороша, черт бы ее побрал. Прямо красавица, собачья дочь, — полицай щурил свои заплывшие глаза, и сальная улыбка блуждала по его толстому лицу. — Когда я сказал о ней пану

коменданту, он и рта мне не дал раскрыть. «Замолчи, говорит, это сам наш начальник со своей женой приехал».

Открылась дверь, и на пороге появился грязный и взлохмаченный человек в полосатой пижаме.

— Ну, как? — строго посмотрел на него полицаи. — Опять пусто?

— Не нашел, господин начальник, — пролепетал жандармский прихвостень, — ничего не нашел.

— Теперь будешь один ходить, — проворчал Говкалло залпом выпил второй стакан самогона, — хорошенько надень свою шинель, застегни ворот, чтобы полосатая срамота не выглядывала. Сейчас двинемся. А ты, пан доктор, смотри: капут тебе будет, если ты проговоришься, что видел человека в полосатой одежде. Понятно? Непрошенные гости убралась, и я зашел в комнату, где все это время, всхлипывая, сидела Зоя. Смотрю, она пригорюнилась, рукой за щечку держится. Увидела меня, встала и подошла к зеркалу, открыла рот, взглянула и опять залилась слезами. Я молча наблюдал за ней. Зоя перестала плакать, вздохнула и вдруг спросила:

— Алексей Васильевич, пока кончится война у меня новый зуб вырастет. Правда? Когда кончится война, Зоенька, — ласково сказал я девочке, — мы тебе вместо этого из чистого золота зуб вставим. И будешь ты красивее прежнего.

Зоя радостно рассмеялась и захлопала в ладоши.... Шли дни за днями, то радостные, то тревожные. Наша группа постепенно расширяла район своих действий. Население уже привыкло к листовкам, и как только случались какие-нибудь задержки, люди начинали волноваться. Разносились слухи об аресте подпольщиков, об их расстреле. Мы знали об этом и старались выпускать листовки по возможности регулярно.

Приближалась зима. Шли холодные дожди, мокрый снег, дороги стали непроезжими. Все это затрудняло нашу работу.

Розовик уехал в Переяслав и застрял там. Мы ждали его и, конечно, волновались за товарища. Каждый стук, каждый шо-рох заставлял нас радостно вздрагивать. Но Кирилла все не было. На дворе уже темень, пора ложиться спать, но мы все ждем. Поздно ночью открылась дверь, и в дом вошел человек.

— Здесь проживает Крячек? — спросил он с порога, окидывая быстрым взглядом меня и Дмитрия. Поздний гость был в брезентовых грубых ботинках на деревянной подошве, сквозь дырявую шинель проглядывала полосатая куртка. Ясно: беглый военнопленный. Не сговариваясь, мы с Дмитрием вспомнили полицаю и его спутника в полосатой лагерной одежде. И тут же решили: провокатор.

— Да, здесь. Я буду Крячек.Здравствуйте, — незнакомец приветливо кивнул головой. — Как хорошо, что я не заблудился. Можно присесть?

— Садитесь, — предложил я. Незнакомец робко прикоснулся к краешке стула.Ваш адрес мне дала Ирина и посоветовала прийти к вам. Она ведь вам знакома?При упоминании этого имени у меня дрогнуло сердце. Очень хочется спросить о ней, узнать, как она живет, здорова ли? Но в голове засела одна назойливая мысль: «А не подослал ли его ко мне этот прохвост Говкалло? Он тоже в последний раз спрашивал про Ирину». И я воздерживаюсь от этого намерения.

— Кто, говорите, послал вас? — переспросил я.— Кто она такая?— Вы действительно не знаете Ирину Кравченко? — в свою очередь удивился он.Много ли имен запомнишь в такое трудное время, — уклончиво заговорил я.— Один уходит, а другой приходит. Сам-то ты кто такой? Откуда идешь? Прежде чем расспрашивать нас, расскажи о себе.Зачем ты слушаешь его болтовню? Или ты не знаешь, откуда появляются люди в такой одежде? — пробурчал Дмитрий. Он никому не хотел верить. — Лучше пусть проваливает отсюда.

— Браток, ты не шуми, я пришел не для того, чтобы просить у вас пристанища, а специально завернул передать вам привет и поклон от Ирины, — сердито проговорил парень, решительно встал со стула и направился к двери. Погоди, — остановил я его, — уже ночь на дворе, куда ты пойдешь? В этом доме найдется уголок для ночлега. Дима, налей в таз воды теплой, пусть наш гость умоется с дороги.

Гость сорвал с себя тюремную одежду и с наслаждением начал плескаться в воде. Дмитрий неприязненно косился на пришельца, проклиная меня в душе за то, что я заставил его ухаживать за каким-то подозрительным человеком. А тот умывается и переговаривается с нами. Тебя, оказывается, Дмитрием зовут? А меня Григорием, а фамилия — Проценко. Давно здесь живете?

— Родились и выросли здесь. Потом разъехались, а как началась война — вернулись. Работаете где-нибудь? Брат работал в Каневе, а я учился. Теперь вот дома сидим. — Дмитрий с явной неохотой отвечал Григорию. Чувствовалось, что он просто не хочет с ним разговаривать и поддерживает беседу лишь ради приличия. Григорий же делает вид, что не замечает холодности Дмитрия и продолжает говорить, залезает, что называется, к нему в душу.

— Вот и познакомились мы с Дмитрием. А вас я сам знаю, как зовут. Ирина сказала, — Григорий закончил умываться и сел за стол. Мы напоили гостя чаем, он отогрелся немного, и я начал его осторожно расспрашивать.

— О ком это ты напоминал мне недавно? Как ты назвал девушку? Кравченко, что ли? — Я на минутку задумался, потом, как будто что-то вспомнив, сказал: — А это та самая девушка... Помню, помню. Ну рассказывай. Вы в тюрьме с ней вместе сидели? Где она сейчас?

— Я ни за что не поверю, что вы не знаете Кравченко, — Григорий Проценко осуждающе покачал головой. — Но дело это ваше, не хотите сказать, не надо. Я ваш гость и не буду спрашивать, почему вы поступаете так, а не иначе. Но если вы, хозяйева, спросите меня о чем-либо, то я готов держать ответ перед вами.

Проценко потерял свою жиденькую бородачку, внимательно оглядел нас и глубоко вздохнул. Затем он задумался о чем-то, долго молчал. Мы тоже не проронили ни слова. Вижу, что вы не доверяете мне, — с обидой в голосе проговорил Проценко. — Но, что ж, ничего не поделаешь. Если хотите, я расскажу вам кое-что о себе. Рассказывай, Гриша, — стараясь быть приветливей, попросил я Проценко. И вот что мы услышали. Я расскажу вам об одной ночи, которую никогда не забуду, — тихо начал Проценко. — В ту ночь нас повезли на расстрел. Мы были в лагере, а как выглядят лагеря, вы, наверное, знаете. Со дня на день ждали, что с нами будет. На краю лагеря, у самой колючей ограды, стоял одинокий каменный дом. Сначала мы думали, что в нем живут охранники, но ошиблись. Это был «дом смерти». Вечерами туда пригоняли партии пленных, а на рассвете людей украдкой выводили из домика к дальнему оврагу и там расстреливали. Казнь была страшная. Скошенных пулями и сваленных в овраг людей обливали бензином и поджигали. Кое-кто еще оставался жив, но каратели жалели патроны, предпочитая, чтобы с ранеными расправился огонь. Полуживые корчились в пламени, дико кричали. В первые дни немцы все это проделывали тайно, но потом перестали стесняться. Так нам открылась тайна одинокого кирпичного дома и страшного оврага.

В ту ночь, когда нас привели в дом, мы и не думали спать. Все знали, как встретит нас рассвет. Он будет последним в нашей жизни. Люди волновались, нервничали. Особенно переживал

один товарищ из Ферганы Ташматов. Накануне он с группой пленных видел, как расстреливают и сжигают его товарищей. Потрясенный Ташматов подбежал к оврагу и в иступлении начал кричать:

— Стреляйте, вешайте, делайте что хотите, но зачем вы сжигаете живых людей? Это ужас и зверство. Люди не простят вам этого!

Пленные оттащили Ташматова, спрятали его в толпе. А он бормотал что-то на своем языке, плакал и вырывался из рук. Теперь, когда ему самому предстояло сгореть в пламени, Ташматов просто сходил с ума. О, аллах, — шептал он, — пощади несчастных, сохрани нашу жизнь.

Но аллах не спас Ташматова. Среди ночи он выскочил из своего угла на середину помещения и начал хохотать и бесноваться. Чего сгрудились в кучу? — кричал он. — Шире круг, отойдите. Сейчас Ташматов будет танцевать. Где дутар? Друг, играй веселее. Так, так, хорошо. Еще быстрее, еще, еще...

Ташматов метался по кругу, вздымал руки над головой, подбавривая себя гортанными криками. Потом он вдруг остановился, сверкнул огненными глазами и поклонился всем нам до самой земли. Выпрямился, тряхнул головой и закричал: Чего носы повесили? Не унывать! Руки по швам! Разве не видите, что перед вами начальство? Этот несчастный, кажется, помешался, — сказал мой сосед.

— Похоже на это, — ответил я. Эй, чего мы стоим? — продолжал шуметь Ташматов. — Кто смеет задерживать командующего? Он рванул рубаху так, что полетели клочья, подбежал к двери и стал бить в нее ногами, стучать кулаками. На его губах появилась кровавая пена.

— Убьют этого несчастного, — сокрушенно сказал кто-то, — держите его. Открылась дверь, и двое солдат набросились на Ташматова. Они били узбека прикладами, пинали ногами. Но с

ним не так-то просто было сладить. Ташматов сам кидался на них, пытался вырвать оружие. Прогредел выстрел, и Ташматов рухнул на пол. Перед смертью он успел еще сказать что-то, но ничего нельзя было разобрать.

Часовые вышли и плотно закрыли дверь. Смерть товарища потрясла нас, и мы долго угрюмо молчали. Говорят, перед смертью человек вспоминает всю свою прошлую жизнь. Она проносится перед его глазами за какое-то мгновение. Не знаю, так это, или нет, но мне в ту ночь припомнился большой луг у нашего села и речка, что петляет по лугу. Я увидел себя с вагагой деревенских ребятишек. Мы резвились на лугу, ловили бабочек и зеленых стрекоз. Потом поспорили и подрались. Увидел я и свою мать. Она стоит на лугу и осуждающе качает головой. Зачем, мол, вы, неразумные, шалите, играйте хорошо, не балуйтесь.

Перед мысленным взором встают друзья и знакомые. Я вижу их так ясно, как будто они стоят рядом. Вижу их глаза, улыбки, слышу голоса. Какой-то чудесный сон... Но вдруг видение исчезает и вокруг снова возникает знакомая жуткая картина. Тяжело вздыхают, ворочаются на нарах люди в по-лосатых одеждах, мои товарищи-смертники. Сердце больно сжимается. Пройдет еще час-полтора, и всему наступит конец. Уже без тебя будет всходить яркое ласковое солнце, без тебя цвести травы, так же будет плыть в небе луна и улыбаться влюбленным. Люди будут пахать землю и убирать хлеб, растить ребятишек, строить дома. Весну сменит лето, потом придет осень и зима, выпадет пушистый снег, но тебе не придется больше ходить по белому снегу. Смерть крепко держит нас в цепких объятиях, нет сил разорвать их.

— Э, люди, — крикнул кто-то, и я очнулся, — видите, зарево засветилось?! — Неужели пришел час? Неужели рассвет?

— Нет, нет! — сбивчиво говорит мой сосед. — До рассве-

та еще далеко, еще не время всходить солнцу. Я увидел в каменной стене под самым потолком зарешеченное окно. Свет едва пробивался через него. Но рассвет приближался, а с ним приближался и наш конец. Пленные привстали на нарах и протянули руки к маленькому окошку, точно пытаясь преградить путь рассвету. И тут мы услышали ошеломившие нас слова:

— Товарищи! Бегите, спасайтесь... — голос был твердый и спокойный. Распахнулась железная дверь, и в камеру ворвался свежий воздух. Путь открыт, но люди не двигаются с места. Никто не верит в неожиданное освобождение. Мы столпились у стены и молча глядели в темный провал двери, не покажутся ли в дверях часовые и не начнут ли убивать нас так, как застрелили ночью несчастного Ташматова. Но голос снаружи торопит нас:

— Бегите, товарищи, скорее бегите! Э, все равно умирать! — крикнул я и бросился к двери. — За мной, друзья! Все вдруг сорвались с места и бросились бежать. Очутившись на улице, узники разбежались в разные стороны. Через минуту на территории лагеря поднялась беспорядочная стрельба. Я бегу, не чувствуя земли под ногами. Кто-то торопится рядом со мной. Я не окликаю его. Чего кричать зря? Это один из моих товарищей по несчастью, и мы успеем еще с ним поговорить, если останемся живы. Спотыкаюсь, падаю, и на меня обрушивается бегущий сзади. Кто ты? — спросил я, но вместо ответа получил приказание.

— Молчи и слушай внимательно, — проговорил человек, упавший рядом со мной. — Собери всех, кого отыщешь, и веди в сторону Переяслава. Там много лесов, и вы сможете укрыться от погони. Это вы спасли нас, — обрадовался я. — Вот спасибо. Мы уже приготовились умирать, и вдруг такое чудо. Человек в двух словах объяснил мне, кто он и откуда, и сообщил ваш адрес. Как вы, наверное, догадываетесь, этим человеком была

Ирина. Она просила меня обязательно побывать у вас. Я собрал группу беглецов и повел ее к лесам. По дороге многие остались в деревнях у своих знакомых. Нас теперь маловато, но люди, в общем, есть. Вот почему я пришел к вам, — закончил рассказ Проценко— Надеюсь, теперь вы мне поверите и примете, как товарища.

Мы, конечно, поверили Проценко. Он принес весточку об Ирине, и эта весть очень подбодрила меня. Значит, она в Киеве, значит, подполье живет и борется. И нам теперь надо разворачиваться, привлекать к себе людей, не давать оккупантам покоя. А люди есть, их надо только поискать. В этом убедил меня рассказ нашего ночного гостя Григория Проценко....Если в нашем доме находился посторонний человек, то мы не гасили света, а только задергивали на окнах занавески. Это был условный знак для членов нашей группы. Так мы поступили и в этот вечер. Входить в таких случаях в дом нашим подпольщикам запрещалось. Однако Кирилл Розовик пренебрег предупреждением. Он впопыхах ворвался в дом и с порога оглушил нас неожиданной новостью:

— Алеша, немцы схватили Валю. Я целый день прождал ее на месте явки. Она не пришла. — Кирилл обхватил голову руками и тяжело опустился на стул. Мы с Дмитрием вскочили на ноги. Кто тебе сказал, что она арестована? — Стараясь сохранять спокойствие, заговорил я. А сам с горечью думал: «Не успели приступить к делу, и уже — провал». — Может быть, Валя заболела?

— Нет, я узнавал. Оказывается, Валю вызвали в гестапо, и она больше не вернулась, Розовик еще ниже опустил голову.... Подпольная организация, только что родившаяся в тяжелых муках, понесла жертву. Последствия ареста Вали могли быть самыми неблагоприятными. Все мы почувствовали надвигающуюся опасность.

— Господа! — голос «пана старосты» Жлукто хрипел, он покачивался на своих нетвердых ногах. — Я предлагаю этот тост за представителя победоносной армии фюрера, за господина ефрейтора Мюллера!

— Хорошо говоришь, Жлукто, молодец! Удачно! Удачно! И красноречиво...Зачем бы мы выбирали его старостой, если бы не знали его умения произносить речи?

— Давайте, поднимем бокалы, — нетерпеливо кричали любители выпить. Не галдите, — обрывает Жлукто. — Послушаем, что скажет сам господин Мюллер. Ефрейтор Мюллер раскраснелся от обильной еды, подобрел и благосклонно поглядывает на лебезящего перед ним старосту. А тот с натугой склоняет свою жирную шею перед немцем. Ефрейтор доволен. Староста не поскупился, пустил под нож самую жирную свинью, а Мюллер умел ценить подобные жертвы. Он обласкал старосту своим начальническим взглядом, отодвинул от себя груды обглоданных костей, взял в руки стакан с водкой.

— Хайль Гитлер! — заорал ефрейтор и залпом выпил водку. Вот спасибо, господин Мюллер! — обрадовался староста. — Вот уж порадовали, так порадовали. Кушайте и пейте на здоровье. — Жлукто наполнил стаканы и сам с удовольствием выпил. Э, староста! Ты думаешь, удивил господина Мюллера банкетом? — подзадорил кто-то хозяина. — Он уже давно привык к пышным приемам.

— А если ко мне пожалует господин Мюллер, — похвалился толсторожий пьяный гость, — на руках носить будем. Кто посмеет не угодить такому важному человеку?

Мюллер улыбается и милостиво кивает головой. Банкет у старосты ему определенно нравится. И компания собралась подходящая: бывшие кулаки, воры, полицаи. Рядом с Мюллером сидит помощник коменданта Пиддубный. Он изображает из себя хозяина села Григорьевки и, конечно, чувствует здесь себя выше всех собравшихся. Исключая, разумеется, немца ефрейтора. На этом пиршестве оказался и Алексей Васильевич Крячек.

— Я тогда был в Григоровке, — рассказывает Алексей Васильевич. — Село это находится на другом берегу Днепра, и мне давно хотелось побывать в нем, встретиться с подпольщиками. К тому же здесь жила моя двоюродная сестра. У нее был небольшой радиоприемник, и я надеялся воспользоваться им. И вот подвернулся случай: одной женщине надо было срочно сделать операцию аппендицита. Больная оказалась родственницей Жлукто, вот я и попал к нему в дом.

Жлукто был спесив сверх меры. Оказавшись рядом с почетным гостем, он и вовсе дал волю своему тщеславию. Староста хватал самые жирные куски свинины и подкладывал в тарелку ефрейтору. В то же время он успевал следить за гостями, важничал и насмехался над своими односельчанами. Ни у кого из них не было такого достатка, и потому, по его мнению, никто не мог равняться с ним.

— Эй ты, дармоед! — задевает он приютившегося в дальнем углу стола худенького, сторбленного человека. — Твой кабан еще не разжирел? Когда ты его зарежешь? Никогда! Ты и мяса-то в жизни не видел. Теперь-то уж нажрешься на дармовщину. А ты, рыжий, — задевает староста другого, — чего уминаешь за обе щеки? Чего торопишься? Недавно чуть с голоду не подох, а теперь отъедаешься? Рыжий отбросил кость и отодвинул от себя тарелку. Он покраснел от возмущения, но не стал перечить старосте. А тот расходился все больше и больше. Хо-

зяин, видно, охарактеризовал бы таким образом всех своих гостей, если бы ему не помешал Мюллер. Ефрейтор морщился от шума и гвалта, бурчал что-то себе под нос. Не орать! Сейчас я буду говорить, — проворчал ефрейтор, взмахнул руками и поднялся со стула. Пиддубный поддерживает качающегося немца, следит, чтобы тот шлепнулся на пол. — Господа! Мы являемся свидетелями великой эпохи. Вся Европа склонила голову перед нашим фюрером. Хайль Гитлер!

— Ур-ра-а! — разноголосно завопила пьяная компания. Жлукто рвется к Мюллеру, старается быть у него на виду. Каждого, кто пытается заговорить с ефрейтором, он обрывает, отесняет своей тучной фигурой. Всем своим видом он норовит показать свою преданность и уважение немцу. Староста вошел в роль и начал просто куражиться. Наконец и я попался ему на глаза, мне тоже пришлось выслушать оскорбительную болтовню Жлукто и его компании.

— Господин ефрейтор, разрешите поднять этот тост за вас, за славного сына немецкого народа. А ты, Крячек, чего нахохлился? — староста глядел на меня пьяными глазами. — Печень, говоришь, болит? Не болтай зря, пей, ничего с твоей печенкой не случится. Не унижайся перед всякой собакой, — заорал вдруг Пиддубный. — Ты же видишь, что он не понимает ни почета, ни уважения.

— Bravo, господа, хорошо! — Мюллер криво усмехнулся, вздрагивал от икоты. — Очень хорошо. Господин ефрейтор, когда вы с нами, мы спокойны. Эти бродяги-партизаны, как мыши, зарылись в свои норы. Правда? Правильно говоришь, — Мюллер хлопает старосту по плечу и тянется за рюмкой. — Эти бандиты уничтожены. Никто не посмеет теперь сунуться к нам. В разгар пиршества раздался громкий стук в окно. Пьяная компания вдруг онемела. Староста посмотрел на Мюллера, тот поперхнулся водкой и даже перестал икать.

— Кто там? — испуганно спросил Жлукто. Это я, Григорий Михайлович, откройте, — послышалось с улицы. Эй, кто там поближе, откройте дверь, — приказал староста, вынимая револьвер.

В дом ввалился Григорий Проценко в форме полицейя. Все облегченно вздохнули. Господин Жлукто, — пробасил Проценко, — с каких это пор вы стали бояться своего старшего полицейя? Нехорошо... Я сидел на этом пиру сам не свой. Даже жалел, что согласился на приглашение старосты. Но приход Проценко обрадовал меня. Теперь я чувствовал себя не так одиноко. Проценко — это наши глаза и уши. По заданию подпольной организации с помощью надежных друзей ему удалось пробраться, переделав и устроиться в комендатуре. Он быстро сделал свою «карьеру». За короткий срок Проценко сумел оказаться на виду у начальства, втерся в доверие и был назначен на должность старшего полицейя. По долгу «службы» он объезжал села, передавал нам нужные сведения и увозил с собой соответствующие инструкции для подпольщиков.

— А, это мой тезка! Откуда ты, браток, проходи, пожалуйста, — заискивающе заговорил староста. — Что вы там столпились у порога, пропустите дорогого гостя. Проценко не спеша разделся, повесил шинель, подтянул ремни. Потом он вынул из кармана объемистую пачку бумаги и направился к столу.

— Гриша, что это за бумаги? Уж не думаешь ли ты составлять на нас протокол? — пошутил староста. Здесь листовки, которые распространяют партизаны. Я собрал их в селах. — Проценко глянул в мою сторону и незаметно подмигнул мне. Я хорошо знал, что Проценко листовок не собирал. Наоборот, под видом «реквизиции» листовок, он сам распространял их, а иногда и читал крестьянам. При упоминании о партизанах Жлукто разинул рот.

— Что ты говоришь? — спросил староста. — Какие партизаны? Они все уничтожены. Откуда мне знать, какие партизаны? — Проценко пожал плечами и бросил пачку листовок на стол. — Ясно, что это их дела. Проклятые собаки! — прошипел Пиддубный и мерзко выругался.

Одного упоминания о партизанах было достаточно для того, чтобы вывести из равновесия всю эту разношерстную пьяную компанию. Гуляки растерянно поглядывали друг на друга, веселье за столом угасло. Никто больше не заискивал перед старостой, да и на Мюллера как-то меньше стали обращать внимания. Это не понравилось немцу. Он нахмурился и зло приказал:

— О чем тут написано? Ну-ка, прочтите! Я начал разбирать листовки. Мне была знакома в них каждая буква. Их печатала наша милая девочка Зоя на старенькой машинке. Читай! — закричал Мюллер и еще больше нахмурился.

«Дорогие соотечественники, рабочие, колхозники и колхозницы! — Я начал читать срывающимся голосом, несколько боязливо, но потом осмелел и стал чуть ли не декламировать листовку: — Немецко-фашистские оккупанты вероломно напали на нашу Родину и ведут кровопролитную войну. Фашисты на весь мир протрубили, что за несколько недель уничтожат Советскую власть. Но идут один за другим месяцы, а наша Родина жива. Разбойники Гитлера несут огромные потери, Москва не сдалась врагу.

Судьба Родины в ваших руках, граждане. Все как один поднимайтесь на партизанскую войну!» Довольно! Прекратить! — заорал взбешенный Мюллер. Хватит, хватит. Ты так ловко читаешь, как будто сам написал эти листовки, — поддержал немца староста.

— Действительно, — проворчал Пиддубный. — Все они одного поля ягоды. А говорили, что Москву давно взяли? — недоуменно спросил кто-то за столом. — Выходит, немцы соврали.

— И я слышал об этом. Тут что-то не так. Партизаны больше знают, они и с Москвой, пожалуй, связь держат... Прекратить разговоры! — вспыхнул староста, видя, как его гости взялись вдруг обсуждать партизанскую листовку. — Все это — вранье. Никому не верьте. Наливайте бокалы, будем веселиться.

— Молодец, господин староста, правильно, — побагровел Мюллер. Он быстро трезвел от страха. — Никаких партизан нет больше. Это все выдумки большевистских агентов. Так ведь, господин старший полицей? Мы до них еще доберемся. Фюрер научил нас громить врага, мы победим!

— Да, мы победим! — громко сказал Проценко. — Обязательно победим! Староста решил развеселить своих гостей. Он стал вдруг рассказывать какие-то смешные истории, но слушали его вяло, без всякого интереса. Я наблюдаю за компанией и радуюсь, что наши листовки даже тут произвели такое сильное впечатление. Жлукто, видно, угадал мое настроение и опять набросился на меня. Его возмущало, что я не пью и, значит, не поддерживаю хозяина, оскорбляю его.

— Доктор, что это значит? Тебе не нравятся тосты господина ефрейтора? Почему не пьешь? Я же сказал, что не пью. А если не пьешь, то за каким чертом пришел сюда? Знаю я тебя... Ты шляешься по деревням и агитируешь народ против немцев. Людей бунтуешь — староста сорвался из-за стола, выхватил наган и кинулся на меня.

— Тише, не играй с оружием! — Проценко сжал руку старосты и отвел ее в сторону. Раздался выстрел, все вскочили со

своих мест.

— В чем дело? — кричали гости. — Чего ты развоевался? Не кипятись, господин староста. Он просто с ума сошел от пьянства.

...Гости стали расходиться. Пошел и я. На улице меня догнал Григорий. Нельзя прощать старосте эти проделки, — сердито сказал Проценко, — надо убрать его. Не торопись, Гриша, придет время, он на за все ответит.

— А чего ждать, Алексей Васильевич, — нахмурился Григорий. — Мне людям стыдно в глаза смотреть. Послужу вот полицаем, люди навеки меня проклянут. Не беспокойся, — утешил я Григория. — Я вот не проклинаю тебя.

— Люди бегают от меня, как от зачумленного, — продолжал сокрушаться Проценко, — даже близкий человек меня врагом считает. Кто этот человек? — спросил я. — Настоящий друг всегда поймет тебя и не осудит.

— Вы сами знаете, кто — сказал Проценко. — Зачем меня об этом спрашивать? На самом деле я и не догадывался, о каком друге вел речь Проценко. Но вскоре все разъяснилось. Я почти каждый день вел прием больных, ко мне приходили и приезжали из многих окрестных деревень. Как-то у меня собралось очень много людей. Среди ожидавших приема я увидел Зою. Она сидела на лавочке и терпеливо ждала своей очереди. Я подумал, что ее беспокоил зуб и, когда она села в кресло, спросил:

— Что, Зоя, дает знать старая болячка? Открой-ка рот, я по-смотрим. Зоя сняла с головы повязку и спросила: Проценко сегодня ночевал у вас?

— Да, ночевал. А зачем ты об этом спрашиваешь? Просто так. — Зоя опустила голову и стала в волнении тереть бахрому своего платка.

— Зуб болит? — переспросил я.— Дай-ка я осмотрю.Ничего у меня не болит, Алексей Васильевич... Вот тебе раз. Зачем же тогда пришла?

— Да так, — замялась Зоя. Просто так ко мне не ходят, — строго сказал я, — ты же знаешь, что без вызова тебе здесь появляться нельзя. Я думал, ты по важному делу, а тебе просто погулять захотелось.

— А у меня и есть важное дело... Что за дело? Выкладывай, — проговорил я и тут неожиданно догадался о причине ее прихода. Как это я раньше не заметил? Ну, конечно же, ее приход связан с Гришей Проценко. И когда это они успели сблизиться? Видно, любовь секретнее всех тайн на свете.

— Ну, слушаю тебя, говори, — обратился я к Зое. Что ж тут говорить? — вздохнула девушка.Тебе лучше знать, о чем говорить. Ты за этим и пришла ко мне.Когда я увидела его здесь впервые, то подумала, что это какой-то особенный, настоящий человек, — тихо заговорила Зоя. — Дружбу мне предложил, просил чаще встречаться и вот оказался самым настоящим подлецом.

...За последнее время наша подпольная группа заметно выросла. Вместе с нашими «стариками» Проценко, Спижевым и Розовиком задания группы выполняли подпольщики Беляев, Киселев и другие. Для того, чтобы уберечь организацию от провала, подпольщики друг с другом лично не встречались, связь с ними поддерживалась через специальных людей. Проценко, например, знал только меня, а о том, чем занимаются остальные члены группы, сколько их, он и понятия не имел. Когда Проценко и Зоя познакомились, то ни он, ни она и словом не обмолвились, что связаны с подпольной организацией, у обоих хватило выдержки не касаться этой запретной темы

— Ты не права, Зоя, — проговорил я.— Гриша, по-моему, парень верный.

— Он только на вид такой, а на самом деле — обманщик. Если он честный и правильный человек, то зачем подался в полицаи? Разве нельзя найти другой работы, кроме прислужничества немцам?

Зачем ты мне это говоришь, Зоя? Вы сами уже взрослые люди, сами и разбирайтесь. Поговорите, думаю, что найдете общий язык. Не желаю разговаривать с полицаем! — вспыхнула Зоя. — Брезгую. Понимаете? Но ведь ты его любишь? Почему бы и не поговорить? Постараюсь забыть. — Зоя затихла, еле сдерживая готовые брызнуть слезы. Потом она решительно спросила:

— Алексей Васильевич, я считаю вас своим братом. От-ветьте мне на один единственный вопрос. Скажите мне, можно ли верить Григорию? А? Можно, — ответил я, — можно и нужно верить.

— Спасибо! Мне теперь все понятно. — Зоя поднялась со стула, подарила мне ласковый взгляд и с улыбкой вышла из комнаты. Зоя ушла, а я опять принялся за свое привычное дело. Многие больные были моими односельчанами, постоянно по-сещали меня, и я всех их хорошо знал. Незнакомые люди бывали у меня редко. Но на этот раз я заметил в прихожей молодую женщину в черной шали. Она сидела на лавке рядом со старушкой и о чем-то с ней разговаривала. Раньше я никогда не встречал эту женщину и поэтому постарался прислушаться к их разговору.

— Что-то я не видала тебя в нашем селе, — тараторила старушка, — издалека к нам пожаловала, наверное? Издалека, бабушка, — ответила женщина, прикрывая шалью свое смуглое лицо с большими лучистыми глазами. Женщина сильно смахивала на еврейку, и я подумал, что ей небезопасно встречаться с немцами. Да и полицаи частенько задерживали евреев и отправляли их в лагерь.

— Эх, милая, — продолжала между тем старушка. — Разве люди умеют ценить хорошее? До войны больных доктора бесплатно осматривали. Мы даже и не замечали, что они есть. А теперь надо еще поискать доктора, да и заплатить ему. Бывало, в больницу лечь велют, а мы отказывались. И далеко, мол, до нее, и ухаживают там плохо. Дома все норовили отлежаться. А врачи по нашим домам бегали. И в грязь, и в холод, ни с чем не считались, лечили как полагается. Вот как было при советской власти. А теперь больных много, и никто к тебе не придет. Такие уж времена настали.

— Дарья, чего это ты советскую власть расхваливаешь? — перебил старушку рыжеусый детина. — Брось свою агитацию. Э, Степан, ты уж лучше помолчи, — обиделась Дарья. — Разве я неправду говорю? Летом ты никогда ничего не делал, все по курортам разъезжал, легкие свои лечил. Советская власть тебе путевки давала. Если ты это забудешь, ничего доброго не видеть тебе в жизни. Правда, я хвалю советскую власть, и тебе ее благодарить надо. А если хочешь, то донеси на меня полицию. Пусть меня казнят, я никого не боюсь. Ладно, ладно, — смутился Степан, — какая ты обидчивая. Я ведь ничего особенного не сказал. Помолчим лучше.*

Женщина не вмешивалась в разговор, но зло и неприязненно поглядывала на Степана. Я все слышал, и мне понравилось, как старуха отбрила этого рыжеусого Степана. Вся очередь была на стороне боевой старушки. Она говорила правду, а против правды возражать трудно. Ты, милая, издалека, так иди вперед, а я подожду, — обратилась старуха к женщине в черной шали, — у меня колено ноет, старость одолевает. А душа с телом расставаться не хочет, вот и надоедаю доктору. Спасибо, но я долго буду у доктора, мне нужна консультация, — поблагодарила женщина, — вы уж идите сами.

— Воля твоя, милая, — старушка вошла ко мне, и я

быстро оказал ей помощь. Мне хотелось поскорее познакомиться с этой женщиной, разузнать, откуда она появилась в наших краях. Наконец она вошла и спокойно уселась в кресле.

— Я к вам, Алексей Васильевич, — тихо сказала женщина. Очень хорошо. Что вас беспокоит? Болезни у меня нет, — женщина внимательно посмотрела на меня. — Давайте познакомимся. Меня зовут Леной. Я послана к вам районным подпольным комитетом.

— Мадам, — начал я строго, страхуя себя на случай возможной провокации. — Никакие подпольные комитеты меня не интересуют. Я — врач и далек от политики. Если вы больны, я окажу вам помощь. Не впутывайте меня в ваши дела.

— Почему «в ваши дела?» — удивилась посетительница. — Эти дела также и ваши. Врачебная помощь, конечно, от вас потребуется. Но сейчас, как думаю, товарищи, которые меня к вам прислали, рассчитывают совсем на другую помощь.

— Что же им нужно от меня? — стараясь быть спокойным, спросил я. Вы хотите работать вместе со своими товарищами-единомышленниками? — С кем именно? При встрече они сами представятся вам. Хорошо, — согласился я. — Сейчас я ничего определенного не скажу. Когда встретимся с вашими товарищами, там все и решим. — Спасибо! — горячо поблагодарила Лена. — Вы меня излечили от всех болезней...

Мы еще не закончили разговора, как в дом вошел Проценко. Увидев у меня постороннюю женщину, Григорий, как заправский полицай, начал придирааться ко мне. Погода скверная, на дворе мороз, — сказал Проценко и покосился на женщину. — Я промерз до костей. Ты, коновал, людей лечишь, наживаешься на их болезнях, поднеси-ка служивому стаканчик. Вы же видите, у меня пациент.

— Кто такая? Откуда? — спросил Проценко.

— Здешняя, местная.

Лена недружелюбно посмотрела на полиция, быстро закуталась в свою шаль и молча вышла из комнаты. Проценко улыбнулся и спросил: Кто она такая?

— Как кто? Больная, — ответил я. Проценко не стал допытываться, подошел к двери и плотно прикрыл ее. Что у тебя нового? — начал я допрашивать полиция. — Приехал неожиданно, — значит, есть, о чем рассказать. Все по-старому, — Григорий потупил голову и вдруг ошаршил меня новостью: — Алексей Васильевич, я Зое все рассказал.

— Что рассказал? Все. И о том, что я подпольщик, и что полицай я не настоящий. Не мог я глядеть, как любимый человек мучается. А теперь судите меня, любую кару приму. Что ж, может быть, ты и прав. «Когда веришь человеку, нельзя от него таиться», — сказал я и перевел разговор на другую тему. — А теперь рассказывай, куда путь держишь? Во Вьюнищи еду. Ко мне в руки попало анонимное письмо. В нем говорится, что тамошний житель, по фамилии Шпиталь, с самого начала войны укрывает в своем доме командира Красной Армии. Кроме того, он знает, где спрятано оружие, специально оставленное для партизан. Сам он, кажется, связан с подпольной организацией. Думаю, поехать и все разузнать.

— Чудак ты, Григорий, — удивился я. — Ты же полицай. Разве он скажет тебе правду? К тому же мы не знаем, что он за человек. Зачем ты будешь разоблачать себя перед ним? Лучше будет, если поеду к нему я. На том и порешим. Ладно, тогда я отправляюсь. — Проценко вышел из дома, и я видел в окно, как он заторопился по улице. Куда же он так торопится? Через минуту все мне стало ясно: у колодца стояла Зоя. Григорий подбежал к ней, и они тут же скрылись в переулке.

Села Вьюнищи и Козино разделяет большой лесной массив. Они расположены недалеко друг от друга, и я в тот день довольно быстро добрался до цели своего путешествия. Как и говорил Проценко, я легко нашел дом, где проживал Шпиталь. Хозяин был во дворе. Он копошился в сене на крыше сарая, а внизу пегая корова, жалобно мыча, жадно подхватывала клочья сухой травы. Старенькая шапка-ушанка, ватная, подпоясанная веревкой телогрейка, подшитые валенки, ничем не отличали Шпиталья от сотен и сотен ему подобных деревенских жителей. Я долго наблюдал за его работой, не решаясь окликнуть хозяина. Да это, пожалуй, и не помогло бы. Он наверняка видел меня, но не обращал никакого внимания. Вот он закончил скидывать сено, обернулся ко мне, оперся на массивный черенок вил и затем спросил:

— Кто вам нужен? Это дом Шпиталья? — поинтересовался я. Да. Могу я видеть Сергея Миновича? Дело у меня к нему. Сергей Минович, — это я, — проговорил Шпиталь, слезая с сарая. Он подошел ко мне и улыбнулся: — Что у вас за дело, товарищ доктор? Не удивляйтесь, что я вас знаю: в этих краях доктор один, а нас, болеющих, много. Пожалуйста, входите в дом. В этом году много снега, да и зима холодная, — начал я разговор, когда мы вошли в комнату и уселись у стола. — Крепкие морозы стоят. Старики говорят, что такого раньше не бывало.

— Кажется, немцам не нравится русская зима? — спросил я у Шпиталья, вызывая его на дружеский разговор. Кто их знает, — уклончиво ответил Шпиталь.

Разговор не клеился. Говорили о зиме, о сене, о корове.

Вижу, что он мне не доверяет, опасается чего-то. Хозяин за-метно волнуется. Он никак не может понять, чего ради

приплелся доктор из своего села Козино во Вынищи? Что заставило его прогуливаться в такой мороз? Наконец я решаюсь на лобовую атаку.

— Про вас говорят, что вы сколотили подпольную организацию. Есть у вас и припрятанное оружие. Правда ли это? Товарищ доктор. Все считают вас порядочным человеком. И я вас таким считал до сих пор, — Шпиталь побагровел и глядел на меня гневно и сурово. — Не хочу вас обижать, но если вы служите немцам, то, как говорится, на здоровье, желаю удачи, так поступайте и дальше. А если хотите отличиться и для этого надумали меня шантажировать, то, скажу вам, не на того напали. Я не тот, кто вам нужен. Ни о каких организациях, ни об оружии я ничего не знаю. И с тем катитесь отсюда к чертовой матери.

— Сергей Минович, зачем попусту сердиться и нервничать? Полиции известно, что вы вербуете людей в свою организацию. Полиции? — Шпиталь поглядел на меня в упор и громко расхохотался. — Доктор, да вы людей за дураков считаете. Если полиция знает, кто я и чем занимаюсь, то почему я на свободе, а не в тюрьме? Или полицейские тоже стали большевиками?

— Изменники никогда не будут большевиками, — сердито сказал я. — Но среди них есть наши товарищи. Письмо предателя, как раз и попало к этим людям. Мне кажется, что кто-то из вашей группы хочет служить немцам. Посторонний человек не может ведь знать, чем вы занимаетесь. Эту бумагу написал кто-то из ваших.

Шпиталь изменился в лице. Он мусолил во рту толстую самокрутку, морщился от едкого дыма. Рука его, лежавшая на столе, мелко подрагивала. Мне показалось, что он готов поверить в мою добропорядочность. Но если я говорю правду, то кто же тот предатель, что служит немцам? Кто работает в полиции? — упавшим голосом спросил Шпиталь.

— Человек надежный, член нашей подпольной группы. А много членов в вашей группе? Как вам сказать? — улыбнулся я. — Если вы присоединитесь, то число их увеличится.

— Как, как, Алексей Васильевич? — изумленный Шпиталь впервые назвал меня по имени и отчеству. — Вы хотите вовлечь меня в вашу подпольную организацию? С этого надо было бы и начинать, а не пугать меня полицией. — Таким делом не шутят, Сергей Минович. Я говорю вам правду. Специально пришел предупредить вас и предостеречь. Но пока вы не освободитесь от этой проказы, я вам больше ничего не скажу. Для разговоров у нас с вами время всегда найдется. Вы знаете, я принимаю больных. Людей у меня много бывает. Вот и вы приходите, поговорим...

— Всю ночь не спал, — сказал мне Шпиталь, когда на другой день приехал ко мне в село Козино, — от дум голова раскалывается. В нашей группе всего три человека. Если поверить вашим словам, то, выходит, один из нас — предатель. Сказать так о своих товарищах я не могу, язык не поворачивается. Оба они — коммунисты, военнослужащие, один из них давно уже живет у меня.

— А вы убеждены в этом? Немцы специально засылают шпионов к подпольщикам. Один такой в лагерной одежде шлялся как-то в этих местах. Не лишне будет проверить товарищей. Нет, я верю своим людям, — Шпиталь был непреклонен. У меня тоже нет особых причин сомневаться в них. Может быть, они, действительно, хорошие люди, но проверить надо. Потом, вспомните сами, вы не могли как-нибудь неосторожно проговориться? Мы не проходили специальной подготовки, опыта подпольной работы у нас нет. Нас может погубить малейшая неаккуратность. Кто-нибудь услышал о вас краем уха и тут же донес в полицию. Вы, Сергей Минович, разберитесь в этом.

— Теперь мне всепонятно, — вздохнул Шпиталь. — По-жалуй, мы сами виноваты, примем меры. Будьте осторожны, — посоветовал я Сергею Миновичу на прощание.

С этих пор мы стали встречаться со Шпиталем регулярно, наша дружба крепла, и дела подвигались вперед. Январь выдался лютым, морозным. Снег выпал такой глубокий, что не было ходу ни пешему, ни конному. Люди целыми днями отсиживались в своих домах, на улице редко можно было встретить прохожего. Вечерами шаги по морозному снегу слышались далеко вокруг. В один из таких зимних вечеров мы сидели с Сергеем Миновичем у меня дома, грелись у печки, беседовали о своих делах. Вдруг под окнами раздался громкий скрип шагов, а через минуту открылась дверь, и в комнату, сторбившись, вошел человек.

— Не узнаете, Алексей Васильевич? — голос показался мне знакомым, но я не мог догадаться, кто это в такой мороз решил навестить меня. — Что смотрите так пристально? Или я так сильно изменилась? Лена! Откуда ты, милая? — Я наконец узнал свою пациентку. — Не думал, что придется встретиться. Что-то долго вестей не подавала. Как там ваши товарищи, живы? Лена хотела было ответить мне, но, заметив у печки постороннего человека, подозрительно покосилась на него и замолчала.

— Не бойся, Лена, это свой человек, — успокоил я ее, — знакомьтесь: Сергей Минович Шпиталь, из соседнего села, бывший председатель тамошнего колхоза. Мне нечего бояться, — улыбнулась Лена, — пусть враг нас боится. Я к вам, Алексей Васильевич, ненадолго. Передам поручение — и снова в дорогу. К утру мне надо быть уже на месте.

Лена сообщила, что меня ждут завтра в Переяславе. Время подходящее — базарный день, когда из деревень прибывают в город селяне со своим немудрящим товаром. Я должен

побывать на базаре, отыскать там зеленый ларек, где меня ждет человек в серой шапке. Тот, в свою очередь, должен преправить меня дальше.

— Я думал, мы остались на необитаемом острове, — пове-селел Шпиталь, — а нас, оказывается, много. На другой день я был уже в Переяславе. Базар только что начинался. Надо сказать, что рынок в оккупированной местности представлял жалкое и страшное зрелище. Продуктов почти не было, торговали обычно старой рухлядью. Особенным спросом пользовались табак и соль. За соль люди отдавали последние деньги, последние тряпки. И в этот день больше всего людей толпилось у торговца солью. Я подошел поближе, чтобы посмотреть, как орудуют спекулянты, как наживаются они на людском горе.

— Ну, сколько фунтов дашь за брюки? — спрашивает пожилой мужчина у спекулянта. — Не разглядывай, совсем новые. Сын мой, бедняга, покупал, а носить не пришлось. Только эта память о нем и осталась. На вид — новые, — ворчит торговец, — а материал-то залежался, редеть стал. Покупать боязно, развалятся. Давай по рукам, пойдет за десять фунтов соли.

— Побойся бога! — взмолился продавец. — Грех тебе обижать бедных. Что значат десять фунтов? А брюки — это вещь, им износу не будет. Не хочешь — иди прочь, — сердится спекулянт, возвращая брюки. — Мне и не нужны такие тряпки. Десять фунтов — и ни грамма больше. Бери или проваливай.

— Что поделаешь? — сокрушается владелец брюк. — Дома нет ни крупинки соли. Бери штаны, чтоб ты подавился. Даром, почитай, отдаю. Я потолкался по базару и пошел к зеленой лавке. Вошел в помещение, но нужного мне человека не увидел. Он должен был мне предложить табаку, а я в ответ сказать: если за марки, то беру. Но человека не оказалось, и наш разговор на этот раз не состоялся. Потом я заходил в лавку еще два раза и

снова никого не встретил. Тогда я решил, что меня испытывают. Зайду, думаю, еще раз, и если никого не увижу, то придется отправляться домой. Захожу и вижу мужчину, которого искал с самого утра. Но как он здесь оказался? Я наблюдал за входом в ларек и этого человека не видел. Оказывается, это был сам лавочник. Он целый день торговал и не обращал на меня никакого внимания. Лавочник вел со мной разговор согласно условленному паролю, но он мне показался каким-то подозрительным.

— Кто вы такой? — спросил я. Не видите — приказчик? — ответил он мне недружелюбно и стал запирать лавку: — Вы идите... третий дом за прядильным цехом. Не робейте, прямо заходите в дом. Я пойду следом. Нигде не останавливайтесь и не задерживайтесь.

У дома меня встретила молодая женщина. Встретила ласково и приветливо. Посочувствовала, что мне пришлось так долго ждать на морозе. Одеты уж вы очень легко, — заохала женщина. — Промерзли, наверное, совсем. Э, нет, не совсем еще замерз, — ответил я и быстро вошел в дом.

Это был обычный крестьянский дом из двух комнат. Когда я вошел, то увидел, что в дальней комнате сидят двое мужчин и о чем-то беседуют. Один из них, сидевший у окна, был в военной форме. На нем была суконная гимнастерка, подпоясанная широким командирским ремнем с большой звездой на пряжке. Другой был одет в простой штатский костюм. Оба поднялись мне навстречу. Здравствуйте, Алексей Васильевич, — приветствовали меня хозяева. — Проходите сюда, садитесь. Ждем вас с нетерпением.

Человек в военной форме назвался Емельяном Демьяновичем Ломако, руководителем подпольной районной организации. Второй был членом этой организации, Дмитрий Никитич Яковец. Сразу же приступили к деловому разгово-

ру. Ломако подробно расспросил о каждом человеке из нашей группы. Он интересовался, где люди работали раньше, кто какое поручение сейчас выполняет. А что, Проценко надежный парень? — спросил Ломако. — Должность у него для нас подходящая. Свой человек, — заверил я.

— Нашу работу нельзя считать удовлетворительной, — сказал Ломако, — положение создалось тяжелое. Многие верят немецкой агитации, верят даже, что фашисты заняли Москву и Ленинград. Думают, что советская власть пала, а потому и нет прока от нашей партизанской войны. Оккупантов поддерживают националисты. Они заявляют, что раз немцы сокрушили Красную Армию, то как могут тягаться с ними какие-то разрозненные группы подпольщиков? Партизаны взбудоражат население, а как придут карательные отряды, скроются, обрекут мирных людей на гибель.

— И, заметьте, товарищи, — продолжал Ломако, — эти слухи поддерживаются и распространяются людьми, которые жили и работали вместе с нами. Вообще многие находятся в заблуждении, не знают, кого слушать. А у нас мало людей, которые бы могли делом отвечать на враждебную пропаганду. Нам надо растить и воспитывать их в борьбе. Вот почему я так подробно расспрашиваю у вас о каждом человеке, — Емельян Демьянович смолк на минуту, а потом заговорил снова: — Мы связались с подпольными организациями Мироновки и Ржищева. У них работа идет более активно, там уже организуется партизанский отряд. Говорят, что у них есть связь с Большой землей. Нам тоже надо разворачиваться. Мы, члены комитета, не можем, как вы, появляться открыто. Это, конечно, мешает работе. Вот почему мы попросили вас явиться сюда. Нам нужна ваша помощь. Как вы на это смотрите? Я готов, Емельян Демьянович! — коротко сказал я.

— Хорошо. — Ломако положил руку на мое плечо. — Прошу вас в ближайшее время повидаться с Проценко. Что ему надо делать — скажу позже. А сейчас есть такое предложение: как вы смотрите на поездку в Киев?

— В Киев? — переспросил я. — А что я должен там делать? Да и пустят ли меня туда немцы?

— В том то и дело, что немцы не пускают в город, — вздохнул Ломако. — А мы хотим во что бы то ни стало наладить связь с киевскими товарищами. Надо найти подходящий повод для поездки в Киев. Подумайте об этом хорошенько, а потом мы все с вами обсудим.... Через несколько дней я встретился с Григорием Проценко и передал ему боевое задание Ломако. Григорий выслушал меня и надолго задумался.

— Если не уверен, то не берись, — сказал я Григорию. — Силой тебя никто не заставляет. Не боюсь, и не о себе думаю, — возразил Проценко. Разоружить полицейский отряд одному человеку просто невозможно. Нужны силы. А где их взять? Все, кто служит в полиции, сам знаешь, изменники и подлецы.

— Почему все? Ты-то не изменник? Я себя не считаю лицом, — обиделся Проценко. А может быть, и другие тоже не считают себя предателями, — сказал я, — служат так просто, для отвода глаз чтобы и прокормиться и людям вреда не сделать. А?

— Для чего вся эта затея? — спросил Григорий. Как для чего? — удивился я. — Партизанам нужны боеприпасы, оружие. Фашисты нам не подарят, надо силой брать. Другого пути у нас нет.

— Хорошо, Алексей Васильевич. Я подумаю. Подумай, Гриша, подумай. Очень это важное дело. А вскоре случилось такое, что и я, подобно Григорию, засомневался в успехе нашего предприятия. Мы сидели с Григорием у меня в доме, обедали. Вдруг с улицы донесся громкий плач женщины. Мы

бросили все и выбежали во двор. Видим, из соседнего сарая полицай тащит огромную свинью. Рядом с ним шагает немецкий солдат с автоматом. Крик женщиныны ее маленьких детей заглушает пронзительный визг обезумевшей свиньи. Пожалейте, — рыдала женщина, обращаясь к полицаяу. Ведь вы же — люди. Подумайте, как я буду жить с малыми детьми? В доме нет ни хлеба, ни дров, только и богатства — свинья. А вы последнее отнимаете, изверги.

Полицай оттолкнул прикладом цепляющуюся за него женщину и пригрозил ей расправой. На крик сбежались люди и молча смотрели на этот беззастенчивый грабёж. Но полицай ни на кого не обращал внимания. Свинью взвалили на телегу, и бандиты поехали по селу. Вслед им неслись плач и проклятия. Проценко, багровый от гнева, тянет руку к пистолету, но вовремя спохватывается. Это ж разбой! — говорю я с возмущением.

— А что от них можно ожидать? — Проценко осуждающе посмотрел на меня. — Вы говорите, что их можно привлечь на свою сторону. Такую собаку никакая агитация не возьмет. Ничего, Гриша, — успокоил я товарища, — не горячись. Будет и на нашей улице праздник. За все тогда с ними посчитаемся.

Проценко долго в раздумье стоял передо мной, хмурился и молчал. Затем, прощаясь со мной, твердо сказал: Раз комитет решил — рискнем. Попробуем раскатать полицаяев. Я буду сообщать вам о ходе операции.

...Через неделю на явочной квартире я снова встретился с Ломако. Разговор наш был кратким. Мы будем контролировать все действия Проценко, — сказал Ломако. — Если потребуется, поможем. Словом, об этом не беспокойтесь. А вам необходимо выезжать в Киев. Никого подходящего, кроме вас, мы не нашли. А посылать в город кого попало мы не можем. Комитет поручает вам связаться с подпольным обкомом. Нам нужна

помощь обкома. Когда выезжаете? Трудно сказать, — ответил я. — Надо подготовиться.

— Какой предлог выберете для поездки?

— Думаю, сначала поехать в Канев. Там есть товарищи, с которыми работал раньше. Они помогут мне достать нужные документы. Ваше решение одобряем, — сказал Ломако. — Действуйте. Вскоре я устроился на работу в районную больницу, потом друзья оформили мне командировку в Киев для приобретения медикаментов. По дороге в Киев я заехал в Козино, Друзья-подпольщики тепло проводили меня и пожелали удачи.

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

С тех пор как немцы захватили Киев, я впервые был в этом городе. Древний священный город лежал в развалинах. Прежний красавец Крещатик неузнаваем. По нему невозможно пройти. Повсюду валяются разбитые машины, искалеченные орудия, из-под снежных сугробов торчат башни сгоревших танков. На улицах сильная охрана. Людей поминутно останавливают, проверяют документы, многих задерживают и арестовывают. Я иду по Крещатику к площади Богдана Хмельницкого. Здесь я должен встретиться с одним человеком, зубным техником по профессии. Он живет на улице Островского.

Я нашел нужный мне трехэтажный дом и стал прохаживаться возле него. Стены дома густо залеплены всевозможными приказами и распоряжениями. Делаю вид, что читаю эти объявления, а сам осторожно озираюсь вокруг. Приближался вечер. Тени протянулись уже до середины улицы. Окна нижних этажей почти сплошь забиты досками. Похоже, что здесь давно уже никто не живет. Дверь среднего подъезда распахнута настежь, показался, точно пещера, коридор. Мне предстоит

пройти по этому коридору и отыскать нужную квартиру. Найдут ли?

Кое-где в окнах слабо замерцал свет. Можно бы и входить, но я задерживаюсь. На углу улицы давно уже стоят двое и о чем-то беседуют между собой. Не следят ли они за мной? В городе немало негодяев, прислуживающих оккупантам. Кажется, один из них изредка поглядывает на меня. На нем легкое пальто с приподнятым воротником, шляпа низко надвинута на глаза, и я не могу рассмотреть его лицо. Видно, он следит за мной. Это плохо. Но делать нечего, надо принимать какое-то решение. Я вхожу в дом. Если кто спросит, скажу, что живу здесь. Входя в дом, я заметил, как заметался человек на перекрестке. Быстро поднимаюсь на второй этаж. Навстречу мне идет старуха со свечой в руке.

— Кого ищешь, сынок? — ласково спрашивает она. Врач мне нужен, где он? Зуб разболелся, никакого покоя нет, — ответил я и прислонил руку к щеке, изображая больного. Ох, милый, — вздохнула старуха, — давно уж немцы арестовали несчастного. Перед арестом он к нам заходил. Такой вежливый и добрый был человек. «Много лет, говорит, были мы соседями. Простите, если в чем виноват перед вами». А в чем он виноват? Я, старая, больше ему мешала. Так ему и сказала тогда. На следующий день пришли немцы и увели его.

Я почти не слушал старушку, думая, где бы мне укрыться от преследования. Хлопнула входная дверь, я сделал знак старухе «молчать». Она очень перепугалась и попятилась назад, к своей двери. Мы быстро зашли в ее комнату. Этот проклятый пес, — сказал я шепотом, — ни на шаг не отстаёт от меня. Вы не бойтесь, я сейчас уйду.

Старуха поняла, что мне грозит опасность. Она тут же вышла со свечой в коридор, я услышал ее громкий, ворчливый

голос. Мария, где ты? Куда ты запропастилась, несчастная? Дома нет ни палки дров, а ты шляешься где-то.

— Не ори, нет тут никакой Марии, — раздался в ответ хриплый мужской голос. — Никто здесь не проходил? Я сейчас только разминулся с товарищем. А он города не знает, еще заблудится.

— Я девчонку свою ищу, — сказала старуха, — никого посторонних не видела. Если увижу — скажу. Человек заторопился вниз по лестнице. Я слышал его частые, дробные шаги. Опасность миновала. Я попрощался со своей спасительницей и пошел по коридору во внутренний двор.

— Разве это жизнь? — проворчала мне вслед старуха. — Друг друга караулят, каждый всего боится. В тот вечер я долго мотался по городу, путал свои следы. Наступила ночь, а я все еще не решил, куда мне податься. Наконец вспомнил адрес одного своего знакомого и пошел к нему проситься на ночлег. Мой знакомый хоть и жил в городе, но совсем не походил на городского человека. Он всего дичился, ходил небрежно одетым. Имя у него тоже было странное — Тик. Должно быть, даже не имя, а прозвище. Встретил меня Тик холодно и настороженно. После того как мы перекинулись парой ничего не значащих слов, он спросил: На старом месте работаешь?

— Да, на старом, — ответил я, как бы, не замечая его подозрительности. — Приехал в Киев за медикаментами, да поздновато, никого из начальства не застал на месте. М-м, за медикаментами, — промычал Тик и заерзал на стуле. — Хорошая профессия — врач. На немца или на русского работать — все равно людей лечить. Я своему собачьему сыну Гришке сколько раз твердил: учись на врача, очень выгодное дело. Но разве будет толк в сыне, который не слушает отца. Не знаю даже, где его теперь черт носит.

Гриша, сын Тика, был пытливым и умным пареньком я

видел его лет пять назад, и он мне очень понравился. Не отчаивайтесь, — утешил я Тика. — Сын ваш не про падет. А что известий нет от него, так это понятно: немцы письма задерживают.

— Знаю, — Тик махнул рукой. — Просто так говорю об этом. Обидно мне, отцу, что сын непослушным вырос. Был бы врачом, работал бы спокойно, как ты. Немцы не всех же арестовывают да убивают. Им тоже специалисты нужны.

Я молча слушал болтовню хозяина, не возражал и не поддакивал ему. Тик заметил, что я не имею охоты поддерживать разговор, и нахмурился. Ну, ладно, будем отдыхать, — сказал Тик и крикнул жене, гремевшей посудой на кухне: — Иди постели постель гостю. Устал господин доктор с дороги. Тик, не попрощавшись, скрылся в другой комнате. У стены я увидел диван и стал устраивать на нем постель. Подложив под голову шапку и укрывшись шубой, я попытался заснуть. Но это не так-то было просто. В комнате стоял собачий холод. Из щелей в окнах тянуло сквозняком. Я устал с дороги. Промерз, но Тик даже и не подумал предложить мне хотя бы стакан чаю. Война как-то огрубела людей, сделала их равнодушными к чужой беде. Так с этими невеселыми мыслями я и заснул. Утром меня разбудил Тик. Я подивился его игривому настроению. От вчерашней настороженности не осталось и следа. Тик просто растянулся передо мной.

— Ну, Алеша, и крепкий же сон у тебя. Еле разбудил. Посмотри, сколько уже времени. — Тик показал на часы. Был девятый час утра. Я увидел стол, заставленный всякими закусками. Посреди стола красовался большой медный самовар и поблескивала потными боками объемистая бутылка. Два дня я почти ничего не ел, и у меня от всего этого изобилия закружилась голова. Тик, вспомнил я, доводился мне дальним родственником. Видно, заговорила в нем совесть, проснулись так называемые родственные чувства. Вставай, Алеша, будем

умываться, — Тик подал мне свежее, чистое полотенце. — Самовар давно уже кипит. Дважды свежих углей подсыпал, а старуха все не велит будить тебя. — Пусть, говорит, поспит, пусть отдохнет хорошенько. А я не выдержал и разбудил.

Тик вертелся вокруг меня и покрикивал на старуху. — Чего ты стоишь? Принеси подушку и положи на стул, чтобы гостю помягче было. Садись, Алеша, откушаем что бог послал.

Во время еды Тик говорил без умолку. Он все хотел угодить мне, сделать приятное. Давненько мы не виделись, — тараторил хозяин. — А мы ведь родственники. Мой дом — твой дом. Закусывай, не стесняйся. Сейчас водочки выпьем. Вы, врачи, спирт привыкли пить. Водка может показаться тебе горькой. Но у меня особая водка. Видишь, как роса чистая, хрусталем отливает.

— Пить мне нельзя, — сказал я. — Пойду в управление, неудобно. Господи, что тебе сделается от стаканчика? — удивился Тик. — Водку не так-то просто теперь найти. Старуха по соседям ходила. Сын, говорила, приехал, еле достала. Ты уж не обижай старуху, выпей.

Хозяин с хозяйкой почти насильно заставили меня выпить рюмку водки. После чая Тик пододвинул свой стул ко мне поближе и, противно хихикая, заговорил: Ты вчера сказал, что лекарства получать будешь? Много ли тебе причитается?

— Не знаю. Но все, что дадут, не откажусь, заберу, ничего не оставлю. Правильно рассуждаешь, — одобрил Тик, — сейчас каждый порошок — это капитал. Время, сам знаешь, какое.

— Как это — капитал? — удивился я. — Наивный ты ребенок! Вот что значит молодость и неопытность, — хозяин взялся «просвещать» меня: — Сейчас война, и когда она кончится — один бог знает. Лекарства теперь — на вес золота. Страшная нужда на всякие порошки и пилюли. Взять этот, как его, сульфидин. Это же дефицит, однажды ко мне приходил один

человек, на коленях молил продать сульфидин. Часы золотые и кольцо предлагал. Ну я конечно, не упустил такого случая. У старухи были какие-то порошки, пришлось отдать. Бедный рад был без памяти.

— Ты подумай об этом, — убеждал меня Тик. — Откуда в районе будут знать, сколько ты получил лекарства? Кто будет проверять в такое время? Продашь часть лекарства, и до конца войны можно лежать и в потолок поплевывать. Я вас не понимаю, — сказал я, поняв, куда клонит этот хищник.

— Ничего. Поймешь, когда в кармане марки окажутся. — Тик даже подпрыгнул, предвкушая заработок. — А как все устроить, то ты об этом и не беспокойся. Я все возьму на себя. И покупателя найду подходящего, и о безопасности твоей позабочусь. Будут у нас деньги, самого Гимmlера купим. Согласен? Скажи только слово — и я все устрою. Разве можно менять лекарства, которые спасают людям жизнь, на какие-то марки? — возмутился я. — Деньгами здоровья не купишь.

— Почему не купишь? — испуганно спросил Тик. Война принесла много болезней, — спокойно сказал я хозяину, пытаясь убедить его не думать об этой позорной затее, — их не излечишь ни марками, ни золотом. Больным нужны только лекарства. Вот ты как рассуждаешь? — Тик даже позеленел от злости. — Понятно теперь, кого ты лечишь. К немцам в доверие влезаешь? Выслуживаешься? Не рано ли? А что ты скажешь, когда вернется советская власть? Она не простит тебе измены.

— Посмотрим, — сказал я. — Как все, так и я оправдываться буду. Какое тебе дело до всех? Смотри, как бы беда не упала на твою голову.

— Запугивать хотите? — спросил я. Теперь я понял, почему Тик так ухаживал за мной. Он хотел просто нажиться. А когда увидел, что его надеждам не сбыться, Тик рассвирепел

и готов был наброситься на меня. Он стучал зубами, брызгал слюной, его реденькая борода тряслась от злости.

— Успокойтесь, — посоветовал я Тику, — зачем волноваться. И меня не пугайте. Я ведь могу сделать так, что вы ничего не сможете сказать обо мне, когда придут Советы. До жандармерии отсюда недалеко. Хватит одного моего слова, чтобы вас упрятали куда следует.

— Ха-ха-ха! — Тик откинул назад свою голову и громко захохотал, обнажая желтые клыкастые зубы. — Парень! У тебя голова еще не созрела. Ты думаешь, что только один работаешь на немцев? Многие теперь этим ремеслом кормятся. Ну-ка, веди меня в гестапо. Там мне больше веры, чем тебе. Я даже и не скрываю свое лицо, как некоторые. Скажешь «Тик», и все понимают, что к чему. Кажется, я попал в западню. Бежал от шпионов и оказался в самом логове матерого предателя. А Тик куражился и насмехался надо мной. Он всеми силами старался показать свое превосходство.

— Вот вы какой человек? — Притворно изумился я. — Поздравляю! И спасибо за откровенность... А ты думал — я так прост? — не понял Тик моей иронии. — Мы, брат, тоже не лыком шиты, не хочешь иметь со мной дело — не надо. Пусть будет по-твоему: не надо мне лекарств, но, смотри, о наием разговоре никто не должен знать. Не проболтайся. Ясно?

— Ясно! — ответил я, направляясь к порогу. — Знаю ведь, с кем говорю. Выходя из дома, услышал грубую ругань. Это хозяин отводил душу. На улице было ветрено и холодно. Заиндевелые деревья качались у разрушенных, закопченных домов. Прохожих почти не видно. Изредка пройдет грузовик с немецкими солдатами, до глаз закутанными в шарфы. Иногда по мостовой прогрохочут танки. Они идут туда, на Восток, где сражается наша Армия. С большим трудом отыскал

медицинское управление и сдал документы. Велели явиться через два дня.

Что же делать? Перед поездкой в Киев меня снабдили двумя адресами. По предположениям комитета эти люди должны быть непосредственно связаны с областным подпольем. Я должен во чтобы то ни стало разыскать их и повидаться. Один из них — зубной техник. С ним мне не придется увидаться. Кто знает, где он. Может быть, оккупанты его уже расстреляли. Надо разыскивать второго. В комитете почему-то мне не назвали его полного имени. Сказали только адрес. Он живет в третьем доме от вокзала центральной железной дороги, на втором этаже, в сороковой квартире.

Встреча была условлена заранее. Мне должен открыть двери усатый человек с мохнатыми бровями. На мой вопрос: «Простите, не нужны ли вам лекарства от головной боли?» он обязан был дать такой ответ: «Слава богу, я пока здоров, но раз вы пришли, то возьму флакончик. Лекарство в доме не помешает». После того он должен впустить меня в дом.

Медицинское управление помещалось недалеко от вокзала, и я пошел по названному адресу. На вокзале тихо, нет прежней суеты, обычного шума и гама. В здании пусто. Только в дальнем углу зала ожидания стоят вооруженные немецкие солдаты. Они окружили какую-то женщину и что-то пытаются объяснить ей мимикой и жестами. Женщина старается вырваться от них, но солдаты хватают ее за руки и со смехом вталкивают в круг. Женщина увидела меня и рванулась от солдат. Пустите! — закричала женщина. Она подбежала ко мне и схватила меня за руку. — Спасите меня. Привязались, проклятые, ходу не дают. Мы вышли из зала и пошли по площади. Солдаты остались стоять в своем углу. Они по-прежнему весело смеялись. Когда мы отошли уже на порядочное расстояние, женщина спросила:

— Куда вы идете?

— Я приехал сюда за медикаментами, — сказал я, — у меня взяли документы, должно быть, для проверки. Велели ждать. Если все уладится, то завтра поеду в Канев. Вы, оказывается, мой земляк, — обрадовалась женщина. — Я родом из Трахтомировки. Давайте познакомимся: меня зовут Надеждой, Надеждой Воронежской. Я здесь живу у сестры. Если хотите, заходите к нам. Живем, как дикари, нет человека, с кем бы можно было словом перекинуться. Заходите, улица Кудрявского, недалеко отсюда.

— Спасибо, будет время — зайду. Надежда заметила, что я в чем-то сомневаюсь, и постаралась развеять мои подозрения. Мы незаметно разговорились, и она стала рассказывать о себе. Я работаю в столовой. На заводе имени Калинина. А до войны была председателем местного комитета на обувной фабрике.

— Как дела на заводе? — прямо спросил я. Нас дальше столовой не пускают. За всеми очень строго следят, мы даже разговаривать боимся. Но все же кое-что делаем. Недавно выручили двух заключенных. Достали им справки, что они работают у нас на заводе. Они хотели перейти линию фронта. Не знаю, удалось ли? А я сегодня подругу провожала. Тут солдаты привязались. Спасибо, что выручили.

Я слушал Надежду рассеянно, думал о своем. После неприятной встречи с Тиком мне не хотелось ни с кем разговаривать. Все казались шпионами и предателями. Проводив Воронежскую, я долго ходил вокруг дома, где жил таинственный человек с усами и мохнатыми бровями. Войти в дом не хватает смелости. Кажется, что здесь живут наши обыкновенные люди. Они заходят и выходят из подъездов, куда-то спешат по своим делам. Наконец я иду к дому. Бояться мне, кажется нечего. Документы в порядке. Если кто будет расспрашивать сумею ответить,

отговориться. Поднимаюсь на второй этаж и смело иду к со-роковой квартире. Тут кто-то хватает меня за руки, начинают бить. Я и голоса не успел подать, как оказался уже во дворе у какой-то машины. Меня силой затолкали в нее. В чем дело? — Отпустите! — кричу я и пытаюсь вырваться.

— Не ори! — огромный полицейский сбил меня с ног, придавил коленом грудь. — Чего тебе одному здесь разгуливать? Доведем до большевиков, там тебе будет веселее. Вы, большевики, любите коллектив. Полицейские издеваются надо мной, хохочут. Машина мчится по тряским улицам и наконец останавливается в каком-то дворе, обнесенном высокой кирпичной оградой. Я узнал это место. Дом этот выходил фасадом на улицу Короленко. Полицаи подхватили меня за руки, втащили в дом и поволокли по длинному, темному коридору. Через минуту я оказался в большой комнате. У двери в смежную комнату за маленьким столиком сидела женщина и постукивала на машинке.

— К господину лейтенанту? — спросила она. Так точно! — гаркнул полицейский. Господин лейтенант занят, у него посетитель. — Женщина торопливо стучала на машинке, не обращая на нас никакого внимания. Я увидел, что она печатает какой-то длинный список и догадался, куда меня привели. Это была жандармерия. В приемной прозвенел звонок, женщина бросила печатать, поправила прическу, вынула зеркальце, подкрасила губы и скрылась за дверь. Тут же она появилась вновь и с улыбкой кивнула полицейскому:

— Заходите. Через некоторое время позвали и меня. За длинным столом у окна сидел «господин лейтенант». Он был таким крошечным и плюгавым, что и смотреть было не на что. Голова — величиной с кулачок, глаза маленькие и бесцветные. Лейтенант разговаривал с женщиной довольно крупного роста.

Тот возвышался как гора, подавляя своим величием коротышку лейтенанта. Лейтенант откинулся в кресле и напыжился.

— Господин лейтенант, — доложил полицаи, — этого человека мы схватили у сороковой квартиры, за которой мы на-блюдаем. При задержании оказал отчаянное сопротивление. Сопротивлялся? — удивился лейтенант и, прищурив свои маленькие глазки, поглядел на меня.

— Так точно, господин лейтенант! — полицаи сияли от удовольствия. «Этот человек лжет, господин офицер», — сказал я, — он обманывает вас. Молчать! — заорал лейтенант и стукнул кулачком по столу. — Я не с тобой говорю, хам! Продолжайте докладывать, господин полицейский. — Да, в общем, — заволновался полицаи, — мы этому молодчику скрутили руки и сразу же приволокли сюда. Хорошо! — одобрил лейтенант и опалил меня грозным взглядом: — Вы знаете, где находитесь? Да, господин офицер. Я нахожусь у начальника жандармерии. Надеюсь, что офицер фюрера будет справедлив и сумеет разобраться в моем деле.

О-о! Вы умеете красиво разговаривать! — улыбнулся фашист. — Мы вас долго не задержим. Вы только ответите на несколько вопросов. Кто вас послал в этот дом? С кем вы должны были встретиться? Можете не называть фамилии людей, которые вас послали. Я знаю, что вам трудно вспомнить имена людей, с которыми вы долгие годы общались и дружили. Требовать этого от вас просто неделикатно. Для нас будет достаточно, если вы назовете только их адреса. Видите, мы не толкаем вас на преступление перед вашими соотечественниками. Не так ли?

— Спасибо за ласку, господин офицер. При случае я воспользуюсь вашим советом, но в том доме у меня нет ни одного знакомого. Я врач, прибыл сюда из Канева, — как можно спо-

койнее проговорил я и достал из кармана бумаги. — Вот мои документы. Я только сейчас был в управлении.

— Если нет знакомых, то зачем вы шляетесь по чужим домам? — спросил лейтенант, брезгливо роясь в моих бумагах. — Видите ли, господин лейтенант, врачи часто соприкасаются со спиртом. Короче говоря, любят выпить. У меня впереди свободен целый день. Вот я и пошел по домам поискать горилки. Если бы я знал, что меня ожидает, я бы стороной обошел этот проклятый дом.

— Когда прибыли в город? Вчера вечером, господин лейтенант. Где был этой ночью? Здесь живут родственники мужа моей сестры, у них я и ночевал. Во время допроса в комнату вошел человек. Когда лейтенант спросил у меня, где я был ночью, этот человек закричал: Господин офицер, этот человек ночевал у меня. Тик! — невольно вскрикнул я. Офицер ошеломленно поглядел на Тика. У вас? — удивился лейтенант и покачал головой. Так точно, господин офицер! — Тик улыбнулся во весь рот и добавил: — Я его уже как следует проверил.

— Тогда другое дело, — задумчиво сказал лейтенант и, увидев полицая, растерянно стоявшего перед ним, неистово закричал: — Паршивый пес! Так-то ты выполняешь мои приказы? Жирная свинья! Я прикажу сварить из тебя мыло. В тюрьму негодяя! Господин офицер, ваше превосходительство, — лепетал полицай. Но ему не дали договорить. Двое дюжих жандармов: хватили его и выволокли из кабинета.

— Я вижу, вы умный человек, — устало сказал лейтенант. — Прошу не болтать о том, что здесь произошло. Будете болтать — расстреляю. Из-под земли найду. Поняли? Боже сохрани! — Я поднял руки кверху. — Зачем это мне? Я даже и не понял, в чем тут дело.

1 К. Токаев

— Ну н хорошо, что не поняли, — лейтенант взял со стола мои документы и подал их мне: — Проваливайте! Вышел я из жандармерии и со всех ног бросился в Дарницу. В двух местах меня постигла неудача, я потерял много времени. Оставалась единственная возможность хоть в какой-той мере выполнить задание комитета. С подпольем меня могла свести теперь только Ирина. Надо обязательно разыскать ее. Я приехал в Дарницу и по расспросам отыскал дом, где жила Ирина. В доме я увидел сгорбленного старика лет шестидеся-ти. Он сидел у маленького окошка и чинил сапоги.Здесь живет Ирина Кравченко? — напрямую спросил я. Старик бросил работу, оглядел меня и в свою очередь спросил: Что с того, если даже и живет? Ты-то откуда будешь? Я приехал из Переяслава. Вот и зашел по пути проведать.

— А? Так вы земляки с нею? — встрепенулся старик. Тогда садись, сынок, гостем будешь.Старик подошел к плите, развел огонь и поставил кипятить чайник. Его отчужденности, как не бывало. Зная, что встреча с земляком будет приятна Ирине, он старался, видно, угодить ей.

— Все растащили, проклятые, — возмутился старик, — а доме лишней тряпки не найдешь. И еды нет никакой. Ирина со старухой в магазин пошла. Задержались чего-то. Ты посиди, они подойдут.

— Спасибо, спасибо. Мне сейчас некогда, — поблагодарил я старика. Мне нельзя было долго торчать здесь. Может быть, за Ириной установлена слежка, и я могу навредить ей. — Я по дороге их встречу. Там и поговорю.Ирину я увидел у вокзала. Она заметила меня, но не остановилась, а пошла рядом. Так мы на ходу с ней и разговаривали. Как будто случайно встретились два незнакомых человека. Ирина торопилась.

— Прошлой ночью, — сказала Ирина, — к нам прибыл секретарь подпольного райкома партии. Он хотел встретиться

с членами комитета, провести заседание. Дом, где он находится, неожиданно окружили фашисты. Секретаря арестовали. О заседании никто, кроме своих, не знал. И вот кто-то нас предал. Кто — не знаем. С часу на час ждем новых арестов. Давайте встретимся завтра. Сейчас не могу. Мне кажется, что по пятам ходят сыщики. Вы можете напрасно погибнуть. Мы расстались с Ириной, чтобы встретиться вновь и поговорить более обстоятельно. Но встреча не состоялась. Я пришел на условленное место, прождал много времени, а Ирина так и не появилась. Чувствуя что-то неладное, я пошел к вокзалу, рядом с которым находился лагерь. Здесь я увидел старика, свекра Ирины. Арестовали Ирину. Выследили, ироды, — старик горько зарыдал.

МСТИТЕЛИ

В село пришло горе. Кажется, за время оккупации люди всего насмотрелись, перестали удивляться произволу и грабёжам, но такого и они не ожидали. Оккупанты начали насильно вывозить молодежь в Германию. У родителей отбирают детей и гонят их в рабство. Плач стоит над селом Козино. Улицы запружены народом. Горе подняло даже древних стариков и мощных старух.

— О моя доченька, моя единственная! Как же отдам я тебя в чужие края? Что ждет тебя в неметчине? — рыдает женщина, обнимая плачущую девушку. Отца загубили, а теперь и твоя очередь пришла. Бедный мой сыночек. Будьте вы прокляты, душегубы, — убивается пожилая седоволосая крестьянка. Сын, еще безусый юноша, стоит рядом и, как может, утешает мать.

— Хватит, не ревите попусту, — советует кто-то из толпы. — Слезам делу не поможешь. Разве только у вас одних такое горе? Весь народ бедствует. Бог терпел и нам велел.

— Говорят, что они здесь работать будут. В Германию их неповезут, — голос звучит спокойно и обнадеживающе. — Может быть, скоро Красная Армия подоспеет, выручит... Взрослые на войне гибнут и младшим готовят тот же путь, — плачущим голосом говорит мне Проценко. У него тоже большое горе: Зоя вручили повестку о мобилизации на работу в Германию. Зоя идет рядом с Григорием, жметя к нему, слезы градом катятся из ее прекрасных лучистых глаз. Я давно уже вернулся из Киева и с головой ушел в текущую работу подпольной группы. Медикаменты, которые мне с большим трудом удалось получить в Киеве, я до времени спрятал у сестры. О поездке в Киев я докладывал на специальном заседании комитета. Все сожалели о неудаче, но сведения, добытые мною в поездке, помогли комитету сориентироваться в новой обстановке. На этом заседании комитета Кирилл Розовик сообщил о намерениях оккупантов вывезти в Германию украинскую молодежь. Нам было приказано немедленно оповестить людей о грозящей опасности. Комитет подготовил и распространил листовку.

«Дорогие соотечественники, отцы, матери! — говорилось в листовке. — Немецкие оккупанты готовят новые злодеяния против нашего народа. Они хотят отправить молодежь — наше будущее, нашу надежду — в свою проклятую Германию. Позор и рабство ждут ваших детей. Поднимайтесь против фашизма, защищайте детей. Не верьте лживой агитации оккупантов: увезенные в Германию юноши и девушки никогда не возвратятся на Родину. Освобождение детей — в ваших руках.

Смерть немецким оккупантам!» Листовка сделала свое дело, но многие, однако, скептически отнеслись к намерениям фашистов, не верили, что они действительно будут увозить молодежь.

— Сейчас зима, — говорили малoverы. — А какая может

быть работа зимой. Значит, и люди немцам зимой не потребуются. Так только болтают всякие паникеры. Никто никуда не поедет. В Германию не каждого пошлют, — уверяли другие. — Кто не желает ехать, неволить не будут. Да и зачем немцам люди? — удивлялись третьи. В Германии и без того тесно, самим немцам жить негде. Для чего им еще лишние рты?

Но кто бы и какие бы предположения ни делал, события разворачивались своим чередом. Молодые люди получали повестки и с плачем и проклятиями шли на сборные пункты. Так было и у нас, в селе Козино. Комитет знал заранее, как будет проходить мобилизация, и принимал свои меры. К этому времени у нас уже был небольшой партизанский отряд, которым руководил комиссар Емельян Демьянович. Комитет возлагал на него большие надежды. Уже действовал также и отряд имени Чапаева, которым руководил Иван Кузьмич Примак. Комитет усиленно работал в то время над пополнением отрядов людьми, оружием и боеприпасами. За несколько дней до начала мобилизации молодежи у меня побывала Лена. Она сообщила, что комитет готовится к активным действиям против оккупантов.

— Что намерены предпринять? — поинтересовался я. «Точно не знаю», — сказала Лена. — Ломако говорил, что готовится серьезная операция, которую поручено выполнять партизану по кличке Вася. Раньше я слышал от Ломако, что отряд Примака беспокоит немцев в районе Ржищева и Мироновки. Партизаны нападают на мелкие гарнизоны оккупантов, подрывают воинские эшелоны, жгут склады горючего и продовольствия. О боевых делах партизан по селам разносились самые разнообразные слухи. Часто дерзкие налеты на оккупантов связывались с именем какого-то Васи.

— Это, должно быть, старый и опытный партизан, — про-

должала Лена. — О нем так много рассказывают, а я его ни разу не видела.

— Увидим еще, — сказал я Лене. — Говорят, что этот Вася сейчас находится где-то здесь.

Лена передала мне поручение комитета, ввела в курс действий подпольной организации и ушла из села по своим делам. Я вспомнил сейчас о приходе Лены и пожелал партизанам удачи. Надо припугнуть фашистов. Они совсем распоясались, обращаются с людьми, как со своими рабами. Диверсионный отряд Васи должен был перехватить воинский эшелон, следующий на Харьков. Разведчики донесли, что эшелон нагружен танками и снарядами. Если удастся подорвать его, то немцы на время забудут о молодежи, и многие смогут избежать мобилизации.

До боли в сердце жалко мне юношей и девушек. Вот они идут по улице, понутив головы, растерянные, запуганные неизвестностью. Что можно сделать для них? Проценко идет рядом с Зоей, старается утешить ее. Проценко — лицо официальное. По заданию Переяславской полиции он прибыл сюда с целью изучения настроения мобилизуемых в Германию. Он должен также наблюдать за порядком. Но Григорию, кажется, не до этого. Горе любимой девушки сломило его. Он так же хмур и растерян, как и десятки других людей, провожающих своих близких.

— Не плачь, родная, — говорит Проценко Зое. — Все обойдется. Придет время, и мы забудем все беды и несчастья. Время придет, а нас не будет, — Зоя снова горько заплакала. Но потом вдруг встрепенулась и с надеждой спросила Григория: Послушай, Гриша. Правда ли говорят, что замужних не посылают в Германию? Кто тебе об этом сказал? Моей соседке тоже пришла повестка, — рассказывала Зоя. — Они взяли справку у

старосты, что она замужняя, и повестку вернули. Говорят, что ее теперь не будут тревожить.

— Эх, Зоя, — вздохнул Григорий. — Разве немцы будут! разбираться, кто замужем, а кто нет? Им нужны рабочие руки, и больше их ничего не интересует. Толпа все дальше продвигалась к центру села. Вместе с провожающими шел и я, тяжело переживая внезапно свалившееся на моих односельчан несчастье. Люди волновались и нервничали. Какая-то сгорбленная старушонка вела под руку юношу — внука. Она плакала и громко ругала кого-то. Вдруг старушка увидела Зою рядом с «полицаем» Проценко и разразилась гневной бранью.

— Эй ты, бесстыдница! — кричала старуха. — Чего ты прицепилась к полицаяу? Думаешь, за свою девичью честь купить свободу? Брось его, не подлизывайся к негодяям. Я внимательно посмотрел на разъяренную старуху, и мне показалось знакомым ее лицо. Где же я ее видел? Да ведь это Дарья! Та самая Дарья, которая в очереди на приеме ко мне отчитывала рыжеусого Степана. До чего боевая женщина. А Дарья между тем не унималась, голос ее все крепчал:

— Если бы не предатели, откуда бы немцы знали, у кого сколько детей? — возмущалась Дарья. — Из-за них мы страдаем. Эти подлецы были негодяями еще в утробе матери. Старуха ругала Зою, а камни летели в Григория. Он, конечно, хорошо понимал это и крепился изо всех сил. Проценко все-таки не выдержал, подошел к Дарье и, видимо, желая оправдаться перед нею, сказал: Не расстраивайся попусту, бабушка. Никуда твой внук не поедет. Завтра же вернется к тебе, целый и невредимый. Что ты, бродяга, знаешь? Тебе только поросят из сараев таскать да людей обижать. Веселую жизнь себе устраиваешь, сукин сын. На вот тебе, выкуси!

— Видно, парень хорошо службу справляет, — подал кто-то реплику. — Откормили его немцы, как борова. Какие

немцы? — громко выкрикнула молодая женщина, подливая масла в огонь. — Они полициям только свои пятки лизать дозволяют. Эти бандиты на грабежах разжирили, на горе нашем.

Пропенко задохнулся от ярости, но ничего ие сказал в ответ. Он подтолкнул Зою вперед, а сам заторопился ко мне. Я в это время беседовал со Шпиталем о предстоящей диверсии партизан. Шпиталь знал о порядке движения немецких поездов и высказывал мнение, что партизанам будет трудно выполнить свою задачу. Немцы сильно охраняют железную дорогу, — говорил Шпиталь. — А перед проходом воинских эшелонов охрана еще больше увеличивается. По дороге все курсирует паровоз, проверяя исправность полотна.

— Партизаны знают об этом, — сказал я. — Все эти обстоятельства они наверняка учтут. Тише, — прошептал Шпиталь и дернул меня за руку. Он увидел идущего к нам Проценко в полицейской форме и прекратил разговор. Проценко кипел и клокотал. Ругань Дарьи вывела его из терпения. Он подошел к нам и с возмущением начал говорить: Алексей Васильевич, я больше не могу. Что хотите со мной делайте, а от службы этой проклятой избавьте. Надоело мне выглядеть подлецом перед народом. Нет больше моего терпения. Брошу все и уйду в отряд. Не мучайте меня!

— Не я держу тебя в этой должности, Гриша, — попытался я успокоить Проценко. — Ты выполняешь поручение комитета. Вот вы и передайте мою просьбу комитету! Вечером тебе надо быть в городе, — сказал я Проценко. — Для нас с тобой есть задание: мы должны ночью потревожить немцев, чтобы они не чувствовали себя так свободно на нашей земле. Посторонние разговоры оставь и жди меня вечером в лавочке.

— Хорошо, Алексей Васильевич, — Проценко вздохнул и вытер холодный пот со лба. Он начал немного приходить в себя. — На сборные пункты поставлю своих людей, постараюсь

все хорошо подготовить. Ты, Алеша, говорил, что в полиции служат наши люди? — спросил Шпиталь. — Это не тот ли парень, к которому попала жалоба на меня?

Я промолчал. Шпиталь понял, что коснулся запретной темы, и не стал допытываться. Вскоре мы простились со Шпиталем, и я поспешил в город. Вечером мы встретились на явочной квартире. Григорий был в приподнятом настроении. Казалось, что он уже забыл сегодняшнюю стычку с Дарьей. Я был на станции, — доложил Проценко. — Там все спокойно, никаких особенных перемен я не заметил. По графику сегодня ночью на восток пройдут два поезда. Один из них, должно быть, тот самый...

— Почему так мало поездов? — поинтересовался я. — Где-то впереди взорван мост. Там скопилось много поездов. И кроме нас кто-то действует, — обрадовался я. Люди, оказывается, не сидят сложа руки. Люди работают, — улыбнулся Проценко. — Я как-то разговаривал с путевым обходчиком. Он сказал, что мост разрушили подпольщики. Но это, конечно, не сравнить с тем, что преподнесут сегодня фашистам партизаны Васи.

Проценко так же, как и я, не встречался с Васей, но молва о смелом партизанине заворожала и его. Мы вместе порадовались партизанским успехам, тому, что наконец и наша группа начала действовать. Среди ночи мы услышали сильный взрыв и выскочили на улицу. В темном небе, поминутно увеличиваясь, алело зарево. До нас доносились взрывы, похожие на треск вскрывающегося льда реки, когда льдины стремительно сталкиваются друг с другом и рассыпаются в пенящейся воде. Через некоторое время все вдруг стихло, яркое зарево поблекло и свалилось за горизонт.

— Грохот был порядочный, — довольно сказал Проценко. — От эшелона, пожалуй, одни щепки остались.

Улицы Переяслава потряс пронзительный вой сирены. В городе поднялась невообразимая суматоха. Замелькали фары машин и мотоциклов, послышалась беспорядочная стрельба. За колонной машин с солдатами, лязгая гусеницами, прогрохотали танки. Немцы торопились к месту взрыва.

— С кем это они собираются воевать? — засмеялся Проценко. — Можно подумать, что в городе высадился десант. Судя по суматохе, — удар пришелся в цель, — предположил я. — Очень уж запаниковали фашисты. Так им и надо, — зло проговорил Проценко. — Расположились на нашей земле, как дома. Молодец Вася, преподнес гадам пилюлю.

— Что же мы стоим? — спохватился я. — Нам тоже время действовать. Не беспокойтесь, Алексей Васильевич. Сейчас я дам сигнал. — Проценко вынул ракетницу и запустил в небо одну за другой две красные ракеты. Вслед за ракетами небо прочертила цепочка трассирующих пуль. В Переяславе стоял гарнизон, ночная стрельба и ракеты никого не удивляли. На выпущенные Григорием ракеты обратили внимание только те, для кого они предназначались. Через пятьдесят минут после этого центр города осветило большое зарево. Снова поднялась стрельба, засуетились немецкие патрули.

— Хорошо горят списки, — сказал Проценко. — Мобилизация временно отменяется... Пока разошлют повестки и составят новые списки, пройдет немало времени. Многие молодые люди сумеют спастись от рабства. Этой же ночью мы с Григорием вернулись в Козино. Если на завтра немцы вздумают устроить проверку, то мы окажемся вне подозрений: были дома, никуда из села не отлучались. По дороге встретили подпольщика Василия Диченко. Он участвовал в подрыве немецкого эшелона и тоже торопился в село, чтобы замести следы. Диченко-то и рассказал нам, как проходила операция.

На седьмом километре железнодорожное полотно круто

огибает большую, глубокую котловину. Берега котловины изрезаны крутыми оврагами, за ними тянется густой лес. Котловина зимой и летом почти до краев заполнена сточными водами. По другую сторону дороги далеко простирается ровная степь. По этой стороне располагаются сторожевые будки. Когда готовились к операции, Вася предложил произвести взрыв на этом повороте. Некоторые засомневались: —Здесь сильная охрана, почти совсем открытая местность. Можно провалить дело.Это самое подходящее место, — настаивал Вася. — Какой толк валить эшелон на равнине. Нам надо обрушить его в овраги, поэтому будем готовить взрыв на повороте.

Подбирались к полотну мы с большим трудом. Опушка леса у оврага огорожена колючей проволокой, через которую пропущен электрический ток. Часовой стоял на возвышении, и ему хорошо были видны все подходы к железнодорожному полотну. Но все-таки в сумерках мы незаметно проползли к цементированным кюветам и залегли. Долго сидели и наблюдали за часовым. Перемерзли порядочно, но никто даже не пошевелился. Мы находились так близко от охраны, что хорошо слышали шаги часового.

— Вася, долго ли мы будем сидеть? — нетерпеливо спрашивает кто-то. — Потеряем время и не успеем заложить взрыв-атку. Эшелон может проскочить в любую минуту. Эшелон от нас не уйдет, — уверенно говорит Вася, — сидите тихо и ждите. Когда наконец появился одинокий паровоз, все облегченно вздохнули. Паровоз сильными прожекторами освещает полотно дороги, идет осторожно, ощупывая каждый стык рельсов. Мы знаем, что за ним движется воинский эшелон, и готовимся встретить его. Вася отдает короткий приказ:

— Минер идет со мной. Ты, Диченко, уберешь часового. Подберись к нему сзади и оклики. Когда обернется, действуй. Тут и я подоспею на помощь. Пока мы управимся с

часовым, минер сделает свое дело. Пошли!

Операция прошла довольно быстро. Оглушенного часового мы с Васей бросаем в ров, тут же появляется минер. Он упрямился мгновенно. Мы возвращаемся на свое место и укрываемся за цементными стенами кювета. В двух местах заложил? — спрашивает Вася у минера. Так точно, товарищ командир! — бодро отвечает минер. Мины должны взорваться одновременно, — вслух размышляет командир. — Паровоз споткнется, и весь состав полетит с обрыва.

— Так и будет, товарищ командир, — подтверждает минер. Мы улавливаем отдаленный грохот. Приближается долгожданный эшелон. Мы сидим и с замиранием сердца прислушиваемся к жаркому пыхтению паровоза. Эшелон подходит все ближе и ближе. Кто-то не выдерживает и высовывает голову из укрытия, чтобы своими глазами увидеть катастрофу.

— Спрячьте голову, — сердито приказывает командир. — Не то снесет обломками. Поезд уже совсем близко. На минуту мы гложем от грома, глаза слепит яркое пламя. Вагоны летят с обрыва, внизу что-то ахает так, что трясется земля. — Какой из себя этот Вася? — Прерывает Григорий рассказ Диченко. — Богатырь, наверное.

— Как бы тебе сказать, человек он, в общем, совсем обыкновенный, — говорит Диченко. — Ну, как я, или как ты. Ростом только чуть-чуть побольше нас. Вот молодец! — восхищается Проценко. А вы слышали, какой был взрыв? — спрашивает нас Диченко.

— Не только слышали, но и видели, — ответил я, — немцы в городе совсем очумели. Машины, мотоциклы, танки — все погнались к вам.

— В то время мы уже в лесу были, — засмеялся Диченко. — Мы видели, как немцы метались около эшелона.

— Мы тоже кое-что сделали, — решил прихвастнуть

Проценко. — Мои ребята сожгли дом гебитскомиссара и здание комендатуры. В огне сгорели списки мобилизованных. Теперь немцы не скоро примутся за это дело. Ну мы к тому времени еще что-нибудь предпримем. Не дадим угонять наших людей в Германию.

— Уберечь нашу молодежь от рабства — это очень важно, — тихо сказал Диченко. — Избавить от слез наших матерей — все равно, что пустить под откос эшелон с танками. А может быть, и важнее этого. Не так ли? Я искренне поздравляю вас с успехом. В справедливости слов Диченко мы убедились буквально на следующий же день. Мы с Григорием прогуливались по селу и повстречали бабу Дарью. Она шла в обнимку со своим внуком, радостно говорила о чем-то и все заглядывала в глаза своему любимцу. Увидев нас, она бросилась обнимать Проценко. Того самого Проценко, которого еще вчера честила на чем свет стоит. Ах, сынок, прости меня, дуру старую. Как ты сказал вчера, что внучек мой вернется, так все и вышло. Ты просто святой человек или колдун добрый. Дай я тебя расцелую. — Дарья смеялась и плакала от радости. Проценко подставил щеку, и старуха от души поцеловала своего вчерашнего смертельного врага. Сцена была просто потрясающая.

А через два дня на Большую землю ушло сообщение о взорванном немецком эшелоне. В нем ни слова не говорилось о Кали Утегенове, скрывавшемся под именем Васи. Таков закон партизанской войны: и успехи, и неудачи делятся поровну между партизанами, и никто не сетует на это. Ведь они защищают Родину.

КРОВЬ НА СНЕГУ

Время шло, и мы начали поторапливать Проценко. Он должен был, подобрав надежных людей, разоружить отряд

полицейских в Переяславе и уйти в леса. Эта операция, по расчетам подпольного комитета, должна была запугать полицейских, внести раздор в ряды изменников. Помочь Проценко в этом деле вызвался Дмитрий Никитич Яковец. Получив специальное задание от комитета, Яковец выехал в Переяслав. До войны Дмитрий Никитич Яковец заведовал средней школой в селе Григорьевка, в том самом селе, где располагался штаб подпольного комитета. Мы посоветовали Яковцу реже появляться на людях, ни в коем случае не заезжать в Григорьевку. Он не был в селе уже полгода, и его появление там могло вызвать подозрение. Яковцу приказали после выполнения задания прибыть в Козино и передать мне собранные им сведения. А я, в свою очередь, должен был информировать комитет.

После отъезда Яковца ко мне в дом неожиданно нагрянули гости. Одного из прибывших, Николая Михайловича Попова, я знал, а второго видел впервые. Статный, плотного телосложения брюнет решительно вошел в комнату и протянул мне руку. Будем знакомы, — сказал он. — Меня зовут Васей. А вас как зовут? Алексей Крячек, — представился я. Вы — врач? Да.

— Давно работаете здесь? Присаживайтесь, — предложил я гостям. — Третий год работаю, не так уж давно.

— Опыт у вас, конечно, есть? Кто его знает? Работаю, как могу, — ответил я. Когда Вася зачем-то вышел в другую комнату, я спросил у Попова: — Кто этот бородатый цыган? Чего он прицепился ко мне с расспросами?

— Тихо, — Попов поднес палец к губам. — Это не цыган, а казах. Он прибыл сюда с Большой земли со специальным заданием.

— Какое у него настоящее имя? Утегенов, — ответил Попов, — Кали Утегенов.

— Значит, это тот самый человек, который действовал

под именем Вася? Я уже слышал о нем от Ломако. Это его партизаны взорвали недавно эшелон? Да, да—сказал Попов. — Это тот самый человек.

— Чего вы шепчетесь, Николай? Бойтесь, что вас услышат немцы? — Кали появился в дверях, шагнул к нам и весело рассмеялся. Садитесь, Вася, будьте гостем, — попросил я Утегенова и поспешил за угощением. В мой дом часто наведывались полицаи, и я всегда держал для них самогонку. И вот мне выпал случай принимать в своем доме знаменитого партизана. Я выставил на стол все запасы спиртного, нашлась и подходящая еда. Но гости очень торопились. Мы наскоро закусывали, Вася то и дело поглядывал на часы.

— Я слышал, Алексей Васильевич, — сказал Кали, — вы из Киева привезли много лекарств. Это правда? Да, правда. Привез.

— Не все еще израсходовали? — спросил Кали. Расходую помаленьку, — ответил я. — Ко мне обращаются и больные и раненые. Нельзя не лечить людей. Нашим партизанам тоже нужны медикаменты. Иногда нужнее, чем оружие. Я попрошу вас побережь лекарства, — сказал Кали, поднимаясь со стула. — А пока прощайте.

— «Хорошо, поберегу», — сказал я. — Постараюсь и еще раздобыть.... Гости исчезли так же неожиданно, как и появились. Я несколько дней в тревоге ожидал вестей от Яковца. Он почему-то задерживался. Неужели его схватили? А может быть, группа Проценко попала в беду? Неизвестность тяготила меня. Я просто не находил себе места. Наконец поздно вечером ко мне прибежала связная Лена. Она скинула с головы тяжелую шаль, выпила с дороги целый ковш холодной воды, затем тревожно спросила:

— Алексей Васильевич, Яковец не приезжал? Если бы он

приехал, я давно бы сообщил об этом комитету, — тихо сказал я. Лена бессильно опустила плечи и нахмурилась.

— Тогда положение наше плохое. Мы думали, что Яковец как-нибудь освободился. Что случилось? — встрепенулся я, почуяв неладное. А случилось действительно непредвиденное. Яковец пренебрег предостережениями товарищей и пошел все-таки в Григорьевку. Он и раньше частенько говорил, что ему надоело прятаться и скрываться. Многие живут открыто, ходят куда хотят, и ничего. Чем же он хуже других? И вот, не заезжая ко мне, он прямо из Переяслава направляется в Григорьевку. Яковец смело шагает по центральной улице, рискует даже пройти мимо магазина, где в ту пору было много народу. В толпе у магазина стояла и Лена. Когда Яковец подошел к магазину, его окликнул какой-то полицейский:

— Эй ты, поди-ка сюда! Яковец увидел Лену и по ее лицу понял, что ему грозит опасность. У него было оружие и листовки. Попадать с такими уликами в лапы полиции никак нельзя. Что делать? Яковец неторопливо шагает мимо магазина, делая вид, что не слышит окрика полицейского.

— Эй, черт возьми, это я тебе говорю! Глухой, что ли? — заорал полицейский и выстрелил в воздух. Яковец понял, что ему не уйти. Он выхватывает наган, отскакивает в сторону и стреляет в бегущего к нему полицейского. Тот падает. Тут же за Яковцом устремляются двое немецких солдат и несколько полицейских. Яковец по узкому переулку выскакивает из села и бежит к болоту. Лена наблюдала за ним, пока он не скрылся вдали. Перестрелка в той стороне не прекращалась до самого вечера.

— Значит, они его не догнали? — с надеждой спросил я. Догнать-то не догнали, — вздохнула Лена, — но Яковец, говорят, бросил в болото свое пальто. Хорошо, если в карманах нет никаких бумаг... Да, вот еще что: сегодня в село Харьковец приехала машина с жандармами.

— А наши есть в селе? Из подпольщиков никого нет, — ответила Лена. — Но ведь там живет семья Дмитрия Никитича... Что ж из этого? — сказал я. — Чтобы подозревать семью, нужны веские причины. Вот я и беспокоюсь, как бы полицаи не нашли чего в пальто Яковца? — Лена задумалась и долго сидела молча. Оба мы ломали головы над тем, как помочь попавшему в беду товарищу? Жизнь его в опасности, он может погибнуть в любой момент.

— Хорошо, Лена. Я сообщу об этом товарищам. Нам надо точно знать, где сейчас находится Яковец. Если у тебя будут какие-либо новости, немедленно передавай их мне.... Целую неделю наши подпольщики жили в большой тревоге. Вскоре мы узнали, что Яковец ушел от своих преследователей. Но он оказался в таком положении, что не мог появиться на людях. Без пальто, в изорванной и перепачканной одежде Яковец не рискнул идти в село, а решил податься в Переяслав. В городе он надеялся затеряться в толпе и как-нибудь выйти из создавшегося положения. Войдя в Переяслав темным вечером, Яковец робко стучится в дверь неказистого домика. Ему открыла дверь женщина. Вид путника напугал ее.

— Что вам нужно? — закричала женщина и попыталась закрыть дверь. Подождите, не закрывайте, — взмолился Яковец. Тут же он рассказывает женщине придуманную на ходу историю: — Я с приятелями приехал посмотреть здешний базар. Ради встречи выпили изрядно, поскандалили и подрались. Потом помирились и снова где-то пили. Очнулся я один, никого нет рядом. Видно, приятели меня бросили. Я устал и замерз. Не могу я в таком виде домой заявиться.

Женщина нехотя впустила его в дом. На их разговор откликнулся хозяин дома. Эй, баба, с кем ты там балакаешь? — басом проворчал он из-за перегородки. Потом он появился на

пороге, изумленно и сердито поглядел на Яковца: — Откуда ты, браток? Ну, ладно, жена, принимай гостя в дом.

Яковец снова торопливо рассказывает свою историю. Хозяин охает и делает вид, что верит ему. Это родимая водочка иногда такую беду накликает, только держись. Однако горевать нечего. Клава, — позвал хозяин жену, — налей гостю горячей воды, пусть помоеется. А я за горилкой к соседям схожу. Надо обогреть человека. Хозяин ушел. Яковец, хотя и заподозрил недоброе, решил не показывать своего волнения. Он снял одежду, умылся и присел к столу. Вернулся хозяин с бутылкой самогона. После выпивки и ужина усталый Яковец крепко засыпает. Среди ночи его будят. Яковец открывает глаза и видит, что хата полна полицаев. Его связали и увезли.

Обо всем этом мне рассказал Проценко, приехавший из города. Я его специально вызвал к себе, когда узнал о происшествии с Яковцом. Как полицаи нашли Яковца? — спросил я. — Неужели донес хозяин? Трудно сказать, как все произошло, Алексей Васильевич. Скорее всего, его нашли с собаками по следу, — предположил Проценко.

— Надо в этом разобраться. Если хозяин дома предатель, следует предупредить товарищей. Яковца уже допрашивали? — поинтересовался я. Нет еще, — ответил Проценко. — Есть указание допросить его в Григорьевке. Он ведь тамошний житель, и о нем многие могут рассказать.

— Ты должен освободить Яковца, — предложил я Проценко. — Нельзя допустить до следствия. Это может всем нам сильно повредить. Подумай, как все лучше сделать.

— Хорошо, я его освобожу, — обещал Проценко. — Я же старший полицай. Но не отразится ли это на моей работе? Судьба товарища дороже всего. К тому же надо думать и о подполье. Яковца многие знают в селе, и следствие над ним может плохо кончиться для всех нас.

— Хорошо, Алексей Васильевич, все будет сделано. На другой день мы освободили Яковца по пути в Григорьевку. Все было условлено заранее, и операция прошла спокойно и гладко.

...А в селе Харьковец в это время разыгралась страшная трагедия. Когда в дом, где жила семья Яковца, ворвались жандармы, жена его, Мария, страшно перепугалась. Прежде всего она подумала, что с мужем что-то случилось. Иначе зачем бы сюда нагнали столько жандармов? Жандармы перевернули весь дом, обыскали сараи, двор. Потом они схватили отбивающуюся от них Марию и ее плачущую двухлетнюю дочку Раю и поволокли на допрос к офицеру. Где ваш муж? — грозно спросил немец. — Когда он был здесь в последний раз?

Оккупант кричал все громче, а на душе у Марии становилось все спокойнее. Значит, муж на свободе. Если бы он был в руках фашистов, то они не стали бы задавать ей такие вопросы. Однако немцы, должно быть, знают, чем занимается ее муж. И она решила держаться, молчать, чтобы каким-нибудь неосторожным словом не повредить Дмитрию. Мария молча стояла перед офицером, крепко прижимая к груди ребенка.

— Чего молчишь? Или оглохла? — допытывался немец. — Я знаю, что ты очень разговорчивая женщина. Скажи, где муж, и мы оставим тебя в покое. Я ничего не знаю, господин офицер, — упрямо твердила Мария.

— Не знаешь, где находится твой собственный муж? — удивился офицер. — Очень интересно. Допустим, что это так. Тогда назови имена его товарищей.

— Каких товарищей? Тех, с которыми вы общаетесь, — ехидно улыбнулся офицер. К нам в дом никто не ходит, а прежних друзей я уже позабыла, — уклонялась от прямого ответа Мария.

— Смотри, какая забывчивая, — фашист внезапно вскакивает со стула и бьет Марию по лицу. Ну, как, вспомнила? Где муж? Где его товарищи? Отвечай, не то будет плохо. Мария ожесточилась. Побой фашиста возмутили ее и при-дали ей новые силы. Она выпрямилась, отошла от стены и смело бросила в лицо офицеру:

— Я тебе ничего не скажу, ничего!..В этом месте я прервал рассказ Алексея Васильевича и спросил его: —А Мария действительно не знала товарищей своего мужа?Что вы, как не знала? — удивился Алексей Васильевич. — Она знала всех членов комитета, которые бывали у них в доме, многих подпольщиков. Но как ни пытали фашисты Марию, она не выдала ни одного человека.

Дмитрий Никитич в те дни находился в нашем селе и ничего не знал, что творится в его доме, каким жестоким издевательствам подвергается его жена. Мы тщательно скрывали от него случившееся, не хотели тревожить его истерзанную душу. Но Яковец чувствовал по нашим недомолвкам, что от него что-то скрывают, и тревожился. Однажды он пришел ко мне рано утром, поднял меня с постели и сказал: Алексей Васильевич, я всю ночь сегодня не спал. Перед глазами все время стоят Мария и Рая. Боюсь, как бы из-за меня они не пострадали. Как ты думаешь?

Что я мог сказать Яковцу? Нет сил обманывать товарища и нет сил открыть правду. Недавно я получил сообщение, что все, кто был причастен к Яковцу, арестованы. Комитет предупредил нас о том, чтобы мы некоторое время не появлялись в селе Харьковец. Как рассказать об этом товарищу? В этот день из города должен был прийти Розовик. Он добывал данные о передвижении немецких войск и через меня передавал их в комитет.

— Дмитрий Никитич, — сказал я Яковцу, — сегодня ко мне придет Кирилл Розовик. Подождем его. Он толкается в городе и многое знает. Вот мы Кирилла и расспросим. Яковец остался недоволен моим уклончивым ответом. Он прямо спросил меня: Алексей Васильевич, скажите правду, не скрывайте от меня ничего, жива Мария? В селе жандармы, — стараюсь быть как можно спокойнее, ответил я. — Что там происходит, мы точно не знаем. Но ты не волнуйся. Какое дело немцам до твоей Марии? Яковец стал молча одеваться.

— Дмитрий Никитич, куда это вы собираетесь? Я пошел, — мрачно сказал Яковец. — Я иду к Марии... Трудно мне было удержать товарища, трудно утешить. Но и одного я не мог его отпустить. Кто знает, что может натворить человек в таком расстройстве? И я пошел с ним вместе.

На следующий день мы добрались до села. Немцы уехали отсюда перед нашим приходом. Село горело. Яковец побежал к своему дому. Я едва поспеваю за ним. У крыльца Яковец остановился. На пушистом белом снегу мы увидели алые пятна крови. Мария! Мария! — безумно закричал Яковец. Он метнулся в дом, тут же выбежал из него и помчался к пылающему сараю. Потом он снова забежал в дом. Во двор вышла старуха с плачущей девочкой на руках. Я подошел к старухе. Дмитрий опять появляется во дворе, мечется вокруг, ни на кого не обращает внимания. А старуха с плачем рассказывает мне о подробностях минувшего страшного дня. Немцы всю ночь держали Марию в холодном сарае. Ее допрашивали и пытали. Люди слышали стоны и крики, рыдания маленькой дочери Марии. Утром Марию вывели из сарая. Молодую женщину нельзя было узнать. Избитая, в порванной одежде, она еле шла по двору. Несчастливая мать баюкала на руках ребенка. Офицер стоял у машины и потопливал подчиненных.

— Шнель! Шнель! — кричал офицер. Мария поравнялась с ним, остановилась против фашиста и с презрением плюнула ему в лицо. Офицер подскочил к Марии, выхватил из ее рук ребенка и отбросил в снег. И тут случилось что-то ужасное. Мария бросилась на фашиста как разъяренная тигрица. Слабыми руками она схватила его за горло и повалила на снег. Раздался выстрел, и Мария упала. Мамаша, где Мария? — подбежал к нам Яковец. — Вы ее видели? Ее увели немцы. Она жива еще? Откуда мне знать, — всплакнула старуха.

Яковец опять увидел кровь на снегу. Как безумный, он стал хватать руками окровавленный снег. Наконец он заметил дочку на руках у старухи. Яковец взял девочку, крепко прижал ее к своей груди и горько заплакал. Мы молча стояли рядом, и никто не решился успокаивать его. Вот какое горе пришлось пережить моему другу, — со вздохом сказал Алексей Васильевич и грустно добавил: — разве только ему одному?

* * *

— Сейчас, — продолжал Алексей Васильевич, — Раиса стала уже взрослой, учится в Киевском медицинском институте. Будет врачом.

ОПЕРАЦИЯ „ИРИНА»

— Так и прошел 1942-й год, — продолжал свой рассказ Алексей Васильевич. — Росло подполье, росли и наши трудности. Жизнь проходила в постоянной тревоге. Порой приходилось задумываться даже над тем, когда тебя поймают немцы, когда повесят? И это были не пустые страхи. Оккупанты зверели с каждым днем. Они воевали не только против партизан

и подпольщиков, но и стали уничтожать семьи коммунистов и командиров Красной Армии. Карательные отряды совершали набеги на села и истребляли мирных жителей. В огне пылали целые села. Среди повешенных и расстрелянных есть и члены нашей подпольной организации. Советские люди смело боролись с оккупантами, гордо и с достоинством встречали свою смерть. Борьба разгоралась...

Мы продолжали работать, несмотря ни на какие трудности. Подпольный комитет подбирал людей для партизанских отрядов, обучал их военному делу. По прежнему мы всеми мерами препятствовали угону молодежи в Германию. Командир партизанского соединения Иван Кузьмич Примак уделял этому особое внимание. Однажды он специально вызвал меня к себе, чтобы поговорить о моей работе.

— Скольких людей ты освидетельствовал? — спросил Примак: — Скольких признал «больными»? Кто ко мне обращался, тех я и осматривал, — ответил я. — А точнее? За последнюю неделю, кажется, около трех десятков человек получили свидетельства. Примак, заложив руки за спину, долго прохаживался по комнате из угла в угол. Наконец он остановился перед Кали Утегеновым, который о чем-то разговаривал с Поповым, и спросил его:

— Как ты думаешь, Вася, правильно поступает наш доктор? Так ли надо действовать в подобной обстановке?

— Вы говорите о свидетельствах? Если немцы верят им и освобождают молодежь от мобилизации, то пусть доктор выдает их. Бумаги не жалко, — со смехом сказал Кали. Потом он задумался на минуту и уже серьезно продолжал: — Но надо думать о последствиях. Свидетельств выдается много, они однообразные и поэтому могут вызвать подозрение. А это плохо.

— Правильно говоришь, Вася, — перебил Кали Примак.

— Если немцы усомнятся хотя бы в одном свидетельстве, они начнут проверять все подряд. Не говоря уже о том, что доктор сам подставляет свою голову под удар, весь труд пропадет даром. Сотни людей, получивших свидетельства, окажутся в рабстве. А потом мы даже всем отрядом не сможем освободить их. Надо искать другие методы. И ты, Вася, должен помочь Крячку в этом деле.

...Алексей Васильевич задумался, что-то припоминая из прошлого, потом снова начал рассказывать. Он вспомнил об операции «Ирина», которая положила начало поискам новых методов и средств освобождения советских людей от германского рабства. Человек — не ангел безгрешный, — продолжал Алексей Васильевич. — У каждого есть свои какие-то недостатки. У иного изменчив характер, об особенностях которого он и сам не имеет представления, а другой — прямой, как штык, что тоже не бог весть какое достоинство. Мне нравятся люди с живым и разнообразным характером. Если человек робкий, ведет тихую, бесцветную жизнь, то это просто неинтересно.

В нашем партизанском подполье много было разных людей. И пришли они к нам разными путями. В основном, это были военнослужащие, попавшие в окружение или в лагеря военнопленных. Надо сказать, что Вася выделялся среди нас и своим характером и своим поведением. Бывает такой человек: внешне он весел, выдержан, а внутри у него кипит, клокочет какой-то неистребимый огонь. Таким и был Вася. Он неожиданно преображался, становился неузнаваемым. Вася сражался беспощадно, храбро и находчиво. Бывало, спросишь: «Как же ты остался жив в таком переплете?» Он спокойно отвечает: «И сам не знаю. Должно быть, аллах меня спасает». Но какой там аллах? Просто смерть боится бесстрашных. А я Васю

отношу к категории бесстрашных. Он тоже, конечно, не без слабостей, но у него всегда находились силы поступать так, чтобы с честью выходить из любого трудного положения.

Хочется вспомнить один эпизод. При переходе Днепра полицаи хватают Кали и Николая Попова и сажают в тюрьму. Впереди у них только ночь, утром их могут расстрелять. Как поступить им, что предпринять? Эх, Вася, — сокрушается Попов, — зря мы не послушались Крячека и поторопились уйти от него. Надо бы подождать темноты. Теперь не выйти отсюда.

— Откуда мы знали, что за нами следят? — отвечает Утегенов, — сами виноваты в этом. Что будем делать, Вася? — спрашивает Попов. Полицаев обмануть трудно, — размышляет Вася. — Они видят нас насквозь, знают наши убеждения и, конечно, не помилуют. Что можно предпринять в нашем положении? Путь остается один...

А вот что дальше говорит об этом Попов: Полицай, проводив меня ночью во двор, конвоировал меня снова в камеру. Только он открыл дверь, оттуда стрелой вылетел Вася и бросился на часового. Полицай и крикнуть не успел. Оказывается, Вася сразил часового его же собственным кинжалом. Я растерялся. Ведь между нами не было никакого уговора о нападении на охрану.

— Чего стоишь! — кричит мне он. — Беги, спасайся. Потом я обижался на Васю. Почему не сказал о своих планах? Ведь часовой мог первым прикончить его. А он только смеется в ответ.

Однажды я напомнил Кали об этой истории, об обиде Попова, и он мне сказал:

— Эх, Алексей Васильевич. Характеры у людей разные. Если бы я сказал Попову заранее, что надо убить часового, он бы начал рассуждать: а правильно ли это? А вдруг затея сорвется,

и нам будет еще хуже. Он бы расстроился и извелся, прежде чем принял решение. Я и не стал его мучить, а все взял на себя. Обычно, когда встречаешься один на один с вооруженным врагом, какой бы ты ни был смелый, теряешься. А медлить тут нельзя. Мы как-то решили убить коменданта. Искали его повсюду: были на квартире, в комендатуре. И когда встретили его на улице, столкнулись нос к носу, то не знали, как поступить. Если бы мы чуть-чуть промедлили, комендант перестрелял бы нас, как цыплят. Самое главное в жизни — никогда не робеть и не теряться.

Пули щадили Кали, и он всегда выходил победителем. Однажды Утегенов с Примаком поехали вдвоем на конях в разведку и попали в засаду. Один полицей схватился за уздечку, другой в упор выстрелил в Кали и.... промахнулся. Просто чудо какое-то. Не случайно, сам Примак частенько говорил: «Кто с Васей пойдет, того всегда ждет удача». Я вспомнил об этом при беседе с Примаком и подумал, что все будет в порядке, раз Кали Утегенов берется помочь мне выполнить поручение комитета. Кали был тогда в веселом настроении, много шутил и смеялся.

— Иван Кузьмич, — смеялся он. — Наш доктор — человек скромный и неразговорчивый. Надо подыскать ему товарища повеселее. Что если мы пошлем к нему женщину? Она развяжет ему язык.— Можно, — улыбнувшись, согласился Примак, — лишь бы дело шло хорошо.

— Какую тебе прислать? — допытывался Кали, — Высокую или низенькую, блондинку или черненькую? Ты все смеешься, Вася, —обиделся я. — Как у нас говорят: «Кошке забава, а мышке слезы». Нам порученоочень важное задание, не до шуток.

— Алексей Васильевич! —сказал Кали, —Где нет смеха, там и настоящего дела нет. Ты когда-нибудь видел, чтобы скуч-

ный человек хорошо трудился? Наверняка не видел... Однако приступим к делу. Я познакомлю вас с одним человеком. Умеет работать и человек сам по себе неплохой.

Через день Утегенов привел ко мне молодую белокурую женщину. Он сразу же представил ее: Надежда Воронежская. Из здешних мест, родилась в селе Трахтомирове. Сейчас приехала из Киева. Я где-то видел эту Воронежскую. Но вот где, никак не могу припомнить. Она тоже, кажется, знает меня. Все поглядывает в мою сторону и улыбается.

— Алексей Васильевич? — сказала женщина. — Вас, кажется, так зовут? Да, — согласно киваю я головой. Помните, мы в прошлом году с вами в Киеве на вокзале встречались? Вы меня от немецких солдат избавили.

— Помню, помню! — засмеялся я и пожал Надежде руку. — Когда вы сюда приехали? Вообще-то я здесь больше месяца, — сказала Воронежская. — Но за это время я и в Киев успела съездить.

— Вы, оказывается, друг друга знаете, — удивился Кали. — Выходит, я зря тут канитель развожу. Да, Вася, — улыбнулась Воронежская, — мы старые знакомые. Какие новости в Киеве? Мне так и не удалось побывать там снова, — вздохнул я.

— В городе стало очень трудно, — нахмурилась Надежда, — особенно в последнее время. Люди живут в постоянном страхе. Не жизнь, а настоящая пытка. К тому же наш сосед оказался доносчиком. Он следил за всеми, кто приходил к нам, и сообщал в гестапо. Выдавал тех, кого вы освобождали из плена? — перебил я.

— Да, и пленных, и бежавших из лагеря. Кроме того, мы укрывали евреев, — рассказывала Воронежская. — Мы думали, что ни одна душа не знает о них, а этот негодяи все доносил в гестапо. И сама я чуть не попала к ним в лапы. Вышла из

столовой и пошла домой. Какой-то человек подозвал меня и шепнул: «Домой не ходите, там вас ждут гестаповцы». Я догнала этого человека и спросила, кто он такой. Он ответил, что состоит в группе Ирины.

— Постой, постой, — остановил я Воронежскую. — О какой Ирине ты говоришь? А вы разве ее знаете? — Надежда удивленно и несколько растерянно посмотрела на меня.

— Да, да, — машинально твердил я, — знал я Ирину, давно знаком с ней... Вася, как ты думаешь, может ли человек живым вырваться из гестапо? Не только вырваться, но и бить их может как следует, — твердо сказал Кали. Я рассказал Кали и Надежде о том, при каких обстоятельствах встретился с Ириной, как мы с ней познакомились. Вспомнил я и о последней своей встрече с нею, об ее аресте. История эта взволновала Кали.

— Какая замечательная девушка! — восхитился Кали. — Давайте предстоящее задание посвятим ей. Закодируем операцию ее именем. Так и назовем: операция «Ирина». Согласны? Мы с радостью согласились. Так началась операция, условно названная нами именем замечательной патриотки. План нашей работы четко определил Кали, поручив мне держать его в курсе всех событий. Воронежская, узнав, какое серьезное дело ей поручают, заволновалась.

— Не робей! — подбодрил ее Кали. — Будет трудно, помни, что мы рядом. Всегда придем на помощь. Когда приступить к работе? — спросила Воронежская.

— Времени терять не надо, — сказал Утегенов, — посоветуйтесь, обговорите все между собой и можете начинать хоть завтра.

...Староста села Трахтомировка носил довольно странную фамилию — Бабак. Рыжий, низкорослый и не в меру толстый,

Бабак тем не менее был довольно энергичным человеком. Ему шел уже шестой десяток, однако он пил горькую и не прочь был поволочиться за женщинами. О себе и о женщинах он давно составил определенное мнение: «Кроме меня, — рассуждал Бабак, — в селе настоящих мужчин нету. Куда она, негодница, от меня денется. Правда, поначалу покапризничает и по кокетничает, но это ничего. Какая же она баба, если без хитрости?» Если женщина скажет ему теплое слово, то он готов тут же поверить, что она льнет к нему и не может жить без него. И вот когда молодая красивая блондинка вдруг сама стала заигрывать с ним у колодца, Бабак чуть не лопнул от самодовольства. Он проворно подскочил к игривой бабенке и ущипнул ее за гладкий бок.

— Господи, срам какой! — притворно запищала женщина, а сама еще ближе подвинулась к кавалеру. — Разве я одна в селе? Вдов полна деревня, ухлестываете за всеми, а девушек не замечаете. Целый месяц я слежу за вами, а вы на меня внимания не обращаете. Что ты говоришь? Кого, кого, а тебя, такую ягодку, я бы издалека заприметил, — распаялся староста. — Скажи, где ты остановилась? Живу у доброго человека, Бердаус его фамилия. Знаете такого?

— Федора Евдокимовича? Как же не знать? Быть старостой и не знать односельчан, как же это можно? Ты думаешь, что я с тобой болтаю о пустяках, так уж такой наивный человек? Я знаю, кто как живет и чем дышит. — Бабак гордо вскинул голову и подмигнул красотке. Ой, у меня ж вода на плитке стоит, — спохватилась женщина. — Должно быть, выкипела уже. Пустите меня.

— Когда же мы с тобой увидимся? — Бабак преграждает женщине путь и порывается обнять ее. — Скажи мне хоть словечко.

— Чего вы так торопитесь? Мы ведь только что познакомились, — кокетничает женщина, увлекая пылкого старосту, — Не задерживайте меня. Видите, люди на нас смотрят. Как-нибудь в другой раз встретимся. Бердаус в это время внимательно наблюдал эту «сцену у колодца». Вот наконец женщина вырвалась из рук старосты, заспешила к дому. Когда она вошла в комнату, Бердаус спросил:

— Ну что, Надя, договорились? Договорились, будь он проклят, — ответила Воронежская и брезгливо поморщилась, — несет от него перегаром, во-няет он до невозможности. И пусть себе воняет, — примирительно сказал Бердаус. — Ты же не нюхать его приехала, а важное задание выполнять.

Надежда Воронежская доводилась Федору Евдокимовичу Бердаусу двоюродной племянницей. Родня не очень уж близкая. Но когда Бердаус узнал, что Надя прибыла по поручению подпольного комитета, он принял ее как нельзя лучше. Мой дом и все прочее в твоём полном распоряжении, дорогая племянница. Требуй любую помощь, не стесняйся. Я тебе помогу во всем.

— Задание у меня серьезное, дядя, — задумчиво проговорила Надежда. — А вот торопиться боюсь. Станешь навязываться старосте, еще заподозрит неладное, подождем денька два, он, может быть, сам сюда заявится. Вот мы тогда и поговорим с ним по душам.

— Правильно, Надя, — согласился Бердаус. Через два дня, как и предполагала Воронежская, Бабак появился в доме Бердауса. Что хотите со мной делайте, Надежда Ивановна, ножить без вас не могу, — с ходу начал изливать душу распаленный Бабак, — работа из рук валится. Списки должен был сегодня в район отправить, так даже за стол не присел. Пропал день. Даже самогон в горло не идет.

— Какие там еще списки? — наивно спросила Воронежская. — Для чего они немцам? Так, видно, от скуки вас тревожат. Э, нет, Надежда Ивановна, — сказал староста и покачнулся, видно, что самогон он принимал вполне охотно, несмотря на расстройство. — Списки эти очень важные. По ним девчат и парней в Германию забирать будут. За это немцы очень строго взыскивают.

— А вы можете освободить от мобилизации? Конечно, могу! — гордо сказал Бабак. — Напишу бумагу, приклепну печать со свастикой, и все в порядке... Я, Надежда Ивановна, большие права имею. Но о личной выгоде не забочусь. Другой бы на моем месте весь свет перевернул.

— Зато вас женщины уважают. Для чего вам другие почести? Бабак, слыша такое, засиял от радости. Если бы ты меня приласкала да приголубила, никаких баб мне больше не нужно. Никто из них даже твоей пятки не стоит.

— Перестаньте, баловник. Дома же люди, а вы себе такое позволяете, — Надежда притворно отталкивает старосту и лукаво смеется. Душенька моя, скажи хоть словечко, — опять взмолился Бабак. — Нет мне никакого покоя.

— Вы такой большой начальник, староста, вам нельзя таскаться по селу, — уговаривает его Надежда. — Не солидно это. Приходите лучше к нам в субботу, посидим, поговорим, да и повеселимся. Вот за это спасибо! — Бабак благодарно пожал Надежде руки. — Бога буду молить, чтобы солнце быстрее всходило и заходило, чтобы скорее пришла суббота.

Когда Бабак выбрался из хаты, Бердаус не удержался и послал ему вслед грубое ругательство. Он не выносил одного вида старосты и старался избегать его, как, впрочем, и многие в селе.

— Ему надо о спасении своей грязной души молиться, а не о бабах думать, — сердито проговорил Бердаус. —

Но, видно, не зря говорят в народе: «Бык состарился, а нос у него еще молодой». Подлый человек. Глаза слезятся, руки трясутся от пьянства, ноги еле таскает, а все-таки всюду сует свой грязный нос.

— Не расстраивайтесь, Федор Евдокимович, — успокоила Бердауса Надежда. — Давайте лучше подумаем, как принять его. Конечно, вы понимаете, что я не могу быть с ним одна, Мне бы надо кого-нибудь для компании. Попробую позвать Антонину, — предложил Бердаус, — свою сестру Антонину. — Она не из болтливых, умеет хранить тайну. Вдвоем вы сумеете окопачить старосту. Старый пес лопнет от радости.

— Это хорошо, — согласилась Надежда, — со мной должен быть верный человек, иначе все можно провалить. Надо, пожалуй, предупредить и своих товарищей. Как вы думаете? — Делай как лучше, — сказал Бердаус, — а я тебе во всем помогу.

* * *

— О событиях в селе Трахтомирове, — продолжал свой рассказ Алексеич, — мы узнавали через связную Лену. Когда Лена доложила нам о работе Надежды и попросила инструкций, я сказал ей: Инструкций никаких не будет. Надежда действует правильно. Желаем ей удачи и ждем ее возвращения.

— Алексей Васильевич, вы не собираетесь в лес? — спросила вдруг Лена, и в голосе ее я уловил глубокую озабоченность.

— Мне и здесь неплохо. Зачем идти в лес? Что я там буду делать? — попробовал отшутиться я. Но Лена не разделяла моего веселого настроения.

— Что-то тревожно, — с грустью сказала Лена. — После-разгрома эшелона немцы просто озверели. Они мстят людям. Половина жителей станции уже в тюрьме. Сегодня опять за

Днепр переправился карательный отряд. Конечно, нам надо остерегаться, — согласился я с Леной, — но особых причин для паники нет. Если немцы что-то разнюхают, мы всегда успеем уйти в леса. Ты не беспокойся. Пробирайся побыстрее к Надежде. Там сейчас потише, да и поможешь ей.

— Сегодня вечером еду, — сказала Лена, — у меня есть кое-какие поручения от комитета.... Лена уехала. Но Воронежская так и не дождалась ее в Трахтомирове. Ночью Лену схватили немцы, и никто не знал, как это произошло. Ее увидел Проценко, когда Лена шла в окружении жандармов. Лена долго и пристально смотрела на Проценко, словно прощаясь с ним. Весть об аресте Лены сильно встревожила нас. Ведь она знала всех членов комитета, были известны ей и многие наши планы. Особенно встревожился Утегенов.

— Товарищи, среди нас есть предатель, — прямо заявил он в штабе. — Какой-то подлец выдал Лену, чтобы спасти свою шкуру. Надо найти и уничтожить негодяя. Ни Ломако, ни Примак и никто из членов комитета не возразили Кали. Казалось, они также убеждены в том, что какой-то ловкий и подлый предатель действует в нашем подполье.

— Всем, кому грозит опасность, надо немедленно уйти в отряд. Пока не выяснится положение, запрещаю показываться на явочных квартирах, — отдал приказание Примак. — Утегенов прав: среди нас предатель. Мы отыщем его и покараем за измену.

Примак подошел ко мне, положил руку на плечо и дружелюбно сказал: А тебе, Алексей Васильевич, и на этот раз придется остаться на своем посту. Кроме тебя некому. Ты — доктор, к тебе многие обращаются за помощью, подозрений особых не будет. Отряду нужна связь с городом, мы будем поддерживать ее через вас. «Пусть будет так», — сказал я. — Ваш приказ выполняю.

— Не робей, Алеша, — подбодрил меня Кали, — что бы с тобой ни случилось, я всегда выручу тебя из беды. Счастливо-оставаться! Спасибо, друг, — добрые слова товарища растрогали меня. Я знал, что друзья меня не оставят и всегда придут на помощь.... А в Трахтомирове дела шли своим чередом. Надежда готовилась к свиданию со «своим» старостой. Тот не заставил себя долго ждать. Бабак шаром вкатился в дверь и, переваливаясь с ноги на ногу, устремился к Надежде. Тут же вошла Антонина. Женщины принарядились и в момент очаровали старосту.

— Райские девушки, — причмокнул губами староста, сбросил с плеча объемистый мешок и полез целоваться. — Да что там райские? С вами и ангелам не сравняться. Что у вас в мешке? — вырвавшись из объятий старосты, спросила Надежда. — Можно посмотреть?

— Конечно, можно. Это подарки для вас. Свиное сало, яйца. И самогон есть. Осторожно, бутылки не разбейте. Думали, что в гостях с голоду умрете? — иронически спросила Антонина: — Зачем это? Или вы думаете, что мы продажные люди? За кого вы нас принимаете? Что вы, что вы? Разве я унижусь до каких-то недостойных людей? Ну, ладно, соловья баснями не кормят, — перебила спор Надежда. — Садитесь, пан Бабак, к столу, будьте дорогим гостем. Есть у нас и самогон-первач и закуска всякая. Пейте и кушайте на здоровье. Мы рады попотчевать такого важного и знатного гостя.

— Это вы верно подметили, Надежда Ивановна, — улыбнулся польщенный Бабак и опрокинул полный стакан самогонки. — Думаете, мало в селе образованных людей? Не пересчитать. Советская власть давала грамоту кому попало. А вот немцы из всех только меня выбрали. А почему? Потому что родители мои богатыми были, не чета другим. Немцы понимают, что из бедняка никакого толку не будет.

— Должность старосты не каждому по плечу, немцы знали, кого назначать, — подзадорила Надежда гостя. Довольный Бабак пил и бахвалился: Ваша правда, Надежда Ивановна. Разве легко управлять нашим развращенным народом? У людей ума нет ни капли. Нет того, чтобы сидеть смиренно да властям угождать, так они все бунтовать норовят. Селяне скрывают у себя всяких бандитов, помогают подозрительным личностям. Я знаю таких людей, они все у меня на заметке. Слежу, кто у кого бывает, чем занимаются. Как только они соберутся вместе, тут я их и прихлопну. Вы не думайте, что Бабак ротозей и наивный человек!

— Разве можно обвинять людей только за то, что они ходят друг к другу? — укоризненно проговорила Надежда. — Вот мы сидим сейчас с вами и разговариваем, выпиваем, что же тут плохого? И вдруг кто-нибудь донесет, а мы страдаем. Не о вас речь. Я давно слежу за людьми, среди них мои слуги ходят и все мне передают. Вот я вам сейчас расскажу, как это делается, — Бабак наклонился к уху Надежды и что-то зашептал ей.

— Фу, щекотно, — отстранилась Надежда от захмелевшего старосты. Бабак хохочет и пытается облапать то одну, то другую женщину. Антонина, сядь поближе, — сердито сказала Надежда. — Этот человек совсем потерял разум и позволяет себе не-потребное.

— Я, я... что вы? — забормотал Бабак, еле удерживая склоняющуюся к столу голову. — Я не какой-нибудь простой человек или разбойник. Ясно? Выходи за меня замуж. Эх изживем мы с тобой! Домик у нас с усадьбой будет, свиньи, коровы, куры, всякая живность. Я очень поросят уважаю. Любо посмотреть, как по двору бегают и хрюкают поросятки. Соберу их в кучу, да и на речку погоню. А ты будешь стоять у крыльца и улыбаться мне. Самыми знатными людьми в селе будем.

— Вот и выпьем за это! — Надежда подняла свою рюмку и подала старосте объемистый стакан. О, я готов. Пьем за наше богатство! — Бабак выпил самогонку, встал со стула и, пошатываясь, направился к двери. Он хотел, должно быть, пройти во двор, но ноги не слушались его. Бабак постоял немного и рухнул на диван. Надежда поднесла ему еще стакан самогонки. Бабак дико таращил глаза, пил, захлебываясь, и хрипел. Потом он согнулся вдвое и тут же заснул.

— Подлый пьяница. Никакой меры не знает, льет, как в прорву. Теперь, пожалуй, до утра не проспится, — ворчала Антонина, убирая со стола посуду. Оставь все, как было, — попросила Надежда. — Поищи лучше бланки. Утром он посмотрит, что пил и ел, и не будет придираться к нам. А то от них всяких подлостей можно ждать.

Антонина принесла чистые бланки справок, и они вдвоем с Надеждой стали ставить на них печать со свастикой. Вскоре Антонине прискучила эта работа. Чем так возиться, лучше украсть у него печать, — предложила Антонина. — Если спросит завтра, то скажем, что ничего не знаем. Нельзя так. Утерянная печать считается недействительной. Да и зачем нам нужно это делать? Будем пользоваться печатью вместе со старостой, так сказать, на равных правах.

...Утром на улице послышались выстрелы. Староста соскочил с дивана и проворно ощупал свои карманы. Убедившись, что все оказалось на месте, он успокоился. Бабак озирался вокруг, пытаясь что-то припомнить, а Надежда и Антонина лежали на печи и украдкой наблюдали за ним. Антонина слезла с печки и с ходу накинулась на старосту. И не стыдно вам? Всю ночь мне покоя не давали. Разве я вас к себе в гости приглашала? Вы на Надежду даже и не посмотрели.

— Ай -ай-ай! Неужели это так? Вконец опозорился. А

что же Надя сказала? Что ей говорить? Рассердилась на вас и ушла спать. Можно ли так напиваться? Тут снова послышался выстрел. Староста встрепенулся. Мутным взором оглядел он стол, заваленный остатками вчерашнего пиршества и со страхом, спросил Антонину:

— Что это? Где стреляют? Почему? Пес их знает. Ты староста, значит, ты и должен за порядком смотреть. Болтают, что красные опять парашютистов сбросили. Красные? — Бабак дико сверкнул глазами, схватил шапку и вылетел из хаты. А через два дня Надежда принесла мне несколько пачек чистых бланков, заверенных круглой печатью.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Многих людей спасут эти бланки. Когда-нибудь молодежь поблагодарит тебя. — О Лене ничего не известно? — спросила Надя. Нет. А ты откуда знаешь об ее аресте? Бабак сказал. Он сообщил мне, что в нашем отряде есть его человек по прозвищу Хромой. Вы не знаете такого партизана?

— Нет, не знаю. Хорошо, что принесла эту весть. Мы найдем этого изменника. Надо срочно сообщить в отряд. Придется тебе идти. Лену мы потеряли, и у меня нет связной.

— Если вы считаете, что операция «Ирина» закончена, то я готова идти хоть сейчас.

В эту же ночь Надежда ушла в лес.

ФЛАГ НА БЕРЕГУ

Вторые сутки шли кровопролитные бои. Партизаны отступали в глубь леса. Оккупанты бросили против народных мстителей целый батальон хорошо вооруженных солдат. Фашистов поддерживали броневики и минометы. Немцы вначале обработали партизанские позиции с воздуха, потом начали

обстреливать лес из тяжелого шестиствольного миномета. Это очень страшное и грозное оружие. Вдруг слышится пронзительный неприятный вой, затем резкий свист, и тут же один за другим раздаются шесть скрежещущих, ревуших взрыва. Вверх взлетает земля, деревья миг становятся голыми. Подрубленные осколками стволы падают, как подкошенная трава, лес наполняется едким, вонючим дымом.

Люди мечутся от дерева к дереву, падают, поднимают раненых, торопятся укрыться в глухой чаще. Треск автоматов и пулеметов слышится повсюду... Кажется, что немцы совсем близко и нет от них никакого спасения. Чтобы задержать карателей и спасти людей, навстречу немцам вышел отряд Ногайцева, с правого фланга к нему на помощь спешил отряд Константина Спижевого. Отряд Кали после утреннего боя стоял в резерве, партизаны отдыхали, приводили себя в по-рядок. Командир соединения Иван Кузьмич Примак вызвал к себе Кали и спросил:

— Как у тебя дела, Вася? Твои люди могут скоро понадобиться. Как ты думаешь, сможет задержать Ногайцев карательный отряд хотя бы на пару часов? Кали понял тревогу командира. Бой идет жаркий, много раненых. Чтобы подобрать их, оказать помощь и укрыть в безопасном месте, требуется немало времени. А немцы наседают. Мины рвутся совсем близко. Кали прикинул обстановку и успокоил Примака:

— Броневики по лесу не пройдут. Они только в поле страшны, черт бы их побрал. А без броневиков не пойдет и пехота. Думаю, что наши сумеют пока задержать карателей.

Во время этого разговора на маленькую поляну выскочил запыхавшийся связной. Он мчался к Примаку и на бегу кричал:

— Товарищ командир, немцы обошли нас с тыла,

Ногайцев просит подмоги...А где отряд Попова? Он должен был прикрывать тыл. — Примак со связным скрылись в лесу, где к этому времени заметно усилилась перестрелка. Вскоре он вернулся, усталый, закопченный и грязный. Примак велел выстроить отряд Утегенова.

— Товарищи! — обратился Примак к партизанам. — Положение наше трудное. Если мы будем действовать так, как до сих пор, немцы уничтожат нас. Все надежды мы возлагаем теперь на вас. Судьба отряда в ваших руках. Надо задержать карателей до вечера. Выполним эту задачу — отряд будет жить. Примак смотрел на хмурых, еще не отдохнувших людей, и сердце его сжималось от горя. Они беззаветно храбры, но измотаны двухсуточным боем. Командир требует от них невозможного. Но он верит, что партизаны выполнят приказ. Подошел к своим товарищам и Кали, их командир и боевой друг.

— Ребята, — сказал он. — Нам не о чем долго говорить. Положение вам известно. Мы должны выполнить важную задачу. Думаю, что выполним...Партизаны дружно загудели в ответ. Примак развернул карту и стал объяснять Кали его задачу. На левом фланге лес разделяет широкая, до километра, долина. Отряд Утегенова должен пройти в лес за этой долиной и завязать бой с карателями. Немцы примут этот отряд за свежие партизанские силы и постараются его уничтожить. Отряд Кали должен, отступая, заманить карателей в Хоцкие леса. К этому времени основные силы партизан соберутся в кулак и ударят по фашистам с тыла. Отряд Кали должен во что бы то ни стало удержать карателей.

— Товарищ командир, — сказал Кали, — мы все сделаем, как надо, не беспокойтесь. Надо сделать, — Примак крепко пожал руку боевому товарищу. — Необходимо спасти раненых, отряд. Я верю тебе. После боя иди в зимний лагерь, там встретимся.

Предположения Примака оправдались. Отряд Утегенова прорвался через боевые порядки немецкой роты. Эта рота после атаки на партизан понесла большие потери и находилась на отдыхе на опушке леса. Немцев было чуть больше двух десятков. Неожиданно столкнувшись с партизанами, каратели не оказали никакого сопротивления и сдались. Только их командир, обер-лейтенант, не пожелал сдаваться и пустил себе пулю в лоб.

— Обойдемся и без лейтенанта. Так, что ли? — спросил Кали немецких солдат. Те шарахались от него, поднимали руки и твердили: «Гитлер капут!» — Ну, ладно, с вами после побеседуем. Незаметно сосредоточившись вблизи немецких позиций, отряд Утегенова внезапно обрушился на них. Партизаны громко кричали «ура», лесное эхо далеко вокруг разносило звуки выстрелов. Каратели в панике побежали. Но через некоторое время они пришли в себя и повели наступление на отряд Кали всеми своими силами. Бой был тяжелым. Немцы разбились на мелкие группы, пытаясь охватить партизан кольцом. Но партизаны разгадали тактику врага. Они медленно отступали, завлекали карателей в гущу леса, выигрывая время, так необходимое основным партизанским силам.

Через два дня, успешно выполнив поставленную задачу, отряд Утегенова пришел на зимнюю партизанскую стоянку. В отряде были раненые, но он почти полностью сохранил свой боевой состав. Все были рады благополучному возвращению отряда. Мы уже знали из сообщений радио о крупном поражении фашистов под Орлом и Белгородом. Немцы отступали, фронт приближался, и мы с нетерпением ждали встречи со своими регулярными войсками. Отряд Утегенова вернулся в радостный для всех день. Мы встречали их, как победителей. Совсем еще юный парень, раненый в ногу, увидев Кали, спрыгнул с телеги и, прихрамывая, поспешил к нему.

— Спасибо тебе, товарищ командир, — взволнованно сказал паренек. — Когда подошли немцы, я подумал, что пришла моя смерть. Что я мог сделать с ними, раненый? Приготовил уже для себя последнюю пулю. Но, оказывается, не кончились мои дни, осталась еще еда, которая была мне предназначена. Вася, ты спас мне жизнь. — Паренек со слезами на глазах бросился обнимать Кали. Потом он пошарил в своих карманах и достал красиво вышитый кисет. Вот, — сказал он, — это самая дорогая для меня вещь. Когда я уходил в отряд, мне подарила его мать. Он был со мной во всех переплетах. Прими от меня подарок матери, возьми от всех раненых. Пусть минует тебя вражья пуля.

Я стоял рядом с Примаком, и мы оба с интересом наблюдали за этой трогательной сценой. Кали расцеловал юношу, взял подарок и проводил раненого к товарищам. Мы с Примаком уселись под деревом. Он занялся своей походной картой, а я, чтобы не мешать ему, наблюдал за хлопотливой жизнью лагеря. Чуть дымились вдаль устроенные в земле кухни, на кустах висели выстиранные рубахи и портянки. На лужайках в тесные кружки собрались партизаны. Кто чистит оружие, кто напевает вполголоса. Кое-где слышится веселый смех. Кажется, что не было боев, не было убитых и раненых. Просто в тени деревьев отдыхают крестьяне-косари. Но недолго жила в моем воображении эта мирная картина. К Примаку пришел начальник особого отдела соединения Бычков:

— Товарищ командир, — я проверил всех людей. Двое в отряде вызывают сомнение, один из них и должен быть Хромой. Но кто именно. — неизвестно. Будем выяснять. Тут же посоветовались и решили пойти на хитрость. Командир отрядил для похода в село четырех человек. Двое из них — подозреваемые. Им приказали идти попарно на определенном расстоянии

друг от друга. Первая пара вышла из леса и направилась к селу. Вторая, которую подозревали, шла сзади. Как только они вышли на опушку, из леса послышался оклик:

— Привет, Хромой.

— Один из подозреваемых чуть вздрогнул и приостановился. Догадавшись, что он неосторожно выдал себя, Хромой схватился за оружие. Но партизаны были начеку. Они быстро обезоружили предателя и доставили в лагерь. На допросе Хромой сознался, что выдал фашистам Лену и указал карателям место сосредоточения партизанского соединения. Теперь стало ясно, почему партизаны вдруг оказались в таком тяжелом положении. Партизаны негодовали и требовали смерти предателя. Хромого судил партизанский суд, и шпион был расстрелян.

...Отряд оправился от потерь, люди немного отдохнули, и снова пришло время действовать. Мне тоже пора было возвращаться в свое село и продолжать «врачебную практику». Перед моим отъездом в отряде провели небольшое совещание. Здесь были и Примак, и Утегенов, и Бычков, и другие командиры. Совещание открыл Примак: Случай с Хромым, — сказал он, — должен насторожить нас. Из-за одного предателя чуть не погибло все наше дело. Прошу вас. Алексей Васильевич, будьте осмотрительны и крайне осторожны. Эту же просьбу передайте и Проценко. Он должен быть особенно бдительным. Мы должны нанести оккупантам еще один удар. Немцы в последней операции понесли большие потери, но повсюду трубят, что уничтожили партизан. Надо разоружить полицейских и разгромить гарнизон Переяслава.

Я вернулся в село. Раненых партизан мы разместили по деревням у надежных людей, и я принялся за выполнение задания. По плану Примака группа Проценко разоружает полицейских и захватывает почту и склад с боеприпасами. В это время отряд

Утегенова должен уничтожить гарнизон и взорвать учреждения оккупантов. Мне предстояло связаться С Проценко и передать ему план командования. Мы обычно встречались с ним на явочной квартире у подпольщика Беляева. Были и другие люди, готовые помочь партизанам. Я с утра собирался выехать в город и сильно торопился. Но тут ко мне неожиданно пришел Кирилл Розовик. Он был бледен и растерян.

— Что с тобой, Кирюша? — в тревоге спросил я. — Болен? Алексей Васильевич, Гришу схватили...Что ты говоришь? Когда? — у меня помутилось в глазах, ноги подкосились, и я рухнул на стул.Прошлой ночью схватили. И Романова арестовали, и Братченко, и Мустенко. Всего двадцать человек. Значит, разоблачена вся группа? Пожалуй, так. Идут повальные аресты. И Беляева схватили. Я видел это своими глазами. Бежал к нему, чтобы предупредить, и сам чуть не попался.

Убитые тяжелой вестью, мы с Кириллом долго просидели в полном молчании. Мне казалось, что все рухнуло вокруг, и мы остались в глухой пустыне. Я не мог опомниться от удара. Мы долгое время готовились к этой операции. В группу Проценко людей подбирали по одному. А это было очень трудно — вербовать полицаев в подпольщики. Группа Проценко во многом помогала партизанам. При столкновениях с партизанами наши друзья-полицаи падали в воздух, а когда убегали, то нарочно оставляли нам свое оружие. Они сеяли панику, распространяли среди немцев различные слухи. Од-нажды партизаны решили затопить в Днепре немецкую баржу с оружием. Они наткнулись на засаду, и, если бы не полицаи, им пришлось бы плохо. Полицаи из группы Проценко подняли стрельбу, начали кричать, что их окружают партизаны. Немцы в панике разбежались, и партизаны уничтожили баржу.

— Опять мы встречаемся с предателем, — сказал я Розовику.

— Это его рук дело. Да, нас предали. И так ловко все проделано, что даже Проценко ничего не мог предпринять.

— Нет, в его группе не должно быть предателя, — уверенно сказал я. Вряд ли, — усомнился Розовик. Не должно, — утверждал я. — Полицаи знали только одного Проценко, они не знали даже своих товарищей, вовлеченных в подполье. Но кто бы ни был этот предатель, он оказался хорошо осведомленным. А мы и действительно не могли знать тогда, кто предал Проценко, — рассказывал Алексей Васильевич. — Только после войны по документам гестапо было установлено имя изменника. Это был Киселев, «друг» Беляева. Он-то выдал и Беляева, и группу Проценко.

Фашисты приговорили Проценко к смертной казни через повешение, а его товарищей — к расстрелу. Но буквально через два дня ко мне прибежал Розовик с приказом гестапо и жандармерии. В этом приказе было сказано, что Проценко бежал из тюрьмы и за его поимку назначена награда. В приказе имелось подробное описание внешности Проценко. Тот, кто задержит Проценко, получит десять тысяч марок, муку, сахар и мануфактуру. Кроме того, была обещана бесплатная поездка по Германии. Немцы ничего не жалели за голову отважного подпольщика. Гриша, богатырь ты наш, вырвался все-таки, — радовались мы за товарища. — Где же ты теперь скитаешься, дорогой друг? Надо сказать, что нас всерьез занимал вопрос, где же скрывается Проценко? Он не знал о расположении отряда и не мог уйти к партизанам. Отыскать их в лесу без проводника было невозможно. Григорий наверняка кружит где-то поблизости. А это очень опасно. Вся жандармерия поднята на ноги, полицаи рыскают по селам, дороги перекрыты. Полиции помогают солдаты гарнизона.

— Интересный все-таки у человека характер, — сказал

Алексей Васильевич, несколько отвлекаясь от основной темы своего рассказа. — Когда человеку грозит какая-то опасность, он обязательно стремится в родные места, к близким людям, хотя именно здесь чаще всего и подстерегают всякие неприятности. Как будто не разум, а какой-то инстинкт руководит его поступками в подобных случаях. Просто удивительно... Так поступил и Проценко. Не сумев пробраться к партизанам, он пошел в свое родное село Вовчиково. Там проживали его близкие родственники. Из этого села были уже взяты двенадцать заложников. Оккупанты заявили, что будут держать их под арестом до тех пор, пока не поймают Проценко. Григорий пришел к своему двоюродному брату Дайнеко, надеясь переодеться здесь, подкрепиться и идти дальше. Во дворе он столкнулся со своей снохой Даркой, и та в ужасе закричала на него:

— О ужас! Этот негодяй здесь, еще жив! Говорили, что утонул в озере, а он заявился. Уходи прочь! Сам пропал и нас хочешь угробить? Иди, иди. Сейчас же донесу коменданту. Проценко растерялся. Он не ожидал такой встречи. Тут из сарая появился Дайнеко и прикрикнул на жену:

— Замолчи! Сама себе могилу роешь. Если донесешь — нас всех расстреляют. Дарка трясется от страха, но не унимается. Она набрасывается и на мужа: Думаешь, мне жить надоело? — голосит Дарка. — Не пущу в дом этого бандита. Пусть идет отсюда и не путает нас. Он тебя не жалеет, а ты печешься о нем. Если он наш родственник, то пусть пожалеет нас и убирается отсюда.

Дайнеко наконец понял, какой опасности подвергает свой дом. Он нахмурил брови, подошел поближе к Проценко, снял с себя старенькую телогрейку и проворчал:

— На вот тебе, Гриша, телогрейку и мотай отсюда. Григорий показал на свои ноги и на непокрытую голову. Дайнеко

возмутился. Какой ты бесстрашный человек. Неужели ты не сознаешь своего положения? Село окружено жандармами, тебе не уйти. Скоро тебя убьют, а ты беспокоишься об одежде. Зачем покойнику ботинки? Нет, браток, так не пойдет. Скажи и за это спасибо...

Обо всем этом мы случайно узнали от одного человека, вырвавшегося из села Вовчиково. Мы посоветовались с Розовиком и решили во что бы то ни стало выручить Проценко. Быстро разыскали легкую бричку, навалили в нее сена и поехали в село Вовчиково. Под вечер добрались до окраины села и тут случайно столкнулись с Григорием. Он прятался в каком-то курятнике и, когда увидел нас, вышел навстречу. Зачем вы сюда приехали? Вас могут схватить! — в голосе Григория слышался и страх, и неподдельная радость. Мы приехали за тобой. Григорий забрался на самое дно телеги, мы закидали его сеном и поехали в обратный путь. По дороге из села нас остановили полицейские. Их было двое. Один — мой старый «знакомый» Говкалло, другого я не знал. За Говкалло уже давно охотились партизаны, но он всегда умел вовремя удрать и остаться невредимым. И вот этот зверь в человеческом облике стоял перед нами и преграждал нам путь.

— Зачем приезжали в село? Куда едете? — строго спрашивал Говкалло. Пан полицей, — робко и заискивающе отвечал ему Розовик, — мать у меня сильно заболела. Пришлось доктора издалека вести. Теперь домой его отправляю.

Второй полицей ходит вокруг телеги, присматривается к чему-то. Вдруг он забирается руками в сено и начинает ворошить его. Я замираю от страха и стараюсь разговорами отвлечь полицейца.

— Пан полицей, вы меня, кажется, не узнали? Мы ведь давно с вами знакомы. Будет время, заходите в гости, с радостью приму вас... — рассыпался я перед Говкалло.

— Вот изловим бандита, обязательно заеду, — милостиво пообещал Говкалло и разрешил нам ехать. Ну, Гриша, — сказал Розовик Проценко, — одну беду миновали, может, и дальше нам повезет. Это был Говкалло? — доносится до нас глухой голос Григория. — Я эту собаку по голосу узнал. Жаль, не попался он мне раньше. Я бы с ним посчитался.

— Нам надо до села благополучно добраться, — сказал я Григорию, — а потом уж об остальном думать. По дороге на Переяслав мы очутились в группе немецких войск. Мы ехали прямо по шоссе, на виду у всех, чтобы показать нашу, так сказать, лояльность. Немцы проверили наши документу и остались довольны. Еще бы! Ведь эти документы были напечатаны на бланках, которые добыла Надежда Воронежская. Круглая печать со свастикой сделала свое дело. Колонна войск свернула на дорогу в Харьков, а мы поехали дальше. Наконец добрались до своего села. Нашу телегу обступили любопытные. Каждому хотелось знать, что это мы привезли из города? Заехав во двор, я круто повернул лошадь, телега опрокинулась, и сено свалилось на землю. Лежи тихо, — сказал я Грише, — когда будет все спокойно, позовем. Я зашибся, — ворчит Проценко, — упал на какой-то камень.

Вечером Григорий перебрался в дом. Вскоре появился еще один гость — Надежда Воронежская. Перед отъездом в село Вовчиково я дал знать в отряд о побеге Проценко. Из отряда специально прислали Воронежскую, чтобы узнать, как у нас обстоят дела. Особенно в отряде интересовались подробностями провала группы Проценко. Вот что рассказал нам об этом Григорий.

Отбив свое дежурство, Проценко возвращался в казарму. Никаких особенных изменений он не заметил, в казарме царил обычная обстановка. Двое полицаев стоят в углу, никак

не могут поделить награбленное сало. Кто играет в домино, кто режется в карты. Большинство полицаев сгрудилось возле игроков в «очко». Тут особенно шумно, игра идет на деньги и на водку. Когда Проценко подошел к ним, Говкалло подвинулся и освободил ему место. Садитесь, пан старший полицаи, берите карту, — предложил Говкалло. Я не увлекаюсь картами, — сказал Проценко. — Да и играть не умею. Если не умеешь — научим. Не жадничай. Что тебе стоит проиграть недельное жалованье? Возьмешь с людей больше, — Говкалло просто привязывался к Проценко, и он насторожился. «Что хочет от меня этот пес? — думал про себя Проценко. — Раньше он со мной так не разговаривал. Неужели что-то подозревает». Я сегодня без денег, — говорит Проценко, надеясь отвязаться от назойливого полицаи. Дело не в деньгах, пан старший полицаи, — гадливо смеется Говкалло. — Нет денег, играй на свою девку. Мы люди не гордые. Что ты мелешь, собака? — возмущается Проценко. — О какой девке говоришь? — А ты не знаешь? О той самой, из села Козино: Не надоела она тебе? Ставь ее на кон. Ошарашенный Проценко пятится назад, лицо его наливается кровью.

— О, ты, оказывается, шуток не понимаешь? — говорит Говкалло. — Я ведь тебе ничего плохого не сказал. Проценко настукает на полицаи и со всего маху бьет его по лицу. Говкалло бешено взвизгивает:

— Знаю я твою девку. Она красным служит. Вот почему заступаешься за нее. Я до сих пор молчал из уважения к тебе. Но теперь пеняй на себя. Понял?

Полицаи сгрудились вокруг. Некоторые смотрят на Проценко с недоверием. Он чувствует это. Надо что-то предпринять, рассеять подозрительность. Проценко ведь старший полицаи, нельзя терять авторитета. Он хватает Говкалло за шиворот и бросает его к стене.

— Ты, собака, всех неугодных тебе людей считаешь боль-шевицкими агентами, орешь на каждом углу, что они связаны с партизанами. Твоя подлость известна. Ты озлобляешь людей против немцев, хочешь, чтобы весь народ ушел к партизанам. Знаю я твои подлые мысли.

Кое-кто из полицаев поддерживает Проценко и ввязывается в ссору. Они бестолково орут и суетятся. Этот пес хочет спасти свою шкуру и подыскивает союзников среди партизан.

— То-то он такой активный. Выслуживается. Выводи его на чистую воду. Этот подлец хочет продать нас тем и другим, а самому остаться чистым. Мы ему покажем, где раки зимуют. Говкалло сообразил, что зашел слишком далеко, и стал искать выход из положения. Он счел за лучшее примириться с Проценко.

— Я не сдержался и сболтнул лишнее, — робко заговорил полицей. — Но и ты тоже виноват. Зачем ударил меня при всех? Я тебе не жена, а полицей. Давай забудем все это и прекратим ссору. Мы с тобой одну песню поем и на одном лугу пасемся. Так сказать, одного поля ягоды. Если вернутся красные, нас обоих повесят, разбираться не будут. Судьба у нас одна. Лучше будем помогать друг другу. Прости меня, и дай руку...

После этой ссоры Проценко не находил себе места. Говкалло, конечно, неспроста напал на него. Подлец, видно, был связан с предателем и знал, что ожидает подпольщиков. Однажды Проценко спал после дежурства. Поздно ночью к нему ворвались жандармы, заковали в наручники и увели в тюрьму. А на допросе он узнал, что арестована вся его группа.

— Дальше вам все известно, — закончил свой рассказ Проценко. — Но я до сих пор не пойму, как им удалось арестовать всю группу? Кому был известен список полицаев-подпольщиков? — враз спросили мы у Проценко.

— О нем знали только Беляев и Киселев, — ответил Проценко. — Я с ними советовался по каждой кандидатуре отдельно. Их арестовали вместе с вами? Да, — вздохнул Проценко. — Кто же нас выдал? Нельзя же думать, что предатель тот, кто вместе с тобой томится в камере? Как же вам удалось убежать? — спросила Воронежская. — Даже не верится в это. Я и сам не думал, что вырвусь из этой темницы. Значит, не суждено мне было умереть. В общем получилось так. Меня охраняли сами немцы. Приговор был уже объявлен. Обреченному на смерть все равно: повесят его, или расстреляют. Не попытаться ли спастись? Я хитростью заманил часового в камеру, быстро расправился с ним и сбежал. Никто, наверное, и не думал, что я решусь совершить побег среди бела дня. Это мне и помогло. Немцы бросились в погоню, когда я был уже далеко. Добежал до опушки леса, выскочил на берег озера и закричал во весь голос:

— Люди, я освобожден! Я жив! Вот и все...

Мы радовались чудесному избавлению товарища от гибели, но нас огорчал провал задуманной операции. Арест подпольщиков был таким же неожиданным для нас, как и недавнее нападение карателей на партизан. Мы проиграли на этот раз. И опять нас подвел предатель. Немцы в своих приказах широко оповестили население о разоблачении и уничтожении крупной подпольной организации. Кто предатель? Руководство подпольем решило обстоятельно разобраться во всем этом.

— Враг где-то рядом, — так начал я свой доклад руководству. — Иначе как бы могли немцы знать почти все планы работы комитета? Я лично проверял каждого, кто имел отношение к заданию Проценко. Нас всего трое: Беляев, Киселев и я. Двое сидят в тюрьме вместе с остальными. Неужели они предатели?

— Не ломай попусту голову, — сердито сказал Ломако. —

Предатель вполне может находиться в тюрьме вместе со всеми. Негодяй может собрать там больше сведений, чем на воле. Много позже я понял истинный смысл этих слов комиссара Ломако. Предатель Киселев спокойно сидел в тюрьме вместе со всеми и так же спокойно проводил их на расстрел. Мы слишком поздно узнали об этом. Правда, Киселев не ушел от расплаты, после войны его разоблачили.

Несмотря на жестокие провалы, мы продолжали борьбу. Гибель товарищей не расхолаживала нас. Наоборот, люди еще настойчивее рвались в бой. Григорий Проценко, едва оправившись от пережитого, замышлял новые дела. Его невозможно было удержать. Проценко наотрез отказался идти в отряд, где бы он был в относительной безопасности. Алеша, — сказал он мне, — вот ты посылаешь мен в отряд. А с какими глазами я покажусь там? Мои товарищи погибли, а я должен радоваться, что остался жив? Нет, так нельзя.

— Не пойдешь, погибнешь и ты, — убеждал я его, — здесь нас выследят и в конце концов повесят. Ты этого хочешь? Вы рисковали жизнью и спасли меня. Спасибо. Конечно, я пойду в отряд, но не сейчас. Я хочу отомстить немцам, рассчитаться с предателями. Найдите мне только взрывчатку, и я проверну одно дельце.

— Взорвешь гестапо? — спросил Розовик.

— Нет, не то, — горячился Проценко. — Зачем мне этот-пустой дом? Возле Григорьевки на причале стоят немецкие баржи. На них боеприпасы и оружие. Я там бывал и знаю, как незаметно подойти к баржам. Нужна взрывчатка, и все будет сделано.

Мы задумались над этим предложением. На каждой барже многие сотни тонн груза. Уничтожить их, значит, нанести фашистам большой урон. Конечно, с таким делом одному

не справиться, потребуется целая группа вооруженных людей. Могут встретиться всякие неожиданности, поэтому надо хорошо подготовиться.

— Предложение дельное, — сказал я Грише, — но нам надо обязательно посоветоваться с руководством отряда. Ночью Надежда Воронецкая и Розовик ушли в отряд. Отчаянная девушка порывалась уйти одна, но я не разрешил. По дорогам рыскали полицаи, и встреча с ними не сулила ничего хорошего. После их ухода Проценко на некоторое время успокоился, но потом снова начал приставать ко мне с распросами.

— Алеша, как ты думаешь, в отряде согласятся с нашим предложением? Дела в отряде не очень хороши, — вслух раздумывая, — совсем недавно были большие потери. Потом, у партизан есть свои задачи. Я даже не знаю, сумеют ли они помочь нам людьми. Будем ждать. Несколько дней мы томились в ожидании вестей из отряда. Однажды под вечер в село нагрянули полицаи. Они шумно ехали по улице. Потревоженные собаки с громким лаем бежали за телегой. Полицейские начали стрелять в собак, громко хохоча и ругаясь. Они проехали мимо нашего дома, потом вернулись и остановились против окон. О чем-то разговаривают, спорят. Потом спрыгнули с телеги и пошли к дому. Мы с Гришей обомлели.

— Это за мной, — побледнел Гриша и выхватил наган, — Пока они будут ломиться в дверь, вы бегите через окно. Я их задержу, у меня шесть пуль.

— Никуда я не уйду! — ответил я другу, выхватил из-под подушки свой пистолет и встал у двери. Во дворе громко разговаривали полицейские. Потом вдруг все стихло и в окно раздался условный стук. Мы ровным счетом ничего не понимали. Что это такое происходит? Кто там? — громко спросил я, едва владея собой. Свои, свои, открывайте! — Голос будто

знакомый, но кто это, не могу узнать. Иногда и своих пугаешься. Все-таки я открыл двери. В комнату ввалился обвешанный оружием полицейай.

— Что это ты, Алеша, своих не узнаешь? — сказал полицейай и расхохотался. Вася! — изумился я, узнав в «полицее» Утегенова. У всех сразу отлегло от сердца, настроение сразу повысилось. Напугали мы вас? Ничего не поделаешь, пришлось замаскироваться, — Утегенов подошел к Проценко, который непонимающими, испуганными глазами смотрел на него. — Как дела, Гриша? Вас ждем, — улыбнулся Григорий. — Дело хорошее подвернулось. За этим мы и приехали. Ты нас проведешь к пристани, а ты, Алексей Васильевич, тоже собирайся с нами: есть приказ всем уходить в лес. Я готов, — отрапортовал я. — Сверну свои пожитки, и можем трогаться. Надо торопиться, — сказал Кали. — Мне как «полицее» нельзя у вас задерживаться. Баржи стояли под крутым правым берегом Днепра. Нам хорошо видны их темные громады. Вокруг была необыкновенная тишина. Днепр спокойно катил свои воды, волны с мягким шелестом набегали на песок.

— Как будем переправляться? — спросил Проценко.

— Разве мы не полицейай? Кто нам запретит взять лодку и прокатиться по Днепру? — Кали пошел к берегу, за ним с ящиком мин двинулся Проценко.

Прошло уже много времени, а на том берегу все было спокойно. Ночная мгла все сгущалась. Вдруг до нас донесся какой-то говор. Казалось, что наши товарищи препираются с кем-то на том берегу. Это нас встревожило. Затем все опять смолкло. Мы увидели лодку, когда с того берега раздались выстрелы и пули зашлепали по воде. Над рекой вспыхнули ракеты, на том берегу загудели моторы. Вася, Гриша, бросайте лодку. Прыгайте в воду, здесь мелко — закричали мы своим товарищам. Наш берег был

отлогий, Кали и Гриша выпрыгнули из лодки и побежали к берегу в тучах брызг. Ну как, живы? — Кали и Гриша промокли с головы до ног. — Скорее в телегу. Все в порядке! — на бегу крикнул Кали.

Только мы отъехали от берега, как за Днепром взметнулось яркое пламя и раздался страшный взрыв. Это рвались снаряды. — Уф! — фыркнул Проценко и в изнеможении привалился к плечу Кали. — Хорошо сработали мины. Правильно сделали, что заложили их прямо под снаряды. Слышишь, до сих пор еще рвутся. Лошадка резво несла нас по степной дороге. Когда отъехали на безопасное расстояние, я пустил лошадь шагом. Все немного успокоились, первое возбуждение прошло, и мы начали анализировать прошедшую операцию. А ведь мы испугались за вас, — сказал я Кали. — Думали, не нарвались ли на охрану. Разговор какой-то слышали, возню подозрительную. Риск все-таки был порядочный. Нет, все обошлось. Часовых мы сразу убрали, — Кали рассмеялся. — Это я торопил Гришу, а он, знаете, какой номер выкинул? Только послушайте. Давай, говорит, Вася, красный флаг на берегу поставим. Он, оказывается, красное полотно с собой прихватил. Фашисты, говорит, твердят, что они уничтожили партизан. А люди узнают о нашей работе, увидят красный флаг и по-другому о нас думать будут. Мне пришлось согласиться, поэтому мы и задержались. Нашли шест подходящий и поставили флаг на берегу. Я обнял своих друзей и чуть не расплакался от счастья. Новое утро мы встретим под этим гордым флагом советской земли.

ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ

Серая «победа» бежит по дороге, наматывая на колеса километр за километром. И нет этой дороге конца, как нет предела

воспоминаниям и рассказам Алексея Васильевича. Я многое и о многом узнал из этих рассказов. Мне стали родными и близкими партизаны Сильвестр, Василий и Григорий Горovenко, Семен Власенко, Василий Клопов, Таня Похолог, Михаил Гром, Надя Широконос, Григорий и Константин Спижевые, Таня Ма-тузько и многие, многие другие. Их жизнь и судьба взволновали меня, и мне хотелось без конца слушать о них.

— Давай-ка мне руль, — сказал Кали Алексей Васильевич, когда мы подъехали к Переяславу. — Ты — гость издалека, кто-нибудь по дороге остановит машину, и мне будет неудобно.

— А кто посмеет остановить Кали? — шутливо спросил Утегенов.

— Кали могут остановить, а вот Васю — едва ли. Васю все знают в этих краях, — проговорил Алексей Васильевич, и оба они довольно захохотали.

Друзья шутили, а мне хотелось вновь мысленно очутиться в давней обстановке жарких партизанских боев и дерзких походов. Перед моими глазами как живые стояли образы Ирины, Яковца, Проценко, Розовика, Зои, Лены... Что с ними было дальше, где они сейчас?

— Алексей Васильевич, — сказал я Крячеку, — вы как-то оборвали свой рассказ о Проценко. О Розовике, об Ирине и

Зое тоже ничего не сказали. Живы они? Л Беляев вырвался из гестапо? Все они погибли, — тихо проговорил Крячек и надолго замолчал. Потом, будто стряхнув, груз тяжелых воспоминаний, стал рассказывать: — Двадцать лет прошло с тех пор. Даже больше. А это ведь возраст уже зрелого человека. Но ничего не забывается. Мне кажется, что все это было только вчера. А смерть Проценко я никогда не забуду. Мы были в то время в Хоцких лесах. Стояли ясные летние дни. Солнце проникало

даже в чашу, в темные партизанские блиндажи и землянки. Тогда шли упорные бои с карателями. Партизаны успешно отбивали натиск оккупантов. Взвод, которым командовал Гриша Проценко, участвовал в тяжелой схватке с немцами. Партизаны уложили десятки фашистов. В этом бою Проценко был смертельно ранен. Пуля пронизала легкие, искалечила ребра. Когда его принесли ко мне на перевязочный пункт, он уже умирал. Алеша, — говорил он мне, — хороший сегодня день, здорово дрались наши хлопцы. Немцы теперь сюда не скоро сунутся. Лежи, лежи, тебе нельзя разговаривать, — успокаивал я Гришу. У него уже кровь запекалась на губах и при разговоре изо рта появлялись алые пузыри. Но его нельзя было остановить. Хороший день, ясный, — хрипел Проценко. — Время уже хлеба молотить. Придет Красная Армия, и мы уберем урожай. Что ты так смотришь на меня, а?

— Не волнуйся, Гриша, помолчи.

— Ты однажды спас меня от смерти, — еле слышно говорил Проценко. — А теперь она снова схватила меня за грудь. Алеша, спаси меня! Дай мне возможность дожить до победы. Только до победы... Я не прошу у тебя лишнего, хочется своими глазами увидеть все это.

Но ему не суждено было дожить до победы. Он умирал, жизнь отсчитывала последние секунды. Гриша, видно, и сам понял это. Попросил приподнять голову, часто и прерывисто надыхался. Я умираю, Алеша, — пробормотал Проценко и закрыл глаза. Кирилл Розовик тоже умер на моих глазах. В бою за Днепр партизаны наткнулись на проволочные заграждения. Они были заминированы. Розовик пополз к проволоке, упал на мину и взлетел в воздух. Взрывом разметало проволоку, и по этому проходу партизаны прорвались на вражеские позиции. Своей смертью Розовик обеспечил победу. А судьба Зои,

Беляева, Лены и многих других сложилась еще более трагично. Они пали мученической смертью в застенках гестапо. В Переяславе есть площадь, вы увидите ее. Там братская могила. Победа нам досталась дорогой ценой. Да что говорить об этом! Гибли целые партизанские семьи. Взять хотя бы семью Розовика, — продолжал рассказывать Крячек. — Когда погиб Кирилл, в семье оставалась только его четырехлетняя сестренка. И до нее добрались бандиты. Девочку отыскивали жандармы и потащили в гестапо. Страшно, просто жутко рассказывать об этом. Девочка плакала и умоляла жандарма. Дяденька, — говорила она, — вы меня только не бейте, я вам сказку расскажу и песенку спою. Столпившиеся на улице люди, слыша плачь и невинный лепет девочки, пришли в ярость. Особенно разволновалась одна старушка. Она подбежала к жандарму и вырвала девочку из его рук. Злодей, — кричала старуха. — В чем провинилась эта девочка? Иди прочь! Не отдам я ее, душегубы проклятые.

Автоматная очередь уложила и старушку и маленькую сестренку Розовика. Так погибла вся семья патриотов.

— В наше время молодежь живет счастливо, — сказал Алексей Васильевич. — Но я хочу, чтобы она знала, как мы пришли к этому счастью, через какие бои и жертвы. Я не согласен с теми, кто считает войну далеким прошлым и не хочет вспоминать о ней. Нет, забвения не простят нам ни живые, ни мертвые. То, что мы пережили, забыть нельзя. Разве, например, для Яковца, воина — это старая тема? Конечно, нет. Это его биография. Он живет в этом городе, поговорите с ним, и вы узнаете, как он смотрит на это. — Яковец живой?! — обрадовался я. — Надо обязательно с ним встретиться. Время идет быстро, — как бы догадываясь о моих мыслях, продолжал Крячек. — Война и в мирные дни дает о себе знать. Один за другим покидают наши ряды старые партизаны. Когда мы пе-

реходили через Днепр, вотряде у Васи было сто человек, а сейчас остались единицы...Во второй половине дня мы прибыли в Переяслав-Хмельницкий. Это старинный, небольшой и аккуратный городок. Место это историческое. В центре просторной площади установлен скульптурный памятник, символизирующий вечную дружбу русского и украинского народов. Первым делом мы побывали в районном комитете партии, расположенном тут же, на площади «Дружба». Когда вышли из райкома, Кали увидел человека в белом кителе и остановил нас:Алеша, это не Яковец ли шагает? —спросил Кали и громко окликнул прохожего: — Дмитрий Никитич! Человек стал как вкопанный, обернулся, хлопнул себя руками по бедрам и побежал нам навстречу: Братцы! Родные мои, откуда вы появились?

— К тебе приехали, к друзьям своим, — говорил Кали, смеясь и обнимая своего старого друга. — Я из Киева Косте Спижевому звонил. Договорились встретиться на Днепре, у той самой березы, где стоял когда-то партизанский флаг. Едем с нами сейчас же.

...Перед закатом солнца наша машина подошла к берегу Днепра. Далеко внизу голубела днепровская вода, косые лучи солнца раскрашивали пенистые гребни волн. На реке показались лодки. Гребцы отчаянно работают веслами, люди в лодке кричат нам что-то и машут руками.

— Вот и наши партизаны едут, — Кали помахал руками друзьям. — Здесь почти все мне знакомы. Эти места я исходил вдоль и поперек. Тут мы встречали Красную Армию, помогали нашим войскам удерживать Букринский плацдарм.Это действительно было знаменитое место. В военно-исторических очерках «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» так написано об этом плацдарме: «...Нашим частям партизанское соединение имени Чапаева оказало большую помощь при переходе с боем

через реку в этих местах» (Букринский плацдарм. — К. Т.). Партизаны, встретив наши передовые части возле села Григорьевка, дали им несколько рыбацких лодок, показали расположение вражеских боевых точек, находящихся на правом берегу Днепра, привели к переправе наши передовые части, выделили специальных людей нам в проводники...»

Я знал из печати имена гвардейцев, которые первыми переправились через Днепр. Это Сысолятин, Иванов, Петухов, Семенов и другие. Отважным воинам были присвоены звания Героев Советского Союза. Гвардейцы вплавь переправились через Днепр и в ожесточенных боях отстаивали Букринский плацдарм до тех пор, пока к ним не подошли основные части армии. Среди этих героев были и партизаны. Неизвестно по-чему, но нигде не упоминаются их имена. Кто эти люди? Где они? Живы ли? Мне очень хотелось встретить кого-нибудь из героев-партизан, участников сражений за Днепр. И я решил отклониться от маршрута своих товарищей журналистов, направлявшихся в Молдавию, и захватить в Григорьевку.

...Встреча партизан состоялась недалеко от Днепра, на месте бывших партизанских стоянок. Горел костер, как когда-то, много лет назад, в котле варилась уха из свежей днепровской рыбы, текла неторопливая дружеская беседа. Мастером варить уху оказался Сергей Минович Шпиталь. Ему помогал старый партизанский захоз Михаил Антонович Гром. От реки тянет прохладой, ветер шепчется о чем-то в густых кронах деревьев. Бойцы вспоминают минувшие дни. Друзья часто смеются, хотя вспоминают о не очень веселых временах. Впрочем, партизаны и тогда немало шутили. Константин Иванович Спижевой вспоминает вдруг о своей роскошной партизанской бороде. Даже сфотографироваться с бородой не смог. Была бы память, — говорит Спижевой и сердито смотрит на Кали. Тот лукаво

улыбается. Партизаны как-то отступали от карателей. Тяжелые стычки происходили несколько дней подряд. Кое-как оторвались от противника и решили отдохнуть в лесу. Привалившись к деревьям, партизаны крепко заснули. Спижевой спал рядом с Кали. Он проснулся первым, увидел бороду Спижевого, и она ему чем-то не понравилась. С такой бородой тяжело, пожалуй, от немцев бегать, — сказал себе Кали. Он отыскал ножницы и обкарнал бороду у спящего товарища.

Случилось так, что Спижевого вызвал к себе командир отряда Тканко. Спижевой быстро вскочил и со сна не заметил, что случилось с его бородой. Вместо красивой роскошной бороды на лице Спижевого торчали жалкие клочья. Так он и явился к командиру. Тканко возмутился и обругал его. — Вы же командир отряда. Разве можно так себя вести? Спижевой подумал, что командир отчитывает за какие-то упущения в бою и не придал его гневу никакого значения. Командир был строг, и все привыкли к его выговорам. Но на этот раз Тканко распалился не на шутку.

— Да ты в уме ли? Чего молчишь? Посмотри в зеркало, на кого ты похож. От тебя не только люди, но и черти шарахаться будут, — шумел Тканко. Спижевой посмотрел в зеркало и обомлел. Он не узнавал сам себя. Спижевой в ярости закричал: Я знаю, кто меня опозорил! Это Вася устроил. Я ему покажу. Застрелю разбойника.

— Тут уже командиру пришлось удерживать Спижевого. Ему еле-еле удалось помирить товарищей.

— Борода—удел героев, — сказал Тканко. — Пока ты станешь героем, борода до пояса успеет вырасти. После этого я бороду не стал носить, — вздохнул Спижевой. — Правда, пытался отрастить, но борода получалась какая-то жидковатая, испортил мне красоту Кали...Партизаны засмеялись. После

ужина все уселись в тесный кружок. Мне почему-то подумалось, что не раз так вот сидели они прежде на своих коротких привалах. Вот так же, чуть согнувшись, сидел Шпиталь, рядом с ним, свалив голову на плечо, о чем-то думал Спижевой. Как всегда, беззлобно спорили между собой Кали и Крячек, а Михаил Гром, морща лицо, мучительно прикидывал, как накормить сегодня усталых, измотанных походами партизан. Вася, — сказал Крячек и указал рукой на заросшую травой ложбину, — ты помнишь, мы, кажется, здесь встретили Николая? Я о Петухове говорю. Конечно, помню, — ответил Кали. — Помню даже, какая была тогда погода. Дождь лил как из ведра... Точно, — согласился Крячек, — мы укрылись в засаде. Справа от меня лежал Спижевой. Лежали и наблюдали за небольшой группой немцев. Их было человек семь-восемь. Видно, заслон. Немцы надеялись остановить здесь шедшие к Днепру наши части, предупредить своих. Вдруг видим, к Днепру бежит русский солдат. Залег в ямку, потом снова вскочил. И тут по нему застрочили из автоматов. Видим, что немцы намереваются захватить его в плен. Они стреляют и пытаются окружить солдата. Рус! слышим мы и видим поднявшегося во весь ростогромного немца. — Капут! Руки вверх.

— Нашел дураков! — крикнул ему наш солдат и вскинул автомат. Но выстрела не последовало.

Однако немец рухнул на землю... Солдат удивился. Не теряя времени, он перезарядил автомат и стал обстреливать немцев. Сначала стрелял очередями, потом перешел на одиночные выстрелы. У солдата был последний диск, и он сэкономил патроны. Немцы видят бедственное положение русского солдата, но почему-то не пытаются подойти к нему. Это очень удивляет солдата. Он нервничает и посылает в сторону немцев пулю

за пулей. Вдруг он слышит громкие крики «ура» и падает на землю. Все, думает, спасен, пришло подкрепление.

Потом все затихло, и солдат опять увидел немцев. Они ползли к нему. Мы видим, как солдат ощупывает себя, ищет, должно быть, патроны. Но патроны у него уже кончились. Солдат сжал автомат и приготовился к последней схватке. Вдруг он слышит какой-то говор. Солдат, чего ты лежишь? Вставай. Солдат вскакивает и попадает к нам в объятия. Он сразу же сообразил, в чем дело, кинулся обнимать Спижевого, Васю, меня. Наши! Партизаны! Я думал, что один здесь оказался. Спасибо вам! — солдат пожал нам руки и сказал: — А теперь до свидания. Мне своих разыскать надо.

Солдат ушел, а через некоторое время стали мы свидетелями незабываемой картины. Из кустов раkitника как горох высыпали наши солдаты. Они подбегали к берегу, черпали касками днепровскую воду, жадно пили ее и обливали друг друга. Долго, очень долго шли они к седому Днепру, и вот наконец он перед ними. Солдаты обнимались и кричали «ура». Мы тоже ликовали вместе с солдатами. Все это длилось каких-то десять-пятнадцать минут. Командир приказал солдатам укрыться в кустах. Мы тоже последовали за ними.

Товарищи! — обратился командир к солдатам. Пока враг не опомнился, нам надо срочно перейти Днепр. Кто желает первым перейти на тот берег? Есть добровольцы?

— Есть! — громко крикнул солдат и вышел из строя. — Рядовой Петухов.

— Смотрите, ведь это наш знакомый! — шепнул я Кали. — Тот, которого мы выручили.

А из строя один за другим выходили солдаты.

— Рядовой Сысолятин!

— Рядовой Иванов!Рядовой Максимов!

...Ночью началась переправа. К бойцам присоединились партизаны отряда Утегенова. Лодки и плоты быстро скользнули по воде. Казалось, переправа пройдет благополучно. Но уже на середине реки нас обстреляли. Полетели в небо ракеты, застрочили пулеметы. А потом в воде начали рваться снаряды. Вода кипела и горела в пламени. Но и в этом аду люди оставались живы и упорно продвигались вперед. На правом берегу завязался короткий и ожесточенный бой. Небольшой плацдарм, захваченный гвардейцами, получил впоследствии название Букринского и стал историческим. Отсюда наши войска повели наступление на Киев, на всю правобережную Украину. Храбро дрались и гвардейцы и партизаны. Вот этот Днепр, наша священная река, — заметно волнуясь, говорил Алексей Васильевич. — Здесь погиб гвардеец Николай Петухов, здесь был тяжело контужен наш Вася. Многие легли на этом берегу. Если бы старый Днепр мог говорить, он рассказал бы нам много славных и героических историй.

* * *

Вот о чем довелось услышать мне от старого партизана Алексея Васильевича Крячека. Тот, кто был на прошлой войне, прочтет эти строки и о многом задумается. Он вспомнит и себя в солдатской шинели, и своих боевых друзей, вспомнит бои и священные солдатские могилы. Тогдашним солдатам и партизанам было не больше двадцати-тридцати лет. А сейчас они поседели, на лицах появились глубокие морщины. Но никто из них не жалеет о прошлом, а, наоборот, гордится им. Ведь им выпало счастье бороться за свою Родину, за счастье будущих поколений, за нашу сегодняшнюю прекрасную жизнь. Они спасли мир от фашистской чумы.

Эти простые и скромные люди сейчас трудятся. Бывший командир отряда Константин Спижевой — директор средней школы, а его брат Григорий — художник, Шпиталь руководит колхозом. Гром заведует мельницей. Бывший партизан Яковец учителствует в Переяславкой школе рабочей молодежи. А у партизана Василия Горбенко, пожалуй, самая важная и романтическая профессия. Он зажигает на Днепре маяки и указывает путь кораблям. Даже в темную ночь ярко горят огни, возвещая, что путь свободен и безопасен.

1963—1965 гг.

Алма-Ата — Киев — Алма-Ата.